ISSN 0131—0097

ОГОНЁК

№ 37 СЕНТЯБРЬ 1990

ПО ШЕЛКОВОМУ ПУТИ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Учрежден 1 апреля 1923 года

№ 37 (3295)

8 — 15 сентября

ИЗДАТЕЛЬ — ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА»

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

На трассе международного автопробега. (См. в номере материал «Промчались мимо...»).
Фото Марка ШТЕЙНБОКА

Оформление А. А. КОВАЛЕВА
при участии Т. А. НОВРУЗОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на 1991 год — 46 руб. 80 коп., на полгода — 23 руб. 40 коп., на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу с 1991 года — 1 рубль.

УСЛОВИЯ КОММЕРЧЕСКОГО ПРОКАТА, ПОДПИСКИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ ВЫПУСКОВ «ОГОНЕК-ВИДЕО» ПО ТЕЛЕФОНУ 212-15-79.

Сдано в набор 20.08.90. Подписано к печати 04.09.90. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 4 600 000 экз. Заказ № 2686. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Внутренней политики и оперативного анализа — 212-15-39; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 251-90-55.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Николай Травкин: ПРАВИТЕЛЬСТВО РЫЖКОВА ДОЛЖНО УЙТИ В ОТСТАВКУ

Призывы к отставке правительства Николая Рыжкова звучат все настойчивее и чаще. С этим требованием выступают и шахтеры, и народные фронты, и радикальная интеллигенция, и влиятельные политики. В обращении к Верховному Совету страны сочло необходимым «выразить недоверие правительству Союза ССР и добиться его отставки» и правление Демократической партии России. Чем объясняется наше упорство в стремлении сместить союзное правительство?

Давайте рассуждать. Какая ситуация была, к примеру, полгода назад? Решительное, остановимое лишь грубой силой и одновременно почти паническое бегство республик из состава СССР. «Стройте свой коммунизм без нас!» Шли гонки — кто быстрее соберет свой парламент, примет декларацию о суверенитете и поспешит к выходу... Империя разваливалась, и все бы хорошо, когда бы этот развал не сопровождался кровавыми столкновениями, а вблизи не маячили призрак гражданской войны и всесоюзный комендантский час.

Сегодня появилась надежда.

О своем суверенитете объявила крупнейшая республика — Россия. Принимается программа комиссии Горбачева — Ельцина по экономическому преобразованию страны. Программа серьезная, дельная, умная. Речь в ней идет о создании внутрисоюзного «общего рынка», то есть столь выгодных условий сотрудничества между республиками, что отчаянное бегство из Союза уже не представляется единственным шансом на спасение. Начинают действовать экономические законы, подсказывающие политикам разумный путь.

По сути, программа Горбачева — Ельцина противоположна рыжковской, и этого не могут не замечать в республиках даже самые яростные сторонники разрыва с СССР. Главный козырь в их руках — бездарная правительственная программа, прямиком ведущая страну к катастрофе.

Возможности реализации самых прекрасных планов затруднены у нас социально-политическими причинами. В хорошую программу должен поверить народ. Для этого нужно правительство, которому кредит доверия будет дан. Такого правительства сегодня у нас нет. Это первое условие. Предположим, оно выполнено. Что еще может помешать? До тех пор, пока компартия, десятилетиями грабившая страну, не согласится отдать народу свое имущество, напряженность будет только нарастать. И это может свести на нет все экономические усилия. Грянет взрыв. Я не хочу и очень боюсь этого. Потому и считаю, что нынешнее правительство должно, наконец, послужить Отечеству, совершить доброе дело — уйти в отставку.

Фото Анатолия БОЧИНИНА

РЕШАЕТ

ТЕЗИСЫ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Николай Шмелев: ПРАВИТЕЛЬСТВО ДОЛЖНО ПОЙТИ НА УСТУПКИ

Заместитель председателя экспертной Комиссии по оценке альтернативных вариантов перехода к рыночной экономике Н. Шмелев передал в «Огонек» материал, отражающий его личное мнение о правительственной программе, а также иных вариантах реформы.

Сознаем, что тезисы — не самый лучший для массового журнала жанр. Но не видим иной возможности оперативно донести до читателя суть споров и дискуссий в верхних эшелонах по поводу выбора путей кардинальной перестройки нашей экономики. Между тем сейчас, в эти дни, предстоит сделать выбор, от которого зависит не только судьба правительства, но и всей страны, наша с вами судьба.

Изучение представленных в Комиссию проектов и материалов показало, что профессиональное общественное мнение страны не видит другого реального выхода из сложившегося тупика, кроме перехода к рынку. Иная альтернатива — возврат к директивной экономике — всерьез среди специалистов не рассматривается и не обсуждается. Комиссия в своей работе исходила из того, что в свете задач, стоящих сегодня перед страной, возможности прежней директивной системы в экономике полностью исчерпаны.

Вместе с тем проекты и материалы, изученные Комиссией, заметно отличаются как от правительственной программы, так и друг от друга по общему подходу к проблеме и по конкретным вопросам перехода к рынку.

Говоря об исходной идеологии экономической реформы, следует прежде всего отметить более, так сказать, гуманный, социально ориентированный характер большинства из представленных проектов в сравнении с концепцией правительства. Целью реформы должно быть в первую очередь быстрое, видимое всем улучшение повседневных условий жизни советского человека. Если же снижение жизненного уровня населения на первом этапе экономической реформы в отдельных областях неизбежно, оно должно быть максимально компенсировано его повышением в других областях. Речь идет прежде всего о насыщенности потребительского рынка, ликвидации дефицитов и очередей, улучшении психологического состояния общества, укреплении надежды людей на то, что движение вперед наконец началось.

Принципиальные различия имеются также в самом подходе к проведению экономической реформы, к очередности, динамике и технологии решения выдвигаемых задач.

Правительственный подход характеризуется прежде всего упором на производство и фискальные цели. Проблема денег, восстановления дееспособности рубля и равновесия на потребительском рынке, создания реальных условий для конкуренции имеет в правительственном проекте подчиненное значение. Еще меньшее внимание уделяется в нем внешнему фактору, привлечению ресурсов извне. В целом проект правительства характеризуется нерешительностью и половинчатостью предлагаемых мер, в нем еще очень сильно влияние отживших идеологических традиций и представлений.

Большинство из альтернативных вариантов, напротив, выдвигает на первый план денежно-финансовые проблемы страны, восстановление равновесия на рынке и создание в экономике обстановки всеобщего превышения предложения над спросом — главного условия развития конкуренции, то есть развития самого рынка. Внешний фактор

СЯ СУДЬБА СТРАНЫ

рассматривается в этих проектах как важнейший, а на первом, самом трудном и социально самом опасном этапе реформы — как первостепенный. Альтернативные варианты исходят из необходимости резко ускорить динамику назревших преобразований, усилить их радикальность и прагматический характер. Экономический механизм создаваемого в стране рыночного хозяйства должен быть полностью свободен от идеологического бремени. Идеологические традиции должны найти свое место лишь в одном — повышенной защите населения от неизбежных социальных последствий при переходе ее к рынку.

Изучение представленных в Комиссию материалов показывает, что существует реальная возможность разработки своего рода «синтетического варианта» перехода к рыночной экономике — варианта, который вобрал бы в себя все лучшее как из правительственного, так и из альтернативных проектов. Подобный «синтетический вариант» мог бы стать основой для некоего консенсуса обновленческих сил на левоцентристской платформе, объединив всех, кто сегодня выступает за демократизацию общества и радикальную экономическую реформу. Этот вариант мог бы также стать важнейшим фактором согласования политической линии между центром и суверенными республиками, объединив их общей целью — построением единого интегрированного рынка в масштабах страны.

Для выработки такого «синтетического варианта» необходимо преодолеть основные различия между правительственным проектом и имеющимися альтернативами перехода к рынку. По всем пунктам разногласий выбор следует делать в пользу более радикального, более решительного варианта, сообразуясь, однако, с реальными возможностями страны и учитывая необходимость поддержания максимума социальной стабильности в обществе.

Идеология «синтетического варианта» должна базироваться на трех важнейших и взаимосвязанных исходных предпосылках. Во-первых, это необходимость с самого же начала обеспечить видимое всем улучшение в каких-то важных аспектах повседневной жизни населения, а в дальнейшем — максимальную защиту его интересов от опасностей и превратностей рыночной экономики. Во-вторых, это демонополизация, создание условий для конкуренции, массовое возникновение субъектов рынка и хотя бы примитивной рыночной инфраструктуры уже на первом этапе экономической реформы, то есть не «в ходе рынка» и не «после рынка», а «до рынка». В-третьих, это восстановление в пределах одного-полутора лет равновесия на рынке потребительских товаров и производственно-технической продукции и, следовательно, восстановление работоспособности рубля. Путь к этой цели — «связывание» сбережений населения и предприятий через массированную продажу государственных активов и обязательств, повышение процента по вкладам, «выкуп» «горячих» денег с помощью импортных товарных инъекций, резкое сокращение бюджетного дефицита и эмиссии «пустых» денег.

Только восстановление потребительского рынка и насыщение магазинных прилавков позволяют надеяться, что население примет и как-то поддержит неизбежную реформу цен, которая при любом варианте ее проведения будет исключительно болезненной. Именно поэтому Комиссия считает, что реформа розничных цен должна быть не первым шагом в переходе к рынку, а одним из шагов в процессе этого перехода, возможным если не после, то по крайней мере по ходу очевидного оживления экономики, развития предпринимательства и наглядного улучшения положения на потребительском рынке. «Польский вариант», то есть шоковую терапию, наше общество в его нынешнем состоянии не выдержит. А социально-экономическая ломка таких масштабов, как переход к рынку со всеми его беспощадными последствиями, без поддержки населения немыслима. Иными словами, необходимо «что-то дать», иначе вся стратегия радикальной экономической реформы может рухнуть на первом же ее этапе.

В этом свете основными пунктами разногласий между правительственным проектом и альтернативными вариантами реформы представляются следующие.

Структура собственности

Правительственный проект исходит из признания многоукладности экономики страны и признает право на жизнь и равноправные условия деятельности для пяти форм собственности: классической государственной, акционерной, кооперативной, мелкой семейной и иностранной. Большинство из предложенных проектов выступает за допущение шестой формы собственности — частной с наемной рабочей силой (возможно, ограниченной неким потолком по количеству нанимаемых). Недавнее постановление Совета Министров СССР о поддержке мелких и средних предприятий в принципе позволяет надеяться на снятие этого разногласия. Возможна, таким образом, легальная база для развития в нашей экономике всех форм свободного предпринимательства как коллективной, так и частной инициативы.

Нерешенным, однако, остается один важнейший в современных условиях вопрос — о частной собственности на землю (с правом ее продажи и залога). В наиболее радикальных альтернативных вариантах право частной собственности на землю признается неотъемлемым конституционным правом каждого гражданина. Предлагается наделение землей живущих (или изъявивших желание жить в деревне) бесплатно, а горожан — за единовременную или ежегодную плату. Право выхода из колхоза или совхоза с наделом или получением надела из пустующего фонда земель должно быть распространено на всю страну. Но особенно это важно для разоренных областей и регионов, где колхозы и совхозы обречены. Главный аргумент в пользу частной собственности на землю — крестьяне и желающие стать крестьянами никогда не поверят в аренду, они могут поверить только в полную, защищенную законом собственность и свое свободное распоряжение землей.

Демонтаж директивной системы, приватизация государственной собственности, демонополизация и развитие конкуренции, создание рыночной инфраструктуры

В данном пункте различие между правительственным проектом и большинством альтернативных вариантов состоит преимущественно в темпах, сроках и решительности предлагаемых изменений. В альтернативных вариантах предполагается ликвидация отраслевых министерств и децентрализация системы управления уже в текущем и следующем, 1991 году. Предусматривается также отказ от планирования по пятилеткам и резкое сокращение функций Госплана с переносом центра тяжести в его деятельности на разработку стратегических общегосударственных программ и проведение политики косвенного экономического регулирования. Госзаказ предлагается ограничить минимумом, включив в него, помимо потребностей общесоюзных программ, обороны, экспортных обязательств и государственных материально-технических резервов, лишь то, что будет необходимо для обеспечения производства узкого круга потребительской продукции, подлежащей рационированию (если все же будет избран вариант краткосрочного введения карточной системы на отдельные виды продовольствия и предметы самой первой необходимости). Остальное все должно быть оставлено рынку. Соответственно товаропроводящие функции Госснаба должны быть ограничены масштабами продукции, распределяемой по фондам, а главная часть существующей системы материально-технического снабжения трансформирована в самостоятельных оптовых посредников, действующих на коммерческих началах.

Важнейшей задачей в альтернативных вариантах считаются создание Управления государственных имуществ и скорейшая переоценка основных фондов государственного сектора, включая производственную и непроизводственную сферы. Акционирование государственных предприятий должно быть в основном закончено не за 10—15 лет, как предлагается правительством, а к середине 90-х годов. Акции предприятий должны продаваться всем юридическим и физическим лицам (включая иностранные) и свободно обращаться на рынке. Малые и средние государственные предприятия, а также безнадежные колхозы необходимо полностью продать их коллективам, кооперативам, частным лицам или иностранным инвесторам.

Большинство альтернативных вариантов исходит из того, что оживления предпринимательства, создания обстановки превышения предложений над спросом и развития конкуренции невозможно добиться лишь за счет приватизации государственного сектора, разукрупнения существующих управленческих структур и принятия антимонопольного законодательства. Наиболее быстрого и решительного толчка всем этим процессам можно ожидать от предоставления во всех областях экономики полной свободы предпринимательской деятельности кооперативным и частным предприятиям (как семейным, так и с наемной рабочей силой), особенно в мелком производстве, торговле, сфере обслуживания и строительстве. Насаждение предпринимательства сверху должно быть подкреплено широким встречным движением снизу. Важнейшим средством подрыва монополизма и расширения конкуренции должны также стать чрезвычайный (на первых порах) импорт потребительских товаров и малой производственной техники, а также приток инвестиционного капитала из-за рубежа.

Предложения по созданию необходимой рыночной инфраструктуры,— имея в виду развитие сети оптовой и розничной торговли, организацию бюро по трудоустройству, создание товарных, фондовых и валютных бирж, развитие налоговой службы, расширение сети коммерческих банков, переход к двухъярусной банковской системе и др.,— в правительственном и альтернативных проектах в основном совпадают. Помимо опять-таки сроков создания подобных рыночных институтов, принципиальное различие между этими проектами, по существу, лишь в одном — в будущем статусе Госбанка СССР и республиканских госбанков. Практически во всех альтернативных проектах предлагается предоставить Госбанку СССР полную независимость от правительства с подчинением лишь Верховному Совету СССР. В ряде проектов предлагается также перестроить систему Госбанка СССР на принципах, аналогичных федеральной резервной системе США, с тем чтобы самостоятельные республиканские госбанки образовывали единый Центральный банк СССР и управлялись общим советом директоров.

Восстановление равновесия на потребительском рынке и дееспособности рубля

Недооценка важности и социально-политической остроты этой проблемы во всем правительственном проекте отразилась и в системе предлагаемых правительством мер по ее решению.

В отношении «связывания» добровольных и вынужденных сбережений населения, а также предприятий предложения правительственного и альтернативных вариантов во многом совпадают. Это такие меры, как повышенный банковский процент по текущим и срочным вкладам (равный или перекрывающий темпы инфляции), массовый выпуск государственных среднесрочных и долгосрочных займов с подвижной процентной ставкой, продажа акций государственных предприятий, продажа значительной части государственного жилищного и нежилого фонда, а также развитие кооперативного и дачного строительства, продажа других видов государственного имущества, в том числе военного, и материально-технических запасов, выпуск займов под будущее товарное покрытие по принципу «деньги вперед», и т. д.

Здесь в дополнение к правительственному проекту альтернативные варианты содержат, по существу, лишь два принципиальных предложения: во-первых, продажу земли или сдачу ее в долгосрочную аренду (скажем, на 99 лет) горожанам и иностранным юридическим и физическим лицам и, во-вторых, распродажу сверхнормативных запасов, достигших на сегодня 200 миллиардов рублей, через аукционы всем желающим. В некоторых альтернативных проектах предлагается также в случае крайней необходимости временное замораживание средств на сберегательных счетах (с разрешением их снятия только в определенных пределах или на строго установленные, преимущественно инвестиционные, цели и начисление на хранимые средства гарантированного высокого процента).

Но в отношении наиболее разрушительных для рынка и социально наиболее опасных «горячих» денег, составляющих сегодня величину порядка 200 млрд. рублей (то есть от ¼ до ⅓ всей неотоваренной денежной массы), правительственный проект не предусматривает фактически никаких специальных мер. Между тем очевидно, что, пока эта гора «пустых» денег не ликвидирована, равновесие на потребительском рынке не будет восстановлено, и рубль работать не будет. Ни одна из представленных альтернатив не предлагает денежную реформу конфискационного типа, исходя из того, что тотальный вариант такой реформы невозможен и недопустим по социальным причинам, а ограниченный, рассчитанный только на верхний по доходам слой населения на практике ничего не даст, поскольку его издержки перевесят любые возможные выгоды.

Но «выкупить» эту гору «горячих» денег на первом же этапе реформы государство может и должно. Наиболее быстрый и наиболее дешевый путь такого выкупа — массированный импорт потребительских товаров (преимущественно с высокой бюджетной эффективностью), а также малой производственной техники. Аналогичную роль могут также сыграть открытые валютные аукционы для всех юридических и физических лиц.

Ссылки на то, что для подобного импорта у страны нет средств, в наших сегодняшних конкретных условиях несостоятельны. Валютные доходы и заемные возможности государства могут быть резко увеличены по многим направлениям: 1) поощрение (а не блокирование, как сегодня) экспорта, в частности, свертывание политики лицензирования экспорта и создание не одного, а 10—15 таких концернов, как АНТ; 2) резкое сокращение импорта зерна и по меньшей мере замораживание импорта оборудования для нового строи-

тельства в отраслях тяжелой промышленности; 3) мобилизация внутренних валютных доходов и сбережений населения; 4) предстоящий переход в торговле со странами СЭВ на мировые цены и расчеты в твердой валюте; 5) пересмотр нашей политики помощи социалистическим и развивающимся странам; 6) обмен части наших долговых обязательств в твердой валюте на акции приватизируемых советских предприятий; 7) продажа части долгов нам со стороны других стран на мировых финансовых рынках по ценам намного ниже номинала; 8) привлечение иностранных коммерческих кредитов на обычных рыночных условиях, а также под залог золотого запаса, или задолженности нам со стороны других государств, или концессий на разработку природных ресурсов; 9) двусторонняя и многосторонняя государственная помощь наших западных партнеров, в том числе через международные организации; 10) прямое привлечение в страну иностранного инвестиционного капитала на общепринятых условиях. Для решения проблемы «горячих» денег нам нужно вряд ли больше 20—25 миллиардов долларов в расчете на 1—1,5 года, и эти средства необходимо найти во что бы то ни стало.

Разумеется, нужны определенные условия, чтобы такая импортная инъекция была эффективной. Этот импорт не будет просто «проеден» лишь в том случае, если он станет только одним из элементов всей стратегии решительного продвижения по пути к рынку и будет синхронизирован с другими мероприятиями по осуществлению реформы. Вся эта операция с импортом должна быть проведена максимально быстро и при сохранении нынешнего (искусственно завышенного) официального курса рубля. Непременным условием должно быть также резкое сокращение бюджетного дефицита и прекращение эмиссии «пустых» денег. И, наконец, возможно, потребуется создание какого-то специального правительственного института (желательно временного) для организации подобного чрезвычайного импорта и доведения его до потребителя.

Ценообразование и реформа цен

Наибольшую трудность найти компромисс между правительственным и альтернативными вариантами перехода к рынку составляет проблема ценообразования.

Правительственный подход к реформе цен представляется откровенно фискальным. Обнаженно суть его — отобрать у населения 65 миллиардов рублей и покрыть тем самым основную часть бюджетного дефицита. Неубедительны также ссылки правительства на необходимость (действительно существующую) ликвидировать вопиющие деформации в ценовых пропорциях: проект правительства предлагает, по существу, всеобщее повышение цен, в том числе и на те товары, в цене которых высока доля важнейшего деформирующего фактора — налога с оборота. Совершенно не соответствующим целям перехода к рынку является и намерение правительства оставить под твердым государственным контролем 85 процентов действующих цен и лишь 15 из них оставить рынку. Реакция населения на правительственный проект в этом свете вполне закономерна. Более того, можно с высокой долей уверенности предсказать, что население отвергнет предлагаемый правительством вариант при любой разъяснительной работе. И если он все же будет навязан стране, нас ждут, несомненно, тяжелые и взрывоопасные времена.

При большом разнообразии вариантов перехода к свободным ценам, предлагаемых в альтернативных разработках, по практическим соображениям наибольшего внимания заслуживают, по-видимому, два других, отличных от правительственного, подхода.

Первый состоит в том, что исходная идея о необходимости устранения глубоких ценовых деформаций и приближения внутренних ценовых пропорций к мировым является действительной, а не декларируемой целью начального (административного) этапа ценовой реформы. В этом случае одно плечо коромысла (искусственно заниженные цены) должно быть поднято, а другое (искусственно завышенные цены) — ровно на столько же опущено. В результате такой операции оба уродливых явления — и ценовые дотации, и необоснованный налог с оборота — в значительной своей части должны быть устранены из нашей экономической жизни. Это не значит, что данной цели можно добиться одним ударом, хотя в принципе общая сумма дотаций примерно равна сумме налога с оборота. По крайней мере на данном этапе доходы государства от налога на спиртное, табак, драгоценные металлы и потребительский импорт должны быть неприкосновенны. Но при резком сокращении ценовых дотаций эти доходы бюджета должны направляться не на субсидирование производителей, а на компенсацию (субсидирование) потребителей, прежде всего малоимущей их части. Нынешняя дыра в бюджете может быть ликвидирована другими способами, в частности дополнительным увеличением импорта потребительских товаров на 5—6 миллиардов долларов в год.

Бюджет от повышения цен и изменения ценовых пропорций не должен получить ничего. Все его доходы от этой операции должны быть возвращены потребителю через снижение цен на продукцию, облагаемую налогом с оборота, и через систему компенсации. После же такого административного шага (буквально на следующий день) не 15 процентов, а, возможно, все 100 процентов цен должны быть оставлены рынку. Во всяком случае, твердые государственные цены на что бы то ни было должны быть чрезвычайным исключением, а не правилом. При таком развитии событий, подкрепленном массированными товарными инъекциями на потребительский рынок, есть шанс, что наше вконец уже напуганное население подобную ценовую реформу все же примет.

Другой альтернативный подход отчасти напоминает шоковую терапию, но в ее значительно смягченном варианте. Суть его состоит в том, что населению обеспечивается какой-то (весьма низкий) уровень потребления либо по карточкам, либо путем поддержания твердых, искусственно низких государственных цен на самый ограниченный ассортимент товаров первой необходимости. Все остальные цены оставляются коммерческой торговле, то есть свободному рынку. В «карточном варианте» набор нормируемых и продаваемых по твердым ценам товаров должен включать (согласно, например, проекту «500 дней») лишь хлебопродукты и крупы, молоко, растительное масло, сахар, узкий круг предметов ширпотреба, а также квартплату в пределах минимальных норм жилой площади. В «некарточном варианте» по твердым низким ценам должны продаваться, скажем, низшие сорта мяса, хлеба, маргарин, обезжиренные молоко и творог, и т. д. И «карточные», и «некарточные» твердые, субсидируемые государством цены должны сохраняться лишь на первом, самом болезненном этапе реформы, пока доходы населения и государственные возможности по социальному обеспечению малоимущих не возрастут настолько, чтобы передать все без исключения цены свободному рынку.

Очевидно, что и этот вариант не несет в себе фискальной направленности и в то же время делает значительно более решительный шаг к свободному ценообразованию — основе всякой рыночной экономики. И оба альтернативных варианта исходят из главного: в сложившихся на сегодняшний день условиях в стране нельзя начинать переход к рынку с реформы розничных цен и тем более нельзя использовать ценовую реформу лишь для ограбления населения в пользу госбюджета.

Налоги, бюджет, бюджетный дефицит

Во многих альтернативных вариантах, представленных в Комиссию, остро критикуются налоговая политика правительства и новые законы о налогах. Критикуются за то же самое, что и правительственный проект реформы ценообразования,— за близорукий, чисто фискальный подход, за заботу в первую очередь о сиюминутной, примитивно понимаемой бюджетной выгоде, а не о создании в стране обстановки, способствующей резкому росту доходов предприятий и населения, а тем самым и росту доходов государства.

В Законе о налогах с населения наиболее резкие возражения вызывает принятая прогрессивная шкала налогообложения, в наших условиях стимулирующая не добросовестный и инициативный труд, а массовое воровство. Близоруким и несправедливым является также налогообложение кооператоров, фермеров и индивидуального предпринимательства вообще, творческих работников, иностранных граждан. Этот порядок налогообложения толкает их в теневую экономику либо вообще парализует их деятельность и инициативу. В подобных условиях ожидать, что у нас в стране начнется движение к рыночной экономике не только сверху, но и снизу, совершенно нереалистично.

Аналогичный характер носит и критика в адрес налогообложения прибыли предприятий. Основные уязвимые пункты принятой системы налогообложения: двойной груз налогообложения с учетом отчислений на социальные нужды, запретительный налог на любую сверхприбыль без различия ее источников (получена ли она от манипулирования с ценами или от нового технического решения, творческой инициативы), обложение налогами не только инвестиций вообще, но и освобождаемых во всем мире инвестиций в техническую реконструкцию и модернизацию производства, не привлекающий, а, наоборот, отталкивающий налог на доходы наших иностранных партнеров. Резкую критику вызывает также намерение правительства изымать в свою пользу 20 процентов амортизации, что также идет вразрез со всеми мировыми тенденциями.

Не говоря уже о всех других трудностях перехода к рынку, одна нынешняя налоговая система способна парализовать экономическую реформу на первом же ее этапе. Вопрос сегодня стоит так: либо государство, экономика которого находится в полумертвом состоянии, даст простор всем творческим, предпринимательским силам, на которые еще способно наше общество, либо кризис и развал нашего народного хозяйства будут нарастать. Нельзя одновременно преследовать две цели: с одной стороны, продолжать за счет ограбления своего народа поддерживать разваливающееся здание административной системы, финансируя все ее безумные непроизводительные расходы и ее неэффективность, а с другой стороны, надеяться, что под этим давящим грузом откуда-то сами собой пробьются и потянутся вверх массовые ростки жизни.

В таких условиях трудно удивляться, что основное внимание правительственного проекта перехода к рынку направлено не столько на доходную часть бюджета, сколько на поиски сокращения расходной его части. Если принять подобный подход за данность, то относительно путей сокращения государственных расходов между правительственным и альтернативными вариантами особо кардинальных расхождений не наблюдается, различия лишь в радикальности вносимых предложений. Альтернативные варианты исходят прежде всего из того, что уже в следующем году дефицит бюджета должен быть полностью или почти полностью ликвидирован и впредь покрываться только госзаймами, денежная же эмиссия должна быть прекращена. Главные источники экономии: дальнейшее сокращение оборонных расходов, уменьшение расходов на содержание административного аппарата, сокращение иностранной помощи, ликвидация или резкое сокращение государственных дотаций промышленности, сельскому хозяйству, транспорту, жилищно-коммунальной сфере, резкое сокращение фронта производственного капитального строительства и консервация особенно разорительных долгостроев, резкое сокращение расходов на мелиорацию и геологоразведку, а также на все проекты, имеющие чисто престижный характер. Обращает на себя внимание также предложение передать в госбюджет централизованные денежные фонды общесоюзных министерств, составляющие сегодня величину порядка 40 миллиардов рублей.

Капитальное строительство, структурные сдвиги

Некоторые из альтернативных вариантов идут дальше правительственного проекта и в предложениях по решению проблемы капитального строительства в ее увязке, с одной стороны, с потребностями выравнивания госбюджета и, с другой, необходимостью структурного маневра в строительной промышленности и сопряженных отраслях с целью насыщения потребительского рынка.

Ситуация в строительстве расценивается как второй по важности фактор дестабилизации товарно-денежного обращения в стране. Предлагается сократить госзаказ до 15—20 процентов капитальных вложений и ограничить фронт строительства по числу одновременно сооружаемых объектов в 2—2,5 раза путем консервации долгостроев, а также налогообложения нового строительства (до 30 процентов от стоимости как централизованных, так и нецентрализованных инвестиций) и налогообложения незавершенного строительства. Предлагается, помимо этого, резко повысить процент за долгосрочные ссуды банка. Разумеется, все предлагаемые меры должны быть дифференцированы, имея в виду льготы в финансировании и кредитовании отраслей и предприятий, работающих на потребительский рынок.

Вывод из обращения фактически не обеспеченных материалами и оборудованием 20—25 процентов инвестиций позволил бы ликвидировать дефицит и создать оптовый рынок строительных материалов. Одновременно в альтернативных проектах предлагается начать массовую распродажу незавершенных строек, неустановленного оборудования и сверхнормативных запасов материалов любым юридическим и физическим лицам, включая иностранные. По оценкам, могло бы быть распродано около половины незавершенного строительства, что принесло бы казне до 90—100 миллиардов рублей.

Проделанные расчеты показывают, что совершенно не адаптируемые к предлагаемым изменениям объекты строительства составляют около 9 процентов от стоимости незавершенного строительства, или менее 17 миллиардов рублей. Для остальной части строительства передача его консорциумам, продажа с торгов, перемещение и переспециализация подрядных организаций, новое проектирование и другие меры вполне могут обеспечить переориентацию капитального строитель-

ства на потребительские нужды и сокращение его средних сроков до 2—3 лет. Особенно легко адаптируется жилищно-гражданское и инфраструктурное строительство. Неизбежные при этом перемещения кадров строителей, по-видимому, в целом не будут превышать сегодняшнюю фактическую текучесть рабочей силы.

Вместе с тем расширение продажи жилья, а также нежилых помещений для предпринимательских нужд, создание подрядного строительного рынка и свободного рынка стройматериалов могли бы стать наиболее динамичным и ощутимым фактором не только перехода к рыночным отношениям, но и глубокой структурной перестройки всей нашей экономики в пользу потребителя. Это, наверное, потенциально самый крупный рынок у нас в стране. Коммерциализация строительства могла бы также естественным путем снять проблему расчетов за строительные работы (необходимо только за конечные результаты) и устранить повышенную инфляционную роль этого сектора экономики.

Внешнеэкономическая деятельность

В принципиальном плане в данном пункте альтернативные варианты в наибольшей мере отличаются от правительственного проекта по двум основным направлениям.

Это, во-первых, уже обсуждавшаяся выше роль внешнеэкономического сектора в решении проблемы сбалансированности рынка. Необходимо, кроме того, добавить, что в подавляющем большинстве альтернативных вариантов значительный упор делается на привлечение в страну долгосрочных иностранных инвестиций в разнообразных формах: участие в совместных предприятиях, свободные экономические зоны, прямые частные иностранные инвестиции во все гражданские отрасли, наконец, концессии на разработку тех или иных природных ресурсов. Однако здесь не должно быть никаких иллюзий: одной политической и юридической базы для массированного привлечения иностранного капитала абсолютно недостаточно. Этот процесс не может получить сколько-нибудь широкого развития до тех пор, пока хотя бы частично не будет решен основной вопрос — проблема конвертируемости рубля.

И в данном свете представляется совершенно непонятным, почему правительство с такой легкостью отвергло вариант перехода к конвертируемой валюте путем создания параллельных денег, не важно, какое бы они носили название — боны, обратимые деньги или, как в 20-х годах, червонец. Фактически параллельные деньги уже проникли во все поры нашей экономической жизни, но эти деньги — доллар. Ни одна страна мира не допускает у себя свободного сосуществования на рынке своей, национальной валюты и иностранных денег. В нашем же случае ситуация еще усугубляется тем, что, пока нынешний «плохой» рубль достигнет хотя бы частичной конвертируемости, он может быть полностью уничтожен долларом. Между тем своя, пусть и параллельная, конвертируемая валюта (золотой рубль или червонец) могла бы не только очень быстро поставить весь наш внешнеэкономический сектор на здоровую основу (включая импорт иностранного капитала), но и постепенно вытеснить из оборота «плохой» рубль, расширяя сферу своего действия по принципу концентрических кругов. Параллельная валюта могла бы базироваться на активной деятельности наших экспортеров, аукционной продаже ее за простые рубли всем юридическим, а вскоре и физическим лицам, расширении сферы коммерческих магазинов, торгующих импортом, наших золотовалютных резервах и, наконец, на международном кредите, включая и целевой кредит международных финансовых институтов. Мы уже фактически вступили на этот путь, и нет никакого резона в столь быстро развивающемся процессе тащиться в хвосте событий, а не встать впереди них.

Аграрная политика

Наверное, самые острые споры в нашем обществе вызывает сегодня положение в агропромышленном комплексе. Правительственный проект занимает в этом вопросе весьма неопределенную, нерешительную позицию. Альтернативные варианты, напротив, выдвигают ряд радикальных предложений.

Это, во-первых, предложение о полном отказе от государственного субсидирования безнадежных и низкорентабельных колхозов и совхозов (а таких сейчас не менее 60 процентов, и они дают вряд ли больше четверти всей товарной продукции сельского хозяйства). В таком случае неизбежны, по-видимому, их самороспуск и трансформация в другие формы хозяйствования, включая малые кооперативы и фермерские хозяйства, которым должно быть предоставлено право (с рассрочкой или без нее) выкупа имущества распускаемых хозяйств.

Во-вторых, предоставление конституционного права каждому крестьянину на выход из колхоза или совхоза с наделом и закрепление за ним этого надела в частную собственность. Предлагается также предоставить всем городским жителям право покупки земли в частную собственность, а также расширить размеры приусадебных участков для тех, кто остается в колхозах или совхозах.

В-третьих, выдвигается предложение ограничить госзаказ для колхозов и совхозов минимумом, необходимым для обеспечения нормируемого распределения продовольствия (если будет избран этот вариант), а также для создания и поддержания государственных продовольственных резервов. Сбыт всей остальной сельскохозяйственной продукции должен быть предоставлен рынку по свободно формирующимся ценам, включая госзакупки.

В-четвертых, следует распустить все органы прямого директивного управления сельским хозяйством на всех его этажах, заменив их кооперативными и коммерческими формированиями, осуществляющими сбытовую, снабженческую, ремонтную, строительную, консультативную и иную деятельность на хозрасчетных, рыночных принципах. Министерство сельского хозяйства должно быть воссоздано и превращено преимущественно в научно-консультативный центр, не управляющий сельским хозяйством, а направляющий его развитие.

В-пятых, необходимо резко увеличить поставки малой техники и технологии в сельское хозяйство за счет закупок по импорту. Государству также необходимо увеличить централизованные инвестиции в дорожное строительство (до уровня районных дорог), а также обеспечить льготный режим финансирования и банковского кредитования подрядных строительных организаций, осуществляющих в агрокомплексе строительство предприятий по хранению и переработке сельскохозяйственной продукции. Маневр в строительной индустрии, высвобождающий значительные строительные мощности и резервы стройматериалов, должен тем самым обеспечить в первую очередь насыщение сельского рынка.

Меры социальной защиты

Большинство альтернативных вариантов, так же как и правительственный проект, исходит из того, что переход к рынку не может быть безболезненным для населения. Однако этот переход может и должен быть максимально смягчен, с тем чтобы не вызвать социального взрыва и не скомпрометировать в глазах людей идею рынка еще до того, как она начнет реализовываться на практике. Наиболее болезненными для населения будут, несомненно, рост цен по всему кругу потребительских товаров и рост безработицы в связи с прекращением искусственной государственной поддержки убыточных производств как в промышленности, так и в сельском хозяйстве.

Основные линии социальной защищенности, предлагаемые альтернативными вариантами, сосредоточиваются на следующих направлениях:

1) Наиболее действенное, наиболее ощутимое на сегодня средство улучшения общественного климата в стране, которое поможет людям смириться с опасностями и неопределенностями надвигающегося рынка,— насыщение прилавков в наших магазинах, безразлично, каким путем, включая импорт. Возможность потратить имеющиеся деньги на то, что необходимо, означала бы сегодня реальный рост жизненного уровня среднего советского человека примерно в 1,5—2 раза. Насыщенность потребительского рынка могла бы, таким образом, стать на какое-то время главным фактором компенсации для всех тех потерь, которые связаны с неизбежным ростом розничных цен.

2) Не следует полностью отбрасывать такой в целом нежелательный, но, может статься, неизбежный фактор социальной защиты (в первую очередь малоимущих слоев населения), как временное распределение по карточкам или твердые субсидируемые цены на максимально узкий круг продовольственных товаров и предметов первой необходимости. Но эта мера, с точки зрения перехода к рынку, имеет смысл только в том случае, если основная масса и основная номенклатура потребительских товаров будут продаваться в коммерческих магазинах по свободным ценам.

3) Все, что госбюджет получит от ликвидации государственных дотаций на потребительские товары и повышения розничных цен, должно быть абсолютно честно и без остатка возвращено потребителям через систему компенсаций (с упором в первую очередь на наиболее обездоленные слои населения).

После реформы розничных цен буквально сразу или в самое же ближайшее время должен быть установлен принцип индексации зарплаты и цен, причем с минимальным временным лагом между ними и для всех уровней личных доходов. При проведении реформы цен государство должно также обеспечить сохранность сбережений населения в сберкассах, установив для них разовый компенсирующий коэффициент повышения, а в последующем подвижный процент в зависимости от уровня инфляции.

4) Налоговая политика государства должна быть направлена не на ограничение доходов и заработков, а на то, чтобы дать людям максимальные возможности заработать. Не должно быть никаких потолков для доходов и заработков, а налоговая прогрессия должна быть умеренной, не подавляющей человеческую активность и инициативу. Основными средствами против чрезмерной социальной дифференциации населения должны быть борьба против укрывательства от налогов и солидный налог на наследство.

5) Политика борьбы против структурной безработицы должна быть признана одним из национальных приоритетов, но сутью ее должно быть не искусственное сохранение ненужных рабочих мест, а создание новых возможностей занятости. Расходы государства на переквалификацию и перемещение рабочей силы, высвобождаемой в ходе структурных изменений и закрытия неэффективных производств, должны быть резко увеличены. Паспорта и институт прописки как таковой должны быть отменены как можно скорее.

Важнейший фактор решения проблемы занятости — всемерное расширение кооперативного и частного предпринимательства. Без использования любых возможностей занять высвобождающиеся в ходе перехода к рынку трудовые ресурсы мы не сможем эффективно и более или менее безболезненно избавить экономику от бремени излишней, бесполезной занятости, которая, по оценкам, достигает сегодня на наших предприятиях масштабов 35—40 миллионов человек.

6) Улучшению общественного климата, в котором происходит движение к рынку, могут, несомненно, содействовать общая гуманизация политики государства, выдвижение в число национальных приоритетов помощи старикам, детям, студенчеству, инвалидам, развитие всех форм социального участия, всемерное поощрение милосердия и общественной благотворительности.

Центр и республики

В альтернативных вариантах подчеркивается, что главным экономическим вопросом взаимоотношений между центром и республиками и регионами должен стать не дележ компетенции по вертикали, таящий в себе опасность сохранения (в несколько модернизированном виде) прежней командно-административной системы управления экономикой, а положение и полная самостоятельность предприятий как главных субъектов экономической деятельности. Акционерные, кооперативные, частнопредпринимательские, иностранные предприятия в своей деятельности не должны подчиняться никаким административным структурам — ни союзным, ни республиканским, ни местным. Они должны подчиняться лишь закону и общим правилам игры, установленным для единого, интегрированного рынка в масштабах всей страны.

Эти правила игры должны быть выработаны в ходе подготовки нового Союзного договора. И здесь союзному правительству придется, видимо, отступиться от некоторых претензий, нашедших свое отражение в правительственном проекте экономической реформы, в частности от его решающей роли в области ценообразования.

По положению на сегодняшний день представляется, что основными вопросами при предстоящем дележе компетенции должны стать: 1) доля центра, республик и мест в налогах, в том числе налогах в валюте; 2) взаимоотношения Центрального государственного банка и республиканских банков на базе единого денежного обращения; 3) условия управления государственной собственностью общесоюзного значения, включая транспорт, связь, электроэнергетические системы, оборонную промышленность; 4) порядок финансирования и разработки проектов по использованию природных ресурсов общесоюзного значения и условия отвода земли под общесоюзные нужды; 5) условия формирования общесоюзных фондов развития и поддержки отсталых регионов; 6) экологическая политика в масштабах всей страны.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что принципиальная возможность разработки «синтетической», общесоюзной стратегии решительного перехода к рынку наметилась. В правительственном проекте и в ряде принятых после его опубликования постановлений Совета Министров некоторые контуры ее уже обозначены. Использование всего ценного, что содержится в альтернативных вариантах, может сделать эту задачу разрешимой. Правительство должно пойти в основных спорных вопросах на уступки. И не только в целях самосохранения, но прежде всего потому, что иначе народ намечаемый переход к рынку, по всей вероятности, не поддержит.

О ЧЕМ СПОРИМ?

Нет нужды лишний раз говорить о том, какой вклад в перестройку нашего общества внес журнал «Огонек». Поблагодарим редакцию за плодотворную работу, критический настрой, желание улучшить положение дел в стране и попытаемся разобраться в сегодняшних «бедах» коллектива.

В № 34 под заголовком «Цена слова» опубликован, судя по тональности, прямо-таки крик души сотрудников «Огонька». Обращаются они ни больше, ни меньше сразу ко всему государству, парламенту, правительству. Чем же так обеспокоен коллектив журнала?

В связи с принятием Верховным Советом страны Закона о печати огоньковцы решили отделиться от издательства ЦК КПСС: «надоело зарабатывать на выставочные карнавалы газеты «Правда» (попробовали бы мы заикнуться о подобном транжирстве!) и на содержание в ней штата в полтысячи человек», «арендовать старые стулья с пишущими машинками и все остальное...».

Ну что тут можно сказать? Не желаете печататься в партийном издательстве — в добрый путь! Хотя и неприятно, конечно, выслушивать не веские аргументы в защиту отстаиваемой позиции, а откровенную брань. Причем на сей раз не только в адрес ЦК КПСС, партуправленцев, но и коллег-журналистов. Впрочем, сдержанностью эмоций огоньковцы и раньше не отличались. Если в «Правде», в «рекламных буклетах «Советский Союз» и «Советская женщина», как считают они, совсем никудышные литсотрудники, то по этой логике и те, кто выписывает, читает эти издания, все эти «славяне, эскимосы, гордые дети среднеазиатских пустынь» — тоже сплошь никчемные люди. Другое дело — читатели «Огонька»! Все они, один к одному, яростные приверженцы перестройки, демократии и гласности. Только беспокоясь исключительно об их благополучии, редакция и вступила в неравный бой.

Не будем сравнивать зарплату работников журнала «Огонек» с заработками правдистов, сотрудников журнала «Советский Союз», «Советская женщина», иных изданий. Отметим лишь, что среднемесячная зарплата корреспондентов составляет четыреста рублей, главного редактора — свыше восьмисот. Да и по части других благ не обделены.

Но тем не менее все же войдем в положение коллектива, на который вот-вот накатятся «хищные колеса пробуксовывающей машины». Не шутка ведь: если будет прикрыт «Огонек», то советским людям уже наверняка никогда не вкусить «настоящей колбасы и всамделишной свободы...».

Итак, редакция журнала «Огонек» жаждет самостоятельности. В соответствии с Законом СССР «О печати и других средствах массовой информации» любой трудовой коллектив в принципе вправе подать заявление о регистрации издания как независимого ни от каких политических партий, движений и организаций. Но в этом же Законе сказано, что это возможно при условии, если уже действующий учредитель откажется от этого статуса. Издательство ЦК КПСС «Правда» также направило в Госкомпечать СССР заявление о регистрации более полувека выходящего под его крышей журнала «Огонек». Подчеркнем: издание это никогда не было убыточным. Еще двадцать лет назад, задолго до прихода в него В. Коротича, оно имело свыше двух миллионов подписчиков и давало миллионы рублей дохода. Не спорим: редакцией сделано немало для того, чтобы поднять уровень журнала и тем самым привлечь большее число подписчиков, увеличить доходы. Но ведь за последние годы такими же темпами увеличивались и расходы издательства «Правда», связанные с обновлением материально-технической базы, закупками полиграфического оборудования, бумаги, красок. Об этом огоньковцы, конечно же, хорошо осведомлены, но почему-то предпочитают не информировать своих читателей о «чужих трудностях».

Помалкивают и о том, что две трети доходов «Огонька» составляет выручка от продажи приложений к журналу — собраний сочинений Куприна, Чехова, Толстого, Мережковского, других классиков. В этом труд не только нескольких сотрудников редакции, но и большого коллектива издательства «Правда», полиграфистов ряда крупнейших предприятий страны. Справедливо ли будет десятки миллионов рублей прибыли от издания классиков относить только на свой счет?

Не стоило бы и сгоряча ошарашивать читателей суммами, отрываемыми от «Огонька» на проведение «двухэтажного полозковского партсъезда», других партийных мероприятий. Известно, КПСС выделила из своего бюджета 500 миллионов рублей на повышение пенсий малоимущим гражданам, столько же — на укрепление здоровья детей в зоне, пострадавшей от аварии на Чернобыльской АЭС, десятки миллионов — на преодоление последствий страшного землетрясения в Армении, другие благотворительные цели. Считайте, уважаемые сотрудники редакции, что в этом миллиарде есть и ваш вклад.

Еще несколько слов о тяжкой доле журнала. Удовлетворяя интересы «Огонька», издательство «Правда» пошло на изменение периодичности выхода журнала «Советский экран», изменение формата молодежного журнала «Смена», подписчики которых, кстати говоря, также могли выражать свое недовольство. Фонд заработной платы работников редакции за два последних года увеличился в полтора раза.

Что касается вопроса хозяйственной самостоятельности редакции, то и тут никто журналу не чинил препятствий. Приняты решения, направленные на развитие хозрасчетных начал и повышение материальной заинтересованности работников в результатах труда (более широкие права предоставлены в расходовании фонда заработной платы и авторского гонорара, в создании фонда редакции журнала, предусмотрена увязка его размеров с доходами от издания, редакции направляется половина валюты, заработанной на рекламно-информационной деятельности и экспорте издания, и др.). Редакции предлагалось обсудить в деловой обстановке возникшие разногласия и найти взаимоприемлемое решение. Давайте его искать.

Зав. отделом партийных
издательств Управления делами ЦК КПСС [подпись] В. Костров

ЧТО ОТСТАИВАЕМ

Мы в редакции испытали неподдельную радость, получив письмо В. Кострова. Вот уж действительно лед тронулся! Как было еще недавно, если кому-то в аппарате не нравилось выступление газеты или журнала? Писалась жалоба в секретариат, в Политическое бюро или докладывалась по «вертушке». И принимались меры — к редактору, редколлегии или ко всем вместе.

А тут — и уже не впервые, заметьте — полемика на печатных страницах, совсем как в каком-нибудь истинно парламентском государстве, лишенном «ума, чести и совести» авангардного типа. Отлично, друзья! Отдадим должное и стилю, с каким написана заметка «О чем спорим?». Не традиционно-фанерный «новояз» — а, можно сказать, нормальная, не без некоторого изящества даже речь, с иронией и полемической заостренностью.

А теперь по существу — коротко и определенно.

Огоньковцы не отказывались от сотрудничества с издательством «Правда». Чего нам действительно хочется, так чтобы получаемые им от «Огонька» доходы расходовались во благо миллионов читателей, а не уплывали, как сейчас, в карман ЦК КПСС для дальнейшего «распределения». Это смешно и горько: одно из наиболее доходных издательств страны, ворочающее сотнями миллионов, заказав необходимое для продолжения выпуска «Огонька» оборудование, не имеет средств оплатить его. Именно материально бесправное положение издательства в Управделами ЦК КПСС — причина нехватки нужных мощностей и соответственно изменения периодичности выхода «Советского экрана» и формата «Смены». Никакой вины подписчиков «Огонька» в этом нет. Как и каких-то его, журнала, особых «интересов». Подписчик платит, сполна авансируя издательство,— оно печатает нужный ему журнал. Не правда ли, все просто? Когда же у издателя не хватает средств на надлежащее исполнение своих обязанностей (хотя бы в отношении тех же «Советского экрана» и «Смены»), тут-то и возникает вопрос: куда уплыли деньги подписчиков? И чего же удивляться, если взоры при этом обращаются на Управделами ЦК КПСС с его малоубедительным отчетом на съезде партии, на «двухэтажный полозковский съезд», на идеологически-увеселительные мероприятия и пропагандистско-убыточные издания? Не туда ли вбуханы трудовые денежки, переведенные через «Союзпечать» нашими подписчиками?..

В свете этого не легкомысленно ли звучит предложение: «Не желаете печататься в партийном издательстве — в добрый путь!»? «А наши деньги?!» — вправе полюбопытствовать, отправляясь в «добрый путь», многочисленные многолетние подписчики «Огонька». Ведь «издание это никогда не было убыточным», как подчеркивает В. Костров, и, следовательно, основательно участвовало в «расходах издательства «Правда», связанных с обновлением материально-технической базы, закупками полиграфического оборудования» и т. д. Элементарная порядочность требует честного возврата этого вклада перед тем, как ласково напутствовать от лица «партийного издательства».

Добавим, что основные средства, вырученные от подписки, шли отнюдь не на содержание редакции, существующей в жестких рамках смет и штатных расписаний, коими ведает Управделами ЦК КПСС. До сих пор мы только с его благоволения могли принять лишнюю учетчицу писем или послать собкора в союзную республику.

«Не будем сравнивать зарплату работников журнала «Огонек» с заработками правдистов... среднемесячная зарплата корреспондентов («Огонька») составляет четыреста рублей...» «Фонд заработной платы... за два последних года увеличился в полтора раза». Жалко, что тов. Костров не сравнил зарплату наших сотрудников с работниками газеты «Правда» — и нам, и читателям было бы очень интересно. Такая справка (если бы она была составлена объективно и не по последним лишь месяцам) показала бы, что действительно полгода назад (а не два года) после долгой, изнурительной борьбы, хорошо известной нашим читателям, и мы добились увеличения зарплаты, и «корреспонденты» вместо оклада в 160—180 рублей стали получать по 200—280.

Казалось бы, можно прожить. Но... Сегодня едва ли не каждого нашего творческого сотрудника наперебой приглашают различные новые издания, сразу предлагая им оклады в 2—5 раз выше наших нынешних. Еще и поэтому можно не сомневаться: свершись «учредительство» журнала под тем или иным видом Центральным Комитетом КПСС — и нынешнего «Огонька» больше не стало бы. Журналистам, увы (и к счастью), есть куда податься.

Автору письма со Старой площади вольно иронизировать над этим, но именно ощущение реально возможного конца вызвало «прямо-таки крик души сотрудников «Огонька». Отсюда и, надо полагать, верно замеченная (со стороны видней) недостаточная «сдержанность эмоций». Простите за эту недостаточность! С одним только не можем согласиться: будто огоньковцы считают своих коллег из других изданий «никудышными литсотрудниками», а их читателей — «сплошь никчемными людьми». Неправда это. Фраза относительно «рекламных буклетов» писалась с однозначным смыслом: Управление делами содержит пропагандистские издания за счет доходов других журналов и газет.

Можно прокомментировать и прочие доводы материального свойства, из которых состоит письмо В. Кострова (например, о «половине валюты», которая «редакции направляется»). Но пора сказать главное: все эти доводы, как и приведенные выше наши контрдоводы, к вопросу об учредителе и регистрации журнала **никакого отношения не имеют.**

Да, производители холста и красок получают деньги за свой труд. Но как-то не принято, чтобы они претендовали на доходы от проданной картины. И уж совсем чудно́, если они пытаются оспаривать ее авторство.

ОГОНЬКОВЦЫ

ШКОЛА

Оказывается, уже почти год, как в нашей высшей школе предмет «научный коммунизм» понижен в должности. Ныне студенты изучают опять же научный, но все-таки социализм. Следует полагать, что именно таким образом и осуществляется поворот системы образования «лицом к жизни»?

Об этом мне сообщил человек, в полной мере осведомленный,— знакомый официант Олег из московского ресторана «Стрелецкая слобода», совсем недавно защитивший диплом в Коммерческом институте (до последнего времени — Институт советской торговли). Более того, он даже подарил мне «Методическое письмо», авторы которого в первых же строчках сурово предупреждают студентов, что государственный экзамен именно по научному социализму является «серьезной проверкой политической, идейной, нравственной зрелости специалиста высшей квалификации в условиях революционной перестройки, обновления социализма».

Я потом проверил свои собственные ощущения, предложив трем профессорам из академических институтов (Международного рабочего движения и Мировой экономики и международных отношений) выбрать себе что-нибудь из списка тем рефератов. Профессора тяжело задумались.

Их «политической, идейной и нравственной зрелости» явно не хватало, чтобы раскрыть (в объеме 24—30 страниц) хотя бы «Актуальные проблемы совершенствования социалистического общества в СССР». Выразили они готовность поспорить про «Социализм в системе главных движущих сил современного развития», но опасались, что эта дискуссия может неоправданно затянуться. Возможность заработать «пятерку» за исследование «Национальных отношений и национальной политики при социализме» как-то их не привлекла.

Боже мой, страна, набивая шишки, пытается выкарабкаться на дорогу цивилизованного развития, при этом мы так часто непоследовательны, нерешительны, с таким трудом отказываемся от идеологических догм, все еще опутывающих общество по рукам и ногам. Старые, вполне дискредитировавшие себя структуры, так долго именовавшиеся социалистическими, никак не демонтируются, люди раздражены, жизнь дорожает. А смелые обществоведы-преподаватели по-прежнему заставляют студентов возводить в ранг науки каждый последний шаг политического руководства, в чем это руководство, думаю, уже не нуждается...

Я спросил у официанта Олега: «Ну, и какую тему для реферата выбрал ты?» Оказалось — «Социализм — живое творчество народа». «И сколько получил?» — «Три балла».

Ничего, на «троечку», а знает. Но ведь есть, наверное, и люди, сдавшие «госы» по научному социализму на «отлично»!

Павел ГУТИОНТОВ

ВО ВЛАДИВОСТОК — МИГОМ

Передо мной три газетных сообщения.

В первом — краткая информация о том, что в субботу 25 августа китайский истребитель МИГ-19 совершил посадку во Владивостоке. Летчик направлялся в Америку. Он задержан.

Затем — подробный рассказ о происшедшем. Длинный монолог сменного руководителя полетов: как услышал рев истребителя, как увидел его, как позвонил в ПВО, а там уже, представьте, знали, что «кто-то сел»...

Вскользь: 29 августа во Владивостоке приземлился пекинский ТУ-154. Подробно: как заправляли горючим МИГ, потом испортилась погода и «наши авиаторы» убедили в этом китайских, показав метеокарту; как взлетел наконец китайский истребитель, «взлетел и направился к границе». Вскользь: взлетел и ТУ и полетел в Китай, «унося в пассажирском салоне нарушителя границы, а в багажнике — боекомплект истребителя».

Всё.

Нет, еще два слова о летчике. 28 лет. Старший лейтенант. Ханец по национальности. Член КПК. Окончил военно-летное училище, служил в авиационном полку. Зовут Ван Баоюй. Информация КГБ СССР.

Не много надо фантазии, чтобы представить, как все это было. Как шли допросы. Параллельно — обмен мнениями с китайскими друзьями, на уровне посольств, министерств иностранных дел, а может, и выше. Как просил наших чекистов задержанный: не выдавайте меня обратно... А от тех тоже мало что зависит. Как спустили сверху приказ. Прилетели «представители КНР», надели на парня наручники, сели по бокам, и поднялся в воздух самолет, «унося в пассажирском салоне...». О том, что сейчас с этим летчиком, лучше не думать.

Что мы сегодня знаем о жизни в Китае? Помним, каким событием для китайской интеллигенции стал прошлогодний визит Горбачева; читали о том, что затем произошло на площади Тяньаньмэнь; кое-что знаем о погибших, многочисленных арестах и реакции Запада; догадываемся, что многолетняя вражда с Китаем дорого стоила нашим руководителям (да и народу нашему), чем объясняем нынешнюю политику компромиссов и умолчаний.

Что знают в Китае о нашей жизни? Полагаю, знают немало, однако рискну утверждать, что представляют ее, нашу жизнь, иной, чем она есть на самом деле. Пограничный инцидент, исход которого нетрудно было прогнозировать советскому человеку, подтверждает мою мысль. Китайский летчик, просивший у нас защиты и временного убежища, оказался наивен. Так и сказал работникам госбезопасности: хочу, мол, в Америку... Мы не оправдали его надежд, но и он напрасно надеялся. Я не знаю, что вынудило его бежать из своей страны, да теперь никогда и не узнаю и не слишком жалею о том: не любопытен. Я — о другом.

Одно время что-то стали угонять наши самолеты — то в Швецию, то в Финляндию. Сразу отметим: угоняли не истребители, а гражданские самолеты, с десятками пассажиров на борту. Как же поступают в подобных случаях соседи-скандинавы? Прежде всего, возвратив самолет и пассажиров, проводят длительное и скрупулезное расследование преступления, чем уже раздражают некоторых торопливых наших журналистов и часть общественности. Затем передают дело в суд. Одновременно по дипломатическим каналам договариваются с нашими представителями, что по политическим статьям в случае выдачи угонщиков судить не будут. Суд, разобравшись, выносит приговор: допустим, выдать. Приговор можно обжаловать в высшей инстанции, на что также уходит время. И лишь после того как соблюдены все формальности и возможность судебной ошибки сведена к минимуму, авиапиратов передают советским властям, что мы и наблюдаем в программе «Время». Между прочим, одного не выдали и приговорили сидеть в шведской тюрьме: видите ли, условия наших тюрем для этого изнеженного юноши, по заключению специалистов, непереносимы...

Такая медлительность может нравиться или раздражать — не важно. Важно то, что так и только так должны вести себя в подобных случаях цивилизованные страны. И когда заявляют, будто между СССР и КНР существует негласный договор о выдаче перебежчиков, так что все вроде бы по закону, приходится возразить, что такой договор уже по причине своей секретности беззаконен, поскольку точную правовую оценку любому проступку может дать только гласный и независимый суд; спецслужбам тут делать нечего.

Особняком — полузабытая уже история с детьми-заложниками и террористами, мгновенно выданными нам Израилем; но это происходило на глазах у всего мира, как и последующий суд, и приговоры. Ван Баоюй не брал заложников.

И вот наконец долгожданный комментарий специалистов. В международно-правовом управлении МИД СССР обстоятельно перечисляются три международные конвенции — Гаагская, Монреальская и Токийская, направленные на борьбу с воздушным пиратством. Тут же выясняется, что ни одна из них не имеет отношения к инциденту. Более того, официально признается, что в данном случае наше государство «считало себя свободным» в выборе решения. Впрочем, «как установлено,— поправляется сотрудник МИДа,— никаких политических притеснений Ван Баоюя не было». Установлено... Хорошее слово, солидное. Военный летчик поднимает истребитель, рискуя жизнью, пересекает границу, намеревается просить убежища, но «политических мотивов» у него нет. Что «установлено», вероятно, путем диалога с китайской стороной.

...От алиментов скрывался?

Столь же убедителен полковник юстиции из Министерства обороны В. Волков. Оказывается, выдав летчика, «мы руководствовались гуманными принципами и добрососедскими отношениями между нашими странами». К тому же Ван Баоюй «совершил воинское преступление», и это одно уже предоставляет широкие возможности поупражняться в гуманизме.

...Попахивает, не дай Бог, третьей мировой в Персидском заливе; в Армении, дай Бог, война уже на исходе; по России вспыхивают табачные бунты, полки магазинов пусты, идет съезд полозковской компартии — что нам до какого-то китайского летчика с непонятными его проблемами и явной обреченностью замысла? Прилетел — улетел, нам-то что за дело, свое бы разгрести... Но отчего-то свербит и ноет душа: может, затем и прилетал он, чтоб доказать нам, как недалеко еще мы ушли от прошлого и сколь далек путь к сияющим вершинам законности и свободы. Впрочем, что доказывать? И так знаем.

Илья МИЛЬШТЕЙН

ПАРТИЙНЫЙ БАЛЫК, АППАРАТНАЯ ИКРА

Протяжный вдох вызвало в Ленинграде сообщение депутата Ленсовета, члена комиссии по продовольствию Валерия Барсукова о поставках в город икры, красной рыбы, копченостей и другой простой русской еды. На особом снабжении традиционно стояли четыре городские столовые: Смольного, гор- и облисполкомов, КГБ. Так, например, 2,5 процента всей предназначенной пятимиллионному Ленинграду осетровой икры, 3,9 — красной рыбы шло по строго государственным ценам в «столовки», суммарно обслуживающие не более 6000 человек, причем по отдельным видам продуктов фонды обкомовской столовой, славящейся дешевой и очень недурной домашней кухней, практически равнялись фондам городского общепита.

Не менее протяжный выдох последовал после другого сообщения: комиссия по продовольствию Ленсовета постановила снабжать четыре прославленных заведения на общих основаниях, а партийный балык и аппаратную икру реализовывать через коммерческую торговлю. «Мы понимаем, что если дефицит выставить по двойной цене, как это обычно практикуют, его тут же сметут, так что цены, вероятно, будут близки к ценам «черного рынка»,— сказал в интервью «Огоньку» 38-летний слесарь Валерий Барсуков.— Вероятно, это будет специальный отдел в одном из магазинов на Невском проспекте. Половина членов комиссии склоняется к тому, чтобы его назвать «Деликатесы Смольного», и, по-моему, это достаточно уважительное по отношению к Смольному название».

30 процентов вырученной таким способом сверхприбыли планируется направлять на развитие производства тех, кто деликатесы Смольного производит, а 70 процентов — на социальную помощь малоимущим и в детские дома.

Соб. инф.

ХРОНИКА

Н. А. Рукушкина подала исковое заявление в народный суд Куйбышевского района Ленинграда в связи с тем, что вместо газеты «Ленинградская правда» (органа обкома КПСС и Ленсовета), на которую она подписалась, ей в результате действий обкома доставляют «Ленинградскую правду» — орган обкома КПСС.

За неявку на судебное заседание на «Ленинградскую правду» и первого секретаря обкома Гидаспова наложены штрафы по 50 рублей.

«Экспресс-хроника»

ДАН ПРИКАЗ: ПОСТРОИТЬ ДАЧУ●
МАЛАЯ РОДИНА ЕГОРА КУЗЬМИЧА●

■

В течение последних нескольких лет ветеран труда С. А. Бабко пытался найти больницу, где бы сделали операцию на сердце его внуку Сереже Летохину (1979 года рождения). Как оказалось, в нашей стране операции с диагнозом «тетрада Фалло» не делают. Минздрав СССР (и БССР), как и следовало ожидать, не в состоянии оплатить стоимость операции в валюте, что в общем-то понятно и, к сожалению, привычно. И вот теперь, когда найдена валюта, когда Минздрав СССР отправил в советское посольство в ФРГ все документы (а их, поверьте, немало), сотрудники посольства не выберут время (уже три месяца!) передать их западногерманским медикам.

Я видел радость деда, когда были получены гарантии на валюту, и я теперь вижу его отчаяние, отчаяние человека, в руках которого неизлечимо (в условиях Союза) больной внук. Я бы мог понять всех администраторов, не располагай мы валютой, но разум отказывается понимать отсутствие элементарной человечности... И это у людей, представляющих за рубежом нашу Державу. И за Державу обидно, и жизнь человеческая оборвется из-за волокиты посольских чиновников.

В. ЧИЧАГОВ,
депутат горсовета, председатель общества милосердия ПО «Азот»
Гродно

P.S. Почему пишу в «Огонек»? Потому что велик авторитет журнала. Потому что и сам в растерянности, всех «подключили». Остался Господь Бог, Президент и «Огонек». Вот и пишу вам.

■

Есть под Киевом село Пуховка, стоит оно на реке Десне. Замечательные места, богатый йодом воздух, песчаный берег, тишина... Но эта благодать уже в прошлом, а сейчас здесь ревет мощная военная техника, трактора, КамАЗы, ЗИЛы, МАЗы, взметнулись строительные краны разных марок, даже ремонтная мастерская на колесах пригнана. Думаете, здесь строят новый стратегический объект? Ошибаетесь, наступательным фронтом идет строительство дач для генералов и офицеров Киевского военного округа, создавших садоводческое товарищество «Волна».

Дачи для военных, что ж в этом плохого? Но вот что сообщают корреспонденты «Вечернего Киева», побывавшие на деснянском плацдарме. От напора стали и техники зеленого берега уже не осталось. Механизм строительства отлажен и работает исключительно на воинских приказах. Понятно, что приказы выполняют солдаты, а не генералы, которые их отдают. Приказы в армии не обсуждаются. Получили команду идти на дачи, значит, на дачи. Вот и мешают рядовые бетон, прибивают доски, кладут кирпич... Кто бы это из нас, гражданских, за семь рублей с копейками в месяц гнул спину на чьих-то садовых участках? Под неусыпным оком старшины работа спорится, и с военной оперативностью из белого кирпича уже выросли первые коттеджи.

Мы с мужем пожилые люди, он участник войны. Живем скромно, на пенсию. Я ветеран труда. Эта мощная техника да рабочая сила, бетон и кирпич не из государственного ли кармана оплачиваются, не из наших ли тощих кошельков? А главное: почему солдаты карабкаются по крышам генеральских и полковничьих дач? Настолько они бесправные и подневольные... Куда смотрит командующий Киевским военным округом?

М. ДОРОФЕЕВА
Киев

■

Мне кажется, что А. Нуйкин достиг в «Опыте иронической политологии» («Огонек» № 31) того уровня серьезного глубокомыслия, за которым — правда и ничего, кроме правды. Но позволю высказать несколько замечаний.

Маркс, Ленин и Сталин поставлены автором в один ряд как теоретики. Догматикам от «Краткого курса» нечем крыть. Это замечательно. Но сегодня значительное большинство читающей публики стоит в позе Понтия Пилата: «Что есть истина, граждане?» И умывает руки.

Статья может быть прочитана в духе этого, ни к чему не обязывающего скептицизма: ловко автор вывернул наизнанку официальную идеологию!

Я тридцать лет носил на себе клеймо особо опасного государственного преступника (реабилитирован осенью 1988 года) и вошел в Верховный Совет Российской Федерации как человек, отвергающий сталинизм, стремящийся понять, почему наша революция обернулась тотальной контрреволюцией. С младых ногтей до седины в бороде сохранил признательность Карлу Марксу за школу мысли, ту «алгебру революции», которая и сегодня обязывает не столько уповать на авторитарную либерализацию, сколько на «подземный гул» Кузбасса, Воркуты и Донецка.

Для меня, конечно, существенно различие между одним из основателей Международного Товарищества Рабочих (ныне здравствующий Социнтерн — законный наследник этой организации) и теми, кто, разбив концепцию Маркса на колоду цитат, маскировал ими под «социализм» однопартийную диктатуру, экспроприацию крестьянства, террор в отдельно взятой стране и империализм в мировом масштабе.

Не стал бы задерживать внимания на моей, еще одной точке зрения в океане сегодняшнего плюрализма. Дело в том, что эта точка зрения — не моя «личная собственность».

На вопрос о партийности вместо того, чтобы признаться: я «бес»,— я отвечаю и устно и письменно: «социал-демократ с 1883 года».

На самом деле, Г. В. Плеханов — мой учитель. Его критика социал-славянофильства и революционного авантюризма всех тех, кто мечтал о «большом скачке» крестьянской страны в «анархо-атеистически-коммунистический рай», его предупреждение, что захват власти социалистами и национализация земли чреваты 18 Брюмера, возвратом к «Московскому периоду российской государственности» и азиатскому способу производства, открыли глаза на существующее положение не одному поколению молодых людей.

Архипелаг ГУЛАГ проглатывал прозревших, но и в его недрах, и на «воле», как видите, не перевелись СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ.

Нас тоже волновал вопрос: «Что есть истина?» Но не умывание рук, а принятие горькой чаши было нашей судьбой.

Даже летом 1956 года (до венгерских событий) госбезопасность отлавливала в лагерях и среди реабилитированных «революционных марксистов» (дело Писарева, Мазура и др.). В конце 50-х — в начале 60-х годов по обвинению в «ревизионизме» лагеря Мордовии непрерывно пополнялись студентами и молодыми рабочими, проявившими ироническое глубокомыслие в духе Сократа, а не прокуратора Иудеи.

Не только христиане, наши товарищи по несчастью, но и мы, наследники социал-демократической традиции, были ТАМ и, как могли, противостояли лжи и насилию.

М. МОЛОСТВОВ,
член Комитета Верховного Совета РСФСР по правам человека
п/о Еремково Удомельского района Тверской области

■

Все мы знаем, что Е. К. Лигачев, потерпев поражение в борьбе за второй пост в КПСС, сообщил о своем намерении вернуться на некоторое время в Сибирь, на свою родину. Он будет писать книгу о политике и экономике в последние пять лет.

Но вот, оказывается, малой Родины Егора Кузьмича уже не существует. Об этом пишет наша газета «Момент истины», которую вам высылаю. Позвольте процитировать: «...село Дубинкино, откуда родом бывший член Политбюро, еще несколько лет назад пришло в упадок. Там оставалось только два развалившихся дома. Но скоро и они были снесены, а земли распаханы...»

На грустные мысли наводит это сообщение.

О многомиллиардном ущербе, нанесенном антиалкогольной политикой, вдохновителем которой был Е. К. Лигачев, думаю, мы все же прочитаем в будущей книге. Но, видимо, об аграрной политике партии нам еще предстоит многое узнать, если было сметено с лица земли родное село самого члена Политбюро, отвечавшего за аграрную политику КПСС.

В. САВЧЕНКО,
слесарь-сборщик,
Г. ШАДУРА, шофер
Новосибирск

■

В настоящее время существует порядок, при котором военкоматы беспрепятственно вызывают повестками лиц, отслуживших в армии и стоящих на военном учете. Чем же занимаются эти товарищи?

Только не подумайте, что они совершенствуют свое военное мастерство или осваивают новую боевую технику. В основном они разносят повестки. В нашем цехе, к примеру, за пять месяцев этого года 11 человек носили повестки 32 дня, а предприятие выплатило им около 500 рублей.

Почему предприятие? Есть бюджет Министерства обороны, и пусть расплачивается министерство через свои военкоматы. Получается, что мы имеем скрытые расходы на армию. Уверен, как только Министерство обороны будет платить свои «кровные», в стране резко снизится количество призываемых «разносчиков повесток».

П. ЧЕРНЫЙ,
начальник инструментального цеха ПО «Завод имени Малышева»
Харьков

■

Июль 1990 года, кассы Белорусского вокзала в Москве. Отдельная касса для льготных пассажиров. В списке граждан, пользующихся льготами в приобретении билетов, наряду с Героями Советского Союза и другими не менее уважаемыми людьми, есть и такая категория: лица, награжденные знаком «50 лет пребывания в КПСС».

Не исключаю, что среди ветеранов партии немало и достойных людей, но давайте все-таки определять заслуги человека перед обществом по другим критериям, тем более если вспомнить, что происходило в стране последние 50 лет и, в частности, в каких органах можно было работать, только будучи членом КПСС.

И кроме того, а как же быть с многопартийностью?

В. ДАВЫДОВ
Ярцево Смоленской области

Премия за лучшую публикацию, которую учредила для «Огонька» американская фирма КОМПЬЮТРЭЙД ИНТЕРНЭШНЛ, в июле присуждена Дмитрию БАЛЬТЕРМАНЦУ за фотоснимки, напечатанные в № 30. Это посмертная публикация, посвященная памяти выдающегося фотожурналиста.

Борис СМИРНОВ

ПРОМЧАЛИСЬ МИМО...

Города мы проезжали, почти не притрагиваясь к педали тормоза, поселки пронизывали на скорости 130—140 километров в час — где уж тут разглядывать таблички с их названиями...

Так вот, один из поселков. Я увидел, как впереди затормозил один из мотоциклов нашей колонны — мощный, с белыми обтекателями БМВ, на котором ехала австрийская супружеская пара. Тотчас цепочка людей, стоявших на тротуаре и взглядами провожавших диковинную нашу колонну, колыхнулась и двинулась к мотоциклу — мы пронеслись мимо, и в глазах осталась только мгновенная, словно стоп-кадром выхваченная картинка: с противоположной стороны дороги, выпучив из-под фуражки глаза, яростно махал полосатым жезлом на аборигенов, подбегающих к мотоциклам, какой-то человек в милицейской форме...

Нетипично, нехарактерно? Да, готов подтвердить: больше я не видел таких же вот явных попыток отогнать местную публику от заезжих иностранцев. Все было бы хорошо, если бы не одно слово — «явных». А неявных попыток было больше чем достаточно, и не только попыток, но и вполне успешных, наверняка заранее продуманных «пресекающих» оперативных и организационных мер, после которых контакты «незапланированных» людей с иностранцами были сведены к приветственному размахиванию руками и к взаимным улыбкам сквозь строй милицейских погон. Ну, что их так бояться, этих иностранцев? Что такое страшное могут они нам сказать после всего, что мы ежедневно читаем в наших собственных газетах? И можем ли мы поразить их, иностранцев, своими откровениями после того, что они видели сами, после всех этих свалок техники по окраинам городов и сел, пустых прилавков в случайно попавшихся на пути магазинах, после наших тощих коров, барачного типа построек, мятых серых брюк и скособоченных автобусов? Когда же наконец те, из-за кого мы вынуждены краснеть перед гостями, перестанут учить нас патриотизму?

Шелковый путь, по которому шли караваны с Востока в Европу несколько веков назад,— понятие довольно условное: ученые и сейчас не могут в точности указать на карте эти древние торговые маршруты. Нынешняя экспедиция не собиралась, конечно, уточнять научные данные, и лишь в нескольких географических пунктах — на карпатских перевалах, у раскопок городища Тира под Белгород-Днестровским, в калмыцких степях или на месте старинного торгового Сарая под Астраханью — в историческом смысле наши пути совпадали. Но на каждом из нескольких тысяч километров, пройденных по территории СССР, раскрывалась другая, быть может, не менее важная, чем историческая, цель экспедиции: узнавание земли, сознание ее необъятности и неделимости, ценности для человека и беззащитности перед его не всегда, мягко говоря, разумными шагами.

Казалось бы, что общего у древнего Шелкового пути, который ЮНЕСКО объявила символом международного единения, с нашими внутренними проблемами? Может, и правда — не ко времени была нам эта экспедиция, больше напоминавшая пестрое моторизованное шоу, чем научное или даже просто познавательное путешествие? При наших-то бедах, с нашим, извините, голым торсом — и такие траты, такие хлопоты! Две недели везти уйму гостей по отнюдь не самым престижным нашим трассам, кормить их всем лучшим, что дает наша земля, отдавать им самые хорошие гостиницы (это в разгаре сезона), перекрывать для их проезда все движение на перегруженных и вечно ждущих ремонта дорогах... Нужны ли нам все эти «шелковые» пути?

Но... Караваны с шелковичными коконами и другими восточными дарами отправились в путь тогда, когда неведомые европейцам страны, например, Япония, покончили со своей добровольной гордой изоляцией и принялись наводить торговые мосты, мы тоже теперь, сняв железные шторы со своих границ, ищем новых контактов с миром, иначе говоря, взаимопонимания. Если столько лет смешили всех своей показухой — давайте теперь искупать грех своей откровенностью! Если не можем пока ничего путного им продать — давайте хоть не скупиться на свое традиционное гостеприимство, ведь мы еще великая держава, черт возьми!

Стоит добавить, что ни Совмин, ни Госплан к этой экспедиции никакого отношения не имели, и, стало быть, народный бюджет от данной акции не пострадал. Те организации, которые здесь перечислены, взяли весь груз на себя, и... Ничего бы из всей этой затеи не получилось, если бы не десятки неожиданных помощников, для которых чужие, по сути, гости стали как бы гостями своими. Нет, не все хорошее мы в себе, оказывается, растеряли!

Еще на границе, в Чопе, стражи наших рубежей отложили свои дела и с ходу пропустили всю экспедиционную колонну — с молчаливого одобрения многокилометровой очереди. Гаишники от Ужгорода до Астрахани, что называется, на ушах стояли, но обеспечили безопасную дорогу; Черноморское пароходство, сняв с «валютных» рейсов теплоход, доставило людей и технику из Одессы в Новороссийск; десятки артистов, профессионалов и любителей, согласились показать гостям свое искусство, а семеро ребят из Гнесинского института — самобытный ансамбль народной музыки — специально приехали из Москвы и прекрасно исполнили для гостей старинные русские песни; не стоит и говорить, какой они вызвали отклик, тем более что среди французов было несколько выходцев из русских семей, бережно почитающих родину своих предков...

На мой взгляд, программа могла бы быть не такой напряженной: побольше бы свободного времени для знакомств, неформальных встреч... Впрочем, несмотря ни на что, экспедиция удалась — и это главное! Пусть не все получилось, пусть мешал языковой барьер, но, честное слово, светлело на душе, когда на твоих глазах то и дело зарождалась понятная и нужная всем нам человеческая близость.

Наш пестрый мотокараван катился, как веселый праздник на колесах,— яркий, с нарядными огоньками зажженных фар, во всем блеске иноземной техники и невиданных нарядов. Вот на обочине перед группой местных ребят тормозит один из гостей, похожий в своем облачении на космического пришельца. Снимает с головы свой потрясающий мотошлем — и ребята вдруг видят, что это такой же, как и они, парень, их сверстник, тоже чуть курносый и тоже лохматый. Я знаю, их здесь пятеро—учеников французского провинциального технического колледжа (по-нашему, ПТУ). И мне, свидетелю мимолетного знакомства, немного обидно за нашего парня: ну, почему не он мчится в этой праздничной колонне? Долго нам вот так стоять на обочине? Как это там, в «Золотом теленке», еще в двадцатых годах писатели говорили: «Настоящая жизнь пролетела мимо, радостно трубя и сверкая лаковыми крыльями».

Здесь надо пояснить: и французские, и немецкие, и почти все другие участники экспедиции ничего такого особого не сделали, чтобы попасть в это путешествие. Просто каждый из них в свое время купил мотоцикл марки БМВ, а эта знаменитая фирма каждый год устраивает для своих клиентов-мотоциклистов путешествие по одной из стран мира. Разумеется, не бесплатно: в этом году путешествие в СССР обошлось им по три с половиной тысячи долларов. Деньги немалые, зато какая возможность увидеть планету!

Может возникнуть вопрос — при чем же тут ЮНЕСКО? Очень просто: БМВ предложил совместить международную программу «Шелковый путь» со своей коммерческой инициативой. Кстати, как объяснил участвовавший в пробеге вице-президент французского отделения БМВ Гюнтер Лоренц, в финансовом отношении фирма от этой поездки ничего не выиграла, не потеряла. Зато общественный резонанс огромный! Вот как надо завоевывать себе репутацию, нашим бы фирмам этому поучиться!

Но не все из семидесяти мотоциклов принадлежат конкретным владельцам: несколько новеньких машин фирма предоставила для особой группы студентов — со всех континентов планеты. Финансировалась эта группа за счет ФИДЕПС (Международный фонд развития физического воспитания и спорта, созданный ЮНЕСКО), в нее вошли, кроме представителей Японии, Австралии, Канады, Швейцарии, трое наших ребят.

— Я прочитал в газете, что ЦК ВЛКСМ проводит конкурс на участие в экспедиции,— рассказывает Петр Захарченко, студент Московского архитектурного института.— После всех испытаний из двух десятков москвичей выбрали меня. Другие места достались Володе Блажневскому из Киева и Болату Актаеву из Актюбинска... В середине июля вылетели в Париж... Перед самым стартом выяснилось, что нам не в чем ехать; все остальные участники приехали со своими комбинезонами, шлемами, крагами, мотоботами — с тем, без чего шесть тысяч километров не проедешь. Это стоит в магазинах дорого, денег у нас в обрез, в общем, проблема. Ну, фирма экипировала нас, вот только для Болата никак не могли подобрать шлем — у него голова шестидесятого размера...

— Договорились, что я буду вести машину — тоже новенький БМВ,— продолжает Болат Актаев.— Сразу пригодилось то, что я работал московским таксистом, много занимался авторалли: через Париж до самого Лиона нас на жуткой скорости провели мотоциклисты из президентского кортежа, а дальше должны были двигаться сами. Общая встреча — вечером в Мюнхене, в отеле, а какой дорогой ехать, где питаться, заправляться — все на собственное усмотрение! Я попробовал сначала пристроиться за машиной киногруппы Юрия Сенкевича, он человек бывалый, но вижу — тоже едут на ощупь. А со мной в машине едут два консультанта экспедиции по науке, по вопросам Шелкового пути — доктор исторических наук профессор Кудрявцев и член Совета по координации Академии наук Белогуров. Неужели, решаем, сами в дорогах не разберемся? Разобрались, доехали! А ты, Петя, кажется, кого-то в провожатые взял?

— Да, мне предложил свою помощь Франсуа — невысокий такой, сухонький, в черном кожаном комбинезоне, ему уже, кажется, лет под восемьдесят! Он, когда знакомились, представился: «Я капиталист!» Признает из всех видов транспорта только мотоцикл, ездит зимой и летом на любые расстояния. Представляете, чтобы у нас вот так директор какого-нибудь завода?.. Вот он меня и повел. Все поехали через Швейцарию, так ближе, но у нас, советских, не оказалось в паспорте нужной визы, и я побоялся ехать через Швейцарию — мало ли что... Так вот Франсуа, представляете, тоже поехал со мной, не захотел оставлять одного! Вообще, если говорить о том, что меня больше всего поразило там, в Европе,— это тактичность в отношениях между людьми. Все стараются улыбаться, чем-то помогать друг другу, не демонстрировать своих проблем и своего дурного настроения... Я понимаю, конечно, что для нас сегодня все это звучит даже как-то дико, но, знаете, вдруг почувствовал: хочется брать с них пример!

Да, Петя прав: теперь, перестав называть себя надеждой человечества, мы могли бы поучиться у «проклятого Запада» самой обычной человеческой терпимости к недостаткам ближнего своего.

Вот пример: в Элисте гостиница оказалась закрытой на ремонт, и всех разместили в... общежитии медучилища. Уж на что мы, журналисты, привыкли ко всему, но, скажу откровенно, было от чего растеряться, когда единственный на этаже общий (!) туалет оказался неосвещенным и в таком состоянии, что просто...

Наша экспедиция привезла сюда, кстати сказать, большую партию одноразовых шприцев для больницы, где лежат зараженные СПИДом дети... Так вот, утром мы должны были уезжать отсюда рано, вставать пришлось в три часа. Весь день предстояло ехать по пустынной степи, по дикой, как ожидалось, жаре. Побриться мне не удалось — о горячей воде на нашем этаже говорить не приходилось, а электробритву включить было негде — администрация заботливо ликвидировала в комнатах студентов все штепсельные розетки. Короче, нормальная наша общага! Как там они, гости?

Они сидели в темноте на бордюрах тротуара, сложив в живописном беспорядке свои кофры, шлемы, краги. Шутили, смеялись, оживленно болтали.

— Как дела, Анни? — осторожно поинтересовался я у рыжеволосой француженки Анни Луас, которой, надо сказать, все время любовался — так изящно и ловко умеет она вести свой тяжелый мотоцикл!

— О, хорошо! — радостно подняла она вверх большой палец. Но, видя мое недоверие, тут же добавила: — Я понимаю, у вас трудно. Но вы все так стараетесь! Мы хотим знать,— продолжала она, медленно подбирая русские слова,— за что вы нам даете такой хороший прием. У вас кругом мало что есть, у нас на столе вы положили все, очень хороший стол, да? За что вы нас так хорошо стараетесь принимать? Мы ничего для вас не успели сделать...

Нет, успели, Анни, уже успели! Вы приехали к нам без насмешек, хотя могли бы и посмеяться, вы хотите нам добра, а нам сейчас очень нужны и добрый, понимающий взгляд, и хороший совет, и серьезная поддержка.

* * *

По окончании пробега его оргкомитет решил перечислить часть вырученных денег в среднюю школу-интернат поселка Володарский Киевской области для детей-сирот, переселенных из Чернобыля.

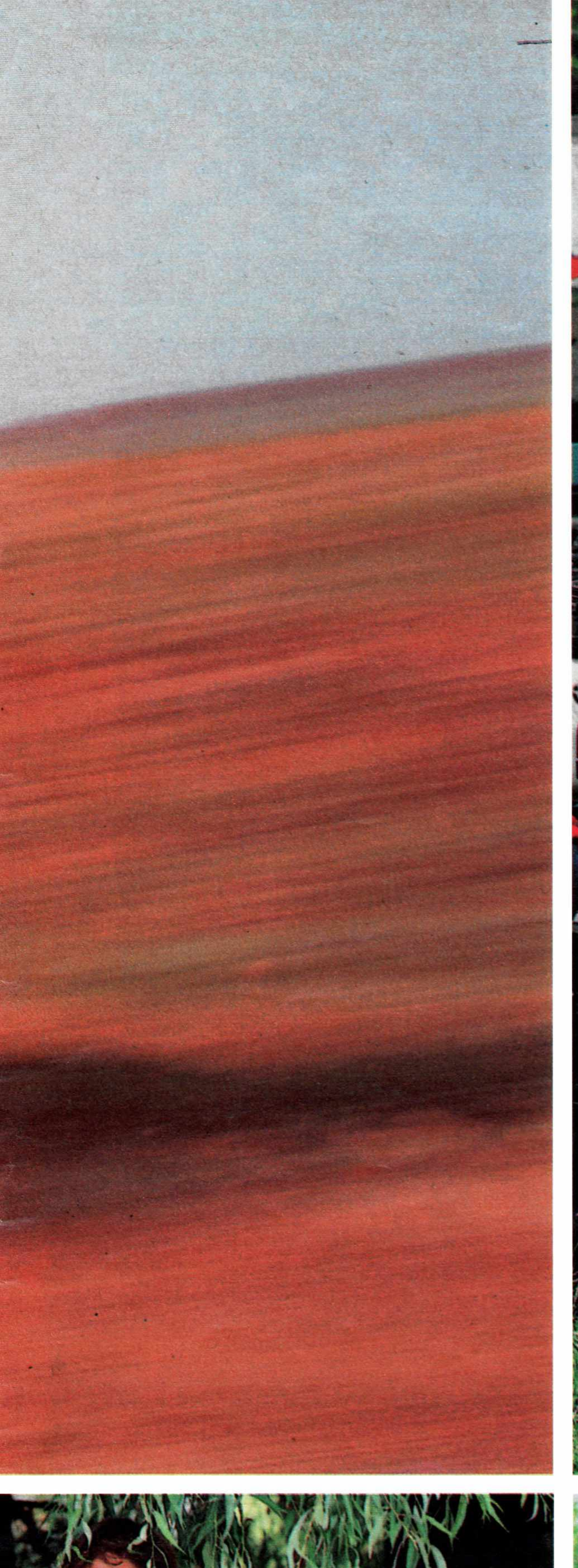

«Париж — Астрахань»: экспедиция 1990 года в рамках международной программы ЮНЕСКО «По шелковому пути».

Организаторы экспедиции: фирма БМВ (Париж), фонд ФИДЕПС при ЮНЕСКО, Советско-британская творческая ассоциация, ассоциация «Молодежная инициатива», журнал «Огонек», «Совтрансавто» и другие учреждения.

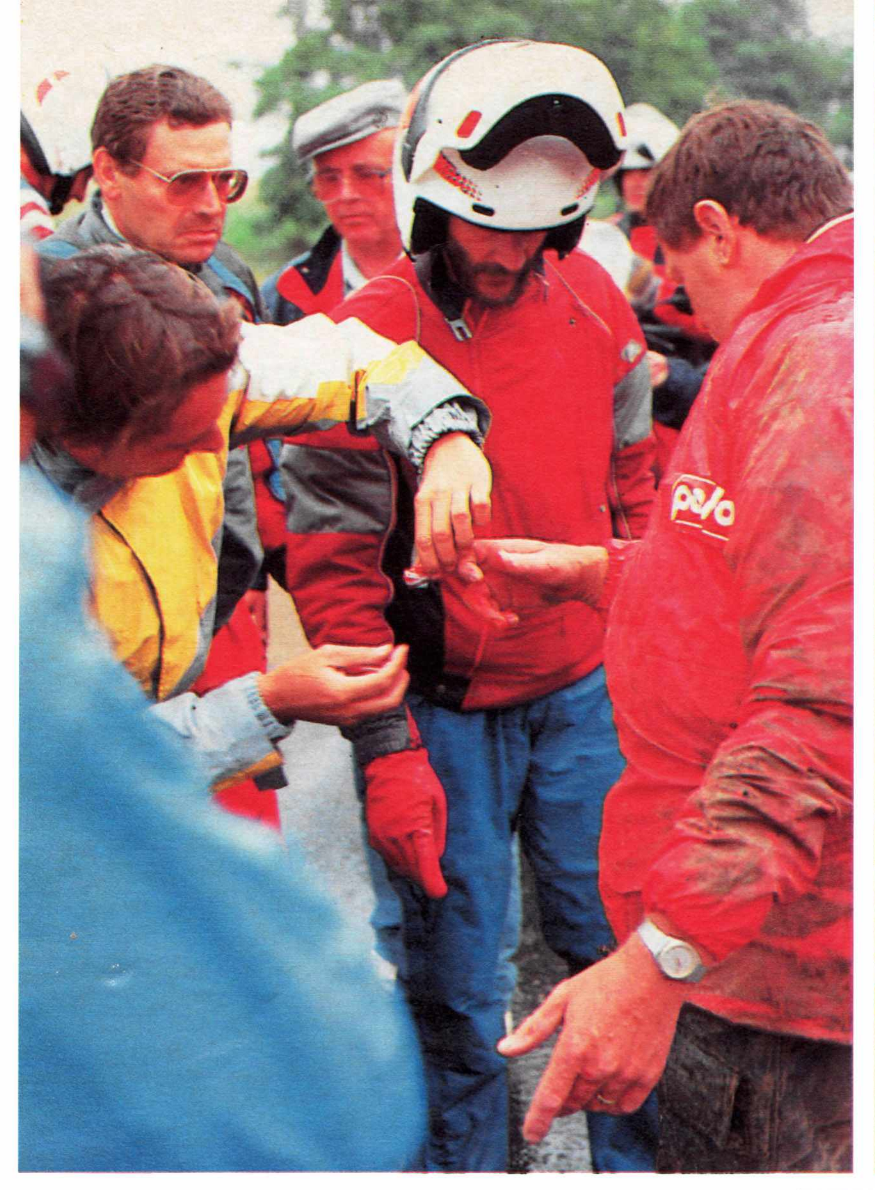

5600 километров дорог дружбы и диалога за 16 дней.

Почти полторы сотни участников из десяти государств — на мотоциклах и автомобилях фирмы БМВ.

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

Юрий ПАПОРОВ

Часть 4

Как-то утром в августе 1940 года Троцкий пригласил в кабинет нового секретаря-охранника Джозефа Гансена, высказал ему свои сомнения по поводу Джексона и попросил навести о нем справки.

Возьмись Гансен за дело и проведи его с достаточным рвением, он узнал бы очень любопытную историю.

В начале 1938 года в Нью-Йорке, в одном из кафе на Бродвее, «случайно» познакомились некая миловидная мисс и Сильвия Агелофф-Маслов, совсем непривлекательная молодая женщина русского происхождения, являвшаяся активным членом североамериканской секции сторонников Троцкого. У Сильвии была сестра Рут Агелофф, некоторое время работавшая в Мексике секретаршей Троцкого. Мисс, выказывая знаки внимания Сильвии, быстро подружилась с ней и, узнав, что та собирается в начале лета в Париж, увязалась вместе в поездку.

В Париже, в один из первых же вечеров, она представила Сильвии Жака Морнара, сына дипломата, молодого, состоятельного бельгийца, надеявшегося вскоре сделаться журналистом. Жак был красавцем и с первых же часов знакомства проявил к Сильвии чрезвычайное расположение. Сильвии нравилось, что Жак расходовал на нее солидные суммы денег.

Мисс (ее звали Руби Вель), впоследствии оказавшаяся секретарем Луи Буденца, главного редактора ежедневной марксистской газеты США «Дейли Уоркер», сделав свое дело, вскоре возвратилась в Нью-Йорк, а Жак Морнар и Сильвия стали любовниками. Жак, по его словам, занимался на курсах журналистики в Сорбонне, Сильвия готовила учредительную конференцию IV Интернационала. Вечерами они встречались, и Сильвию обижало, что Жак, будущий журналист, совершенно не интересуется политикой. Ее беспрестанно разыскивали французские, бельгийские, американские, немецкие и даже русские журналисты, а Жаку было совершенно наплевать на то, что происходило в доме Альфредо и Маргерит Розмеров, где шла подготовка и вскоре должна была состояться конференция IV Интернационала. Она как-то пригласила Жака в дом Розмеров, желая представить друзьям, но он наотрез отказался.

Не менее удивляло Сильвию и то обстоятельство, что Жак, несколько раз возивший ее на своем автомобиле в Брюссель, не счел нужным представить невесту своей матери. Вместе с тем он тратил на Сильвию, на прогулки с ней, вечеринки большие деньги и постоянно твердил о готовности жениться.

По окончании конференции Сильвия возвратилась в США, получив от Жака слово в ближайшие месяцы приехать к ней. Некоторое время они переписывались, а затем Жак неожиданно позвонил Сильвии по телефону из Нью-Йорка, куда, оказалось, он прибыл вовсе не как Жак Морнар, а с паспортом на имя канадского гражданина Фрэнка Джексона. Любовь Сильвии позволила принять за чистую монету объяснение Жака, будто он поступил так, чтобы избежать призыва на военную службу в Бельгии. Еще сказал, что прежде никогда не бывал в Нью-Йорке, однако Сильвия тут же обратила внимание, с какой легкостью он ориентировался в очень сложном и большом городе.

Сильвия снова пыталась вызвать у любимого интерес к волновавшим ее идеям. Однако Жак был неумолим: он занимался коммерческой деятельностью и не желал ничего знать о политике.

Сильвия даже испугалась, когда, пробыв в Нью-Йорке всего лишь месяц, Жак неожиданно заявил ей, что вскоре намерен уехать в Мексику представителем агентства по импорту и экспорту. Сильвия решила, что ее настойчивые намерения приобщить жениха к политике и свести с друзьями вынудили Жака принять такое решение.

Он уехал в октябре 1939 года, оставив Сильвии на жизнь три тысячи долларов, по тем временам приличный полугодовой заработок служащего, и тут же принялся клясться в письмах, что любит и не может без нее жить. В январе она приехала в Мехико. Любовники поселились вместе, а уже через неделю Сильвия стала помогать в работе Троцкому. Фрэнк Джексон — он убедил Сильвию в необходимости теперь только так его называть — ежедневно отвозил ее к дому на улице Вена и порой подолгу поджидал у ворот, сам никогда не пытаясь войти в дом Троцкого. Охранники, как наружные, так и внутренние, уже хорошо знали его и с охотой принимали то американские сигареты, то конфеты. Внутренние охранники, говорившие по-французски, не лишали себя удовольствия поболтать с приятным малым, женихом Сильвии. Она же не теряла надежды пробудить в будущем супруге интерес к политике, которая ее так волновала. Жак-Фрэнк в ответ лишь подтрунивал над ней и не постеснялся сделать это открыто в присутствии Альфредо и Маргерит Розмеров, гостивших, как читатель знает, у Троцкого с октября 1939 года. Как-то Сильвия вышла из дома Троцкого вместе с Розмерами, и Джексон с удовольствием предложил подвезти их к месту, куда они направлялись. Он понравился Маргерит, которая впредь иначе и не называла Фрэнка как «приятный молодой человек».

К радости Сильвии, Жак-Фрэнк охотно поддержал знакомство с супругами Розмерами, стал приглашать их на совместные обеды и ужины в дорогие рестораны и вывозить на загородные прогулки.

В последние дни марта 1940 года, за день до отъезда Сильвии в Нью-Йорк, Лев Давыдович предложил ей пригласить своего друга в дом. Он считал неприличным, что она всякий раз оставляла жениха за воротами. Однако, покидая Мехико, Сильвия взяла слово с Джексона, что он без нее не станет посещать Троцкого.

— Ты ведь живешь в Мексике под чужим именем. В случае, если полиция или противники Льва Давыдовича узнают, это может нанести ему вред.

В действительности же Сильвия не могла забыть случай, который произошел совсем недавно и очень ее насторожил.

Она спросила адрес учреждения, где работал Жак-Фрэнк, и он ответил: «Здание Эрмита, комната 820». Когда же Сильвия направила туда свою сестру, то оказалось, что в здании Эрмита нет комнаты под № 820 и вообще там ни о каком Джексоне никто не слышал...

— Итак Джексон-Морнар-Меркадер! Ты спрашиваешь, как же удалось ему совершить убийство Троцкого? — начал Диего Ривера, после кофе с банановым ликером устраиваясь удобнее в мягком кресле, напротив письменного стола.— Убийство Троцкого должно было состояться в любом случае. Он был обречен, приговорен Сталиным! Тем более потому, что писал о нем книгу! И те, кому надлежало исполнить этот приказ, знали, что, если они не приведут его в исполнение, будет отдан другой приказ... и они сами будут расстреляны. Если убить Троцкого не удалось Давиду Альфаро Сикейросу с его группой, это обязан был сделать кто-либо другой. Жребий пал на испанца Рамона Меркадера. И он справился с этим делом. Проявил слабость лишь в то мгновение, когда Троцкий лежал на полу в соседней комнате с раскроенным черепом, а его охранники принялись в кабинете избивать убийцу. Воскликнул: «Я повязан по рукам и ногам! Они держат в заложницах мою мать!» В остальном он был безупречен! И даже симпатичен.

— Убийца?

— А почему ты так не говоришь о Сталине? — спросил лукаво Ривера, прищурил глаз и, не ожидая ответа, продолжил: — О Рамоне тебе могут рассказать Эстер Чапа и Мария Асунсуло.

Я был знаком с доктором Чапа, несколько лет работавшей врачом в «Лекумбери», центральной тюрьме города Мехико, и с общественной деятельницей Асунсуло, близкой подругой той мексиканской женщины, которая неожиданно стала женой Меркадера, после того как его осудили за убийство Троцкого на двадцать лет. Эти обе женщины были в восторге от симпатичного, как они утверждали, начитанного, серьезного, железного, душевного и волевого человека.

— Дело Меркадера — богатейший материал для серьезного научного исследования психолога, тема, достойная настоящего писателя.

— Не пойму, Диего, ты на стороне Меркадера?

— Сейчас поймешь! Рамон Меркадер — профессиональный убийца? Фанатик идеи? Садист? Изверг? Добровольный палач или жертва? Когда ты ответишь на эти вопросы, все дело убийства Троцкого окрасится в иные тона. Моя палитра их не знает... Он жертва! Вдвойне!

— Почему вдвойне?

— Поначалу он был избран участником, но не палачом. Потом, однако, не мог сделать ничего другого. У Сикейроса сорвалось, и Меркадер должен был выполнить приказ. Подумай, и ты мог бы оказаться на его месте. И сделал бы то же самое. Вот что страшно! Чрезвычайно! И для вашего социализма, и для коммунизма всей планеты! Ни денег, ни людей Сталин не жалел,— их прибыло тогда в Мехико не менее пятидесяти человек,— потому они и не утруждали себя быть профессионалами. Офис шестьсот двадцатый в здании Эрмита принадлежал Давиду Альфаро Сикейросу. Только кошачья любовь Сильвии помешала раскрыть этот факт. Кто знает? Может, и убийства никакого не было бы!

Джексон дал слово Сильвии не бывать без нее в доме Троцкого, но слова не сдержал. Уже в одном из первых писем сообщил невесте, что вынужден был, поскольку «не решился отказать в просьбе Альфреду Розмеру», перевезти его из больницы в дом Троцкого, к которому, по мере того как ближе узнавал русского революционера, проникался искренней симпатией.

Обратите внимание, что очень скоро условия игры изменятся, и Жак-Фрэнк обязан будет утверждать обратное. Однако в те дни заверения любимого о том, что он проникается симпатией к Троцкому, успокоили Сильвию.

Но вот мировую общественность всколыхнуло сообщение из Мехико: «В ночь с 23 на 24 мая группа неизвестных глубокой ночью ворвалась в дом Троцкого и пыталась лишить жизни русского эмигранта и его жену, расстреляв в спавших более двух сотен патронов. Они чудом остались живы». Сильвия немедленно связалась по телефону с Жаком-Фрэнком и услышала в ответ:

— Я последние дни был очень занят, у них не бывал. Подробностей не знаю, но презираю тех, кто пытался это сделать!

Читатель вправе спросить: «Принимал ли Джексон-Морнар участие в первом покушении на Троцкого или нет?» Вот что по этому поводу думал Диего Ривера:

— В нашей прессе много говорили,

Окончание. Начало в №№ 34—36.

что главным в неудавшемся покушении на Троцкого был некий Филипп, «французский еврей». Теперь мы знаем, что за именем Филипп скрывался доктор Григорий Рабинович, представитель советского Красного Креста в Нью-Йорке. У него в подчинении находился испанский эмигрант под фамилией Карлос Контрерас, человек русско-итальянского происхождения. С ним я познакомился в Мехико еще в двадцать восьмом году, когда он приезжал от Коминтерна помогать в работе партии. Настоящая его фамилия Витторио Видали, но его у нас и в Испании знали как Энеаса Сорменти. У Контрераса, в свою очередь, находились в подчинении прибывшие специально из Москвы под вымышленными именами с заданием привести приговор Сталина в исполнение три бывших испанских военных, в то время слушатели московской военной академии,— Мартинес, Альварес и Хименес. Вот этим четверым и подчинялся Давид Альфаро Сикейрос со своей группой. Рабинович же получал необходимые указания от двух имевших специальные полномочия москвичей. Главным из них был известный в Испании «товарищ Пабло». Его там называли еще «товарищ Котов» и «генерал Леонов». Настоящее его имя Леонид Эйтингон, и он возглавлял в Москве специальный отдел, созданный для ликвидации Троцкого. Рамон Меркадер был в том деле простой пешкой. Ему следовало проникнуть в дом Троцкого и подтвердить имевшийся у Сикейроса план расположения комнат. Что он и сделал. Это потом Меркадеру пришлось, когда Сикейрос не справился, стать главной фигурой...

Можно, слегка иронизируя, допустить, что выбор пал на Меркадера из-за особой симпатии к нему Леонида Эйтингона. Как утверждают исследователи дела об убийстве Троцкого, Эйтингон находился в самых близких отношениях с дочерью бывшего испанского помещика на Кубе Эустасией Марией Каридад дель Рио, еще весьма интересной, сохранившей женские прелести креолкой, матерью Меркаде[illegible]рал и потом, после сорокового года чаще, чем того требовала профессиональная необходимость, посещал одну из московских квартир. Эта «вольность» также вменилась в вину генералу, когда военный трибунал в 1954 году выносил ему приговор: 12 лет лишения свободы.

Три дня спустя после неудавшегося покушения супруги Розмеры должны были отправиться в порт Веракрус, чтобы сесть на пароход, отплывавший во Францию. Маргерит уговорила мужа согласиться с предложением «симпатичного молодого человека» отвезти их на своей машине. 28 мая, когда он на шикарном «бьюике» подъехал к дому на улице Вена, его пригласили войти в дом, а затем впервые и к столу, за которым завтракали Троцкий, его жена, Розмеры и начальник охраны Робинс.

После завтрака, пока путешественники заканчивали сбор вещей в дорогу, Джексон прошел во двор и, увидев, как рабочие наращивают стены и выкладывают башенку, спросил охранника:

— Для чего ведете эти работы?

— Ради безопасности. Предосторожность!

— Против ГПУ стены не помогут. В следующий раз будет использован совсем иной метод.

Что это? Бравада или точный расчет? А может быть, шалость человека, которому не за что пока отвечать? Такой ситуации никакая инструкция не могла предусмотреть. Да и вряд ли какой-либо чекист мог бы одобрить подобную «шалость»...

Провожать в Веракрус Розмеров отправилась и Наталья Ивановна, которая на обратном пути в течение пяти часов беседовала с Джексоном и должна была согласиться с мнением о нем Маргерит. В свою очередь, Джексон по дороге накупил Наталье Ивановне разных мексиканских сувениров, а в городе — огромную коробку конфет.

По возвращении из Веракруса Джексон не появлялся в доме на улице Вена две недели. Нетрудно допустить, что шла разработка нового плана действия. Вновь он заехал 12 июня, чтобы сообщить в те десять минут, пока беседовал с Троцким во дворе у кроличьих клеток, о своем отъезде в Нью-Йорк в связи с тем, что патрон решил закрыть дело, и о желании на время своего отсутствия оставить «бьюик» ребятам из охраны.

Джексон отсутствовал в Мехико месяц и, когда возвратился вместе с Сильвией, поначалу не только не проявлял инициативы, чтобы встретиться с Троцким, но сам избегал этой встречи. Джексон заметно нервничал, сильно похудел, ночами плохо спал, а днем часами валялся на постели в 113-м номере отеля «Монтехо», не желая даже разговаривать с Сильвией. И тогда Наталья Ивановна решила пригласить Сильвию с женихом на чашку чая. Эта встреча 29 июля длилась чуть более часа.

Следующая встреча состоялась 8 августа. Джексон пришел с букетом цветов от Сильвии и огромной коробкой конфет. В беседе с секретарями Троцкого он впервые заговорил о развитии мирового троцкистского движения, называл имена его руководителей в разных странах и намекнул, что мог бы оказать этому движению материальную помощь. В беседе с Троцким Джексон повторил это предложение и выразил готовность составить компанию Троцкому и отправиться с ним на экскурсию в горы.

Когда Джексон ушел, Троцкий заметил:

— Похоже, Джексон становится симпатизирующим.

— Ну да! — возразил Гансен.— Был в Нью-Йорке и даже не зашел ни в одно из наших бюро.

— Ладно, что вы хотите? Жених Сильвии легкомысленный человек и, пожалуй, никогда не станет настоящим товарищем. А впрочем, кто знает? Однако партии нужны всякие люди.

[illegible] Он предлагает денежную помощь. Откуда у него деньги? — заметила Наталья Ивановна.

— Вот этим надо поинтересоваться. А то получится, что его «финансовый гений» не более чем крупный спекулянт. Пока лучше бы воздержаться принимать жениха Сильвии.— Троцкий вернулся к кроличьим клеткам.

Однако 17 августа Джексон появился снова и сообщил Троцкому, что написал статью против тех членов секции в США, которые намерены отойти от Троцкого, и хотел бы знать мнение Льва Давыдовича, насколько статья удалась. Он надеется на замечания Троцкого.

Был солнечный день, но Джексон пришел в шляпе и с перекинутым через руку плащом.

Как считают все авторы книг о Троцком, Джексон умело затронул слабую сторону своей будущей жертвы: желание видеть своих товарищей и последователей более подготовленными к борьбе. Троцкий пригласил Джексона пройти в кабинет. Однако уже через десять минут Лев Давыдович вышел с Джексоном во двор явно взволнованный и озабоченный.

Проводив гостя до калитки, Троцкий тут же пояснил жене:

— Он принес статью, скорее черновик... Общие, казенные фразы. Чехарда мыслей. Я посоветовал ему, как надо исправить. Посмотрим. Но вел он себя сегодня странно — ни следа французской воспитанности. Тут же сел на стол и не снял шляпы.

— Ты прав, Лева, это странно! Он никогда прежде ее не носил.

— Сел прямо над моей головой и не выпускал из рук плаща... Знаешь, Ната, давай его больше не будем принимать. Статья — детский лепет...

На следующее утро Троцкий пригласил к себе в кабинет Джозефа Гансена и просил навести справки...

Утром 20 августа Троцкий поднялся рано, быстро привел себя в порядок,

отправился покормить кроликов, полил разводимые им в саду кактусы. Для Натальи Ивановны это означало, что муж превосходно себя чувствует и предстоит радостный рабочий день.

— Вот бы сегодня никто не мешал. Хочу поработать до вечера. Надо спешить, Ната, пока нам предоставили отсрочку,— сказал Лев Давыдович в конце завтрака.

Перед обедом занятия Троцкого на несколько минут прервал адвокат Ригальт, пришедший по делу о покушении 24 мая. После его ухода Троцкий сообщил жене:

— Больше не могу молчать! Сегодня же сяду за ответ Ломбардо Толедано. Его газета переходит все границы. Я чувствую себя как никогда крепким. Силы возвращаются ко мне. И надо основательно садиться за книгу о Сталине. Все ее ждут...

Вслед за непродолжительным послеобеденным отдыхом Троцкий наго-

— Может быть, чашку чая?

— Нет, нет! Я только что поел, и еда стоит вот здесь.— Джексон провел рукой по горлу.— Лучше воды.

Наталья Ивановна вновь обратила внимание на перекинутый через руку плащ и неснятую шляпу.

— Вы плохо выглядите, Фрэнк. Сегодня весь день солнце. Зачем вам плащ и шляпа? — спросила Наталья Ивановна.— Как чувствует себя Сильвия?

Ответил не сразу, казалось, он отсутствовал.

— А, Сильвия! Хорошо! Хорошо, спасибо.

— Вы что, принесли статью? Отпечатанную на машинке? Лев Давыдович не любит читать рукописи.

В это время Троцкий сказал по-русски жене:

— Ты знаешь, он ждет Сильвию. Они завтра уезжают.

— Как? Я ничего об этом не слышала от Сильвии.

И опять наступило тяжелое молчание, его нарушил Троцкий:

— Хорошо, вы покажете мне свою статью?

Они прошли в кабинет. Троцкий сел в кресло к столу. Джексон встал по левую руку, ближе к окну. Когда Троцкий прочел первую страницу и собирался было ее перевернуть, Джексон сделал шаг назад, выхватил из-под плаща «пиолет» — альпинистский ледоруб, и со всей силой, на которую был способен, нанес плоским концом удар по голове.

— Ох! Теперь будем проверять каждого, кто приходит!

Мимо пробежали охранники, и Троцкий сказал:

— Надо убрать Севу... Я чувствовал... я полагал, что он намерен это сделать. Он еще раз хотел ударить, но я помешал...

Из кабинета донесся крик.

— Что станем делать, Левочка?

— О, нет! Пусть его не убивают. Надо заставить его говорить!

В это время в кабинете Робинс и Корнелл наносили удары Джексону по лицу, голове, шее и спине рукоятками револьверов.

— Не убивайте! Он должен говорить! Так требует Троцкий,— трясясь от возбуждения, повторял Гансен.

— Я не убью его! Пусть говорит! ГПУ тебя послало? Они? Они!

— Нет! Не ГПУ! Один человек! Я его плохо знаю. Они... Я повязан по рукам и ногам! Они держат в заложницах мою мать!

Далее, уже сбитый ударами на пол, Джексон прокричал, что человека, который приказал ему убить Троцкого, зовут Бартоло Перес или Парис. Он не знает точно. Познакомился он с ним в Париже, а три недели назад получил от него строгий приказ в ночном Кит-Кат-Клубе, который находится на углу авениды Индепенденсия и улицы Долорес.

Джексон хотел было подняться, но теперь на него набросился Гансен, и тогда Джексон закричал:

Ледоруб — орудие убийства.

Место преступления через несколько часов после трагедии.

Л. Д. Троцкий на смертном одре.

Рамон Меркадер в момент задержания.

Похороны Троцкого.

ворил на диктофон несколько страниц ответа газете «Эль Популяр», а сразу после пятичасового чая вновь прошел к кроличьим клеткам, где его и застал Фрэнк Джексон. Увидев жениха Сильвии рядом с мужем, Наталья Ивановна подумала: «Опять он! Зачем так зачастил?» — и подошла.

— Меня мучает жажда. Вы не дадите мне стакан воды? — поздоровавшись с Натальей Ивановной, попросил гость.

Троцкий вскочил, как развернутая пружина, издал душераздирающий вопль и бросился на Джексона, пытаясь схватить его руку, помешать нанести еще удар. Оттолкнув его от себя, Троцкий выскочил из кабинета, но почувствовал, что ноги ему не подчиняются, оперся о косяк двери между столовой и террасой. Тут его, с лицом, залитым кровью, застала Наталья Ивановна.

— Джексон! Наташа, я люблю тебя...— и упал на руки жены.

— Убейте! Убейте меня сразу! Я не должен жить! Убейте! Никакого ГПУ я не знаю, но все равно убейте... Убейте!

Прибыл врач, осмотрел рану Троцкого и, скрывая свое волнение, сообщил, что рана неопасна. Однако Троцкий, приложив руку к сердцу, заявил:

— Чувствую здесь... это конец... На сей раз они одолели...

Прибыл начальник полиции генерал Нуньес, и только тогда Троцкого отвезли в клинику «Скорой помощи» и положили в палату, куда уже собирались для консилиума светила.

А в это время полковник Санчес Саласар приступил к осмотру места происшествия. Естественно, начал он с кабинета. Тот был полон свидетельств недавней трагической борьбы: кресло, стул, корзина для мусора, книги и газеты в беспорядке разбросаны по полу, к окну отлетели диктофон и подставка к нему, у полки с книгами и кнопкой тревоги лужа крови. Полковник подумал, что такой человек, как Троцкий, только так и должен был умереть, в своем рабочем кабинете, наклонившись над очередной работой, окруженный бумагами, книгами, архивами.

Тут же лежал плащ цвета хаки, с которым на сгибе руки вошел в кабинет Джексон, скрывая под ним «пиолет» с заранее укороченной ручкой и пришитой тесьмой, удерживающей орудие убийства с внутренней стороны плаща. В правом кармане нашли кинжал длиной в тридцать пять и шириной в три сантиметра в чехле, украшенном серебряной нитью. В другом кармане находился пистолет «Стар» 45-го калибра с патроном в стволе и восемью в обойме.

— Столько оружия,— сказал своему заместителю Санчес Саласар.— Сомнений нет, он еще дома знал, что идет сюда, чтобы обязательно убить Троцкого. Только почему не стрелял? Надеялся тихо уйти. Конечно! И «бьюик» свой на этот раз поставил не как всегда, а развернул лицом в сторону автострады, ведущей из Койоакана.

(Диего Ривера по этому поводу утверждал, что Джексона неподалеку от дома Троцкого в двух разных машинах ждали его мать Эустасия Мария Каридад дель Рио и «товарищ Пабло» — Леонид Эйтингон.)

Тут полковнику подали конверт с письмом, которое преступник вручил врачу кареты «Скорой помощи», отвозившей Джексона в ту же самую больницу, куда поместили и жертву. Оно было написано по-французски, на пишущей машинке. Только число «20.08.1940» и подпись «Жак» были подписаны карандашом. Опыт полковника сразу подсказал, что письмо изготовлено за много дней до того, как под ним поставлена подпись.

— Неряшливость, отсутствие знаний или особый расчет? — спросил Санчес Саласар.— Объяснение мотива поступка. Поглядим! Пока ни слова о письме. Почитаем, что скажут завтра «Эль Популяр» и «Мачете» *.

«Текст письма был неграмотен,— уверял меня Диего Ривера.— Полиция могла цепляться к каждой фразе. Например, Джексон утверждал, что он разочаровался в Троцком. Когда успел, если в общей сложности общался с Троцким четыре часа? Джексон утверждал, что Троцкий предложил ему отправиться в Россию, чтобы совершить там ряд убийств руководителей партии и Красной Армии. Когда и как Троцкий мог доверить такое неизвестному человеку, с которым — это показывают записи в книге внутренних охранников — Троцкий находился наедине всего десять минут 17 августа».

Около восьми вечера в дом Троцкого примчалась Сильвия Агелофф. Она не дождалась Фрэнка в 113-м номере отеля «Монтехо» и позвонила Наталье Ивановне, вдруг подумав, что Фрэнк мог поехать к ним. Днем они и Фрэнк случайно встретили Отто Шуисслера с невестой в центре города и договорились вместе отужинать. Фрэнк должен был заехать за Сильвией в отель в семь вечера. Агелофф была арестована и отправлена в помещение, которое занимал Жак-Фрэнк Морнар-Джексон.

Жертве покушения тем временем лучшие врачи Мексики сделали операцию на черепе, но мозг оказался сильно поврежденным, и Лев Давыдович Троц-

* Орган ЦК Мексиканской компартии.

кий скончался 21 августа 1940 года в девятнадцать часов двадцать минут.

Вся пресса Мексики осудила «подлое вооруженное нападение с целью убийства». Ломбардо Толедано также осудил совершенное покушение, обвинив в нем провокаторов, заинтересованных измазать в грязи доброе имя Мексики. Вскоре, однако, прогрессивная пресса принялась на все лады излагать суть письма, приготовленного убийцей в свое оправдание, что окончательно убедило полицию в существовании связи этой прессы с теми, кто стоял за спиной Джексона.

На первом же допросе, проведенном полковником прямо в приемном покое больницы, Джексон, обретя полное спокойствие и выдержку, рассказал — это очень быстро полковник почувствовал — заранее приготовленную легенду. Он сообщил, что настоящее его имя Жак Морнар Вандендреш, что он бельгиец и что приехал в Мексику по рекомендации какого-то деятеля IV Интернационала, имя которого он забыл, чтобы стать активным троцкистом, но, узнав Троцкого, разочаровался в нем настолько, что идея убить Троцкого пришла к нему за неделю до дня покушения. Джексон настойчиво утверждал, что у него не было заранее разработанного плана и что пистолет и кинжал были приготовлены для самоубийства, а «пиолет» оказался у него, потому что он любитель-альпинист и привез эту дорогую ему вещь из Франции. По поводу мотива его последней месячной поездки в Нью-Йорк Джексон заявил, что ездил туда только с единственной целью — быть рядом с Сильвией, без которой он жить не может.

Полковник отправился в помещение, где под наблюдением агента полиции и медсестры находилась не перестававшая плакать Сильвия Агелофф, то и дело теряющая сознание. Когда же ее приводили в чувство, молодая женщина принималась ругаться на всех языках, которые знала, и требовать, чтобы Джексона-Морнара немедленно лишили жизни.

— Что вы думаете об убийстве Троцкого? — спросил полковник Сильвию.

— Что я могу думать? Сейчас я твердо знаю, я была инструментом в руках Джексона. Я познакомила его с Троцким. Я виновница его смерти! Сталин — заинтересованное лицо в гибели Троцкого. Я оказалась инструментом в его руках.

— Когда вы жили с Джексоном в Нью-Йорке и здесь, в Мехико, вы видели у него «пиолет», которым он совершил убийство?

— В Нью-Йорке «пиолета» не было. Я увидела ледоруб впервые несколько дней назад, и Джексон пояснил, что собирается совершить восхождение на вершины потухших вулканов Орисаба и Попокатепетл.

В моих записях рассказа Диего Риверы говорится: «На первом же допросе Джексон повторил легенду, составленную кем-то очень неряшливо. Авторы не беспокоились о последствиях — им важен был результат. Полиция быстро обнаружила хозяина «пиолета». Им оказался сынишка англичанина, владельца туристского отеля, где для своих тайных дел Меркадер снимал номер и где хранилось оружие, с которым Сикейрос совершил нападение. За несколько дней до убийства Джексон спер ледоруб у мальчишки».

— По какому адресу вы направляли письма Джексону из США?

— По адресу «Уэллс Фарго и К°».

Полковник отметил, что туда же приходили письма и переводы Роберту Шелдону Харту.

По окончании допроса Санчес Саласар пришел к выводу, что Сильвия Агелофф-Маслов непричастна к преступлению. Однако следовало в этом убедиться, и полковник устроил очную ставку. Сильвия продолжала плакать, когда агенты ввели в комнату Джексона. Ни он, ни она не знали о готовящейся встрече.

— Зачем привели меня сюда? Что вы делаете, полковник? — быстро заговорил Джексон.— Уберите меня отсюда!

— Если вы действительно любите Сильвию, как говорите, подойдите к ней, приласкайте, успокойте!

— Убийца! Убейте его, как он убил Троцкого! Убейте! Убейте! — бесновалась Сильвия.

— Джексон утверждает, что вы являетесь причиной гибели Троцкого, что вы жертва его интриг,— заявил полковник.

— Вранье! — взвыла Сильвия.— Обманщик, лгун! Убийца!

— Вы не вправе этого говорить. Джексон утверждает, что Троцкий, чьим ярым сторонником он был, разочаровал его, потому что хотел разрушить счастье вас обоих, развести вас в результате интриг.

— Глупости! — прокричала в еще большем негодовании Сильвия.— Да он его хорошо и не знал. Троцкий отнесся к нему как к новичку. Скажи, негодяй, что это неправда! Не лги, предатель!

— Полковник, полковник, что вы делаете? — взмолился Джексон.

— Ты все время врал! Скажи хоть сейчас правду! Ты агент ГПУ! Они тебя заставили! По приказу Сталина заставили убить Троцкого! Начиная с Парижа, ты обманывал меня. Думал только о том, как покончить с Троцким. Тебе нужно было использовать меня. Каналья!

— Джексон также утверждает, что Троцкий собирался направить его в Россию через Шанхай с секретным поручением. Обещал оплатить дорогу.— Полковнику было жалко страдавшую женщину, но он исполнял свой служебный долг.

— Очередное вранье!

— Джексон говорит, что он получил пять тысяч долларов от своей матери из Брюсселя и три тысячи передал вам.

— Три тысячи! Да! Но деньги эти принадлежат ГПУ! Это аванс за убийство Троцкого! Да, да, убийца, тебе заплатили они...

— Вы слышали, что говорит ваша невеста? Отвечайте ей!

— Не стану! Не стану! Умоляю, полковник, прикажите меня увести.

— Джексон принадлежал Четвертому Интернационалу?

— Никогда! Он ни с кем, кроме меня, не был знаком. Он притворялся симпатизирующим, чтобы приблизиться к Троцкому. Убийца!

После этого Санчес Саласар прекратил очную ставку и распорядился выпустить на свободу Сильвию Агелофф.

Вскоре полковник получил информацию из Канады. Оказалось, что паспорт, по которому Джексон прибыл в Мексику в качестве туриста, был выдан 22 марта 1937 года в Оттаве на имя Тони Бабича, уроженца Югославии, но гражданина Канады. Тот отправился в Испанию, где и погиб в бою, будучи бойцом интербригады. Три года спустя этот паспорт с другим именем и другой фотографией оказался в Мексике. Полковник признал это косвенной уликой принадлежности Джексона к ГПУ, поскольку было известно, что среди троцкистов не имелось мастеров, которые бы так чисто подделывали документы.

Ведя расследование, Санчес Саласар пригласил поверенного в делах Бельгии в Мексике М. В. Лоридана и сотрудника посольства Влетхалити на встречу с Джексоном-Морнаром, и в руках полиции оказался документ, свидетельствующий о том, что Джексон-Морнар не бельгиец.

Дипломат заявил, что в бельгийской миссии в Тегеране, где, как утверждает преступник, он родился, никогда не работал человек по фамилии Морнар; что сын не мог назвать ни одного другого места, где до или затем работал его отец; что утверждение, якобы Джексон являлся кадетом военного училища в Дихсмюде и одновременно учился в Брюссельском университете, не может иметь под собой почвы, поскольку ни одному кадету этого не разрешают правила училища, что в Брюсселе нет улицы Гавр, где живет, по заявлению Джексона, его мать, а имеется улица Вавр, и дом № 1 занимает известный в городе магазин и что, наконец, бельгиец, тем более кадет военного училища Дихсмюда, не может совершенно не знать фламандский.

— Сколько вы заплатили за пистолет? — спрашивал полковник на очередном допросе.

— Сто шестьдесят или сто семьдесят. Не помню. Кроме того, я отдал Бартоло Пересу или Парису пишущую машинку.

— Как вы узнали, что этот Бартоло торгует оружием?

— Я не знал, что он торгует. Это такой тип, которого можно встретить в Париже, Константинополе, в любом городе мира. Я не могу утверждать, что это его настоящее имя.

— Повторите, что требовал Троцкий, посылая вас в Россию?

— Я обязан был вступить в контакт с его сторонниками в Советском Союзе с целью организации и проведения серии актов саботажа в армии, на заводах и фабриках. Он не успел дойти до деталей. Я ушел, потому как на меня словно бы свалился дом.

— И это вынудило вас подумать о его убийстве?

— Я думал неделю...

— Как вы планировали совершить преступление?

— У меня не было плана. Я просто хотел убить его и тут же застрелиться.

— Почему не застрелились?

— Не успел.

— Почему?

— Я думал, что одним ударом покончу с ним.

— Вы планировали выйти сухим из воды?

— Может быть. Но все равно я бы покончил с собой в первом удобном месте.

— Значит, вы не боялись, что секретари могут убить вас?

— Наоборот! Я этого ждал. Сорок, пятьдесят раз я просил их об этом.

— Когда вы написали письмо, которое вручили врачу?

— За день до покушения в парке Чапультепек...

— В парке? На траве? Но письмо написано на машинке.

— Я купил ее в Монте-де-Пьедад и оставил на хранение у Бартоло, с которым познакомился в Вит-Кат-Клубе.

— В Париже или в Клубе?

— Не важно!

— Прежде вы говорили о Париже.

— Не важно! Когда я написал письмо и взял у него пистолет, я отдал ему машинку. Она мне была не нужна.

— А когда вы купили машинку?

— Вскоре после того, как Сильвия уехала в Нью-Йорк.

— Выходит, Сильвия не видела этой машинки?

— Нет!

— Но письмо написано не вами!

— Мной, сеньор! Я сам его написал!

Полковник послал в магазин Монте-де-Пьедад опытного агента. Ни он, ни другие полицейские, посетившие все городские магазины, торгующие пишущими машинками, не нашли следов продажи той, на которой было составлено письмо. Да и как это Джексон, собиравшийся совершить убийство человека, потащится с незнакомым ему типом в парк Чапультепек, чтобы там сочинять довольно пространное письмо, на что должно было пойти не менее трех-четырех часов? Санчес Саласар сделал вывод: пишущая машинка, на которой было написано «оправдательное письмо», никогда не существовала в Мексике.

— Судя по ответам Меркадера на следствии, полковник Санчес Саласар и прокурор ясно видели, что он врал, но Меркадер держался так стойко, что его не могли сломать.— Диего Ривера был явно на стороне Джексона-Морнара-Меркадера.— И меня бы не сломили!

— А как стало известно настоящее имя убийцы? Он ведь его так и не назвал.

— Доктор Кирос Куарон проводил исследование перед судом, не является ли убийца умалишенным. Меркадер, то есть Морнар, так заинтересовал доктора, что уже много лет спустя, по собственной инициативе, он отправился в Испанию. Там доктор обнаружил в архиве полицейского управления Мадрида фотографии Рамона Меркадера дель Рио в профиль и анфас. Рамон был арестован и посажен в тюрьму как коммунист и просидел до победы Народного фронта. Полиция предоставила доктору и отпечаток указательного пальца правой руки. Фото и дактилоскопический отпечаток лишили когo-либо всяких сомнений. Но даже и при этом Меркадер молчал.

— А полиция?

— А зачем? Преступник осужден, наказан. Живет в одиночной, просторной камере со всеми удобствами, с радио и приходящей женой. Все, от кого он зависит, довольны. Зачем лишать себя удовольствия?

— Меркадеру были созданы особые условия?

— Ты что, не читал в газетах? И все же он страдал! Несколько раз полиции становилось известно, что определенные люди намеревались устроить Рамону Меркадеру побег. Но как только об этом узнавал сам Рамон, он отказывался и потом категорически заявил, что ни в коем случае не согласится на побег и будет продолжать отсиживать свой срок в тюрьме.

Теперь, естественно, никто не станет возражать против того, что Рамон Меркадер правильно выбрал из нескольких зол наименьшее. Скорее всего — мне почему-то так хочется думать — он просто не желал больше видеть лица тех, кто вынудил его совершить недостойный поступок. Тогда я спросил Диего Риверу:

— Он боялся?

— Не только! Он исправно нес свое наказание, потому как знал, что его заслужил. Конечно, он мог опасаться досрочного выхода из тюрьмы, особенно при жизни Сталина. Он хорошо знал его способности. Но вот врач Чапа не уставала всем говорить, что глаза у Морнара постоянно были полны меланхолии, очень похожей на угрызение совести.

На этом можно бы и окончить повествование, но прежде необходимо поведать читателю о книге дневниковых записей бывшего президента Мексики Ласаро Карденаса, вышедшей в свет в 1972 году: «Сегодня умер гр-н Троцкий в результате нападения на него, совершенного вчера Жаком Морнаром, по национальности бельгийцем, посещавшим его дом в качестве друга. Нападение было совершено при помощи ледоруба во время беседы наедине в кабинете Троцкого, в Койоакане. Морнар — фанатик на службе врагов Троцкого, он приехал из-за границы шесть месяцев назад. Ему 28 лет. Гр-н Ривера ходатайствовал о разрешении на проживание Троцкого в Мексике, поскольку другие страны отказали Троцкому в убежище. Дела и идеи народов не исчезают со смертью их лидеров, наоборот — утверждаются еще больше кровью жертв святого дела. Кровь Троцкого станет удобрением в сердцах людей его родины».

И совсем в заключение хочется напомнить читателю о том, что прах того, кто, исполняя чужую волю, пролил эту кровь, нанеся смертельный удар, прах убийцы, покоится ныне на Кунцевском кладбище Москвы под могильной плитой с надписью: «Герой Советского Союза ЛОПЕС Рамон Иванович».

Освободившись из мексиканской тюрьмы «Лекумбери» в мае 1960 года, он прожил ряд разочаровавших его лет в Москве, Чехословакии и на Кубе, где и умер шестидесяти пяти лет от роду, в 1978 году. Он не раз говаривал друзьям и журналистам: «Как вы не можете понять, что тогда было совершенно другое время? Повторись все это сейчас, я бы, наверное, вел себя и действовал совсем иначе!»

ЮЖНОКОРЕЙСКИЙ

ФЕНОМЕН

В созвездии «драконов» — преуспевающих стран Юго-Восточной Азии — ярче других сияет Южная Корея. Присущая всему восточному загадочность окутывает и ее образ. Но мы, жадно исследуя сейчас анатомию разных экономических чудес, составляя и критикуя рецепты по спасению собственного Отечества, все чаще обращаем взоры на эту маленькую страну, сумевшую за двадцать лет добиться таких результатов.

Об истоках корейского чуда мы беседуем с первым заместителем директора Института экономики АН СССР, доктором экономических наук Б. З. МИЛЬНЕРОМ.

— Борис Захарович, вам довелось вплотную исследовать корейское экономическое чудо. В чем его суть, существует ли формула корейской экономической системы?

— Существует. Эта сама по себе очень интересная формула оказалась для меня неожиданной. У нас сейчас идут споры о рыночных отношениях в таких черно-белых категориях: либо план — либо рынок. Либо регулируемая — либо просто рыночная экономика. Рынок как система экономических отношений — либо рынок как базар. В Южной Корее взаимосвязаны и система жесткого государственного планирования, регулирования экономики, и высокая деловая активность населения. Государство породило рынок.

Вот как это делалось. За один год были приняты необходимые экономические законы: по приватизации собственности и денежному обращению, по регулированию внешнеторговых операций и контролю за ценами, по экспортным субсидиям и лицензированию инвестиций, либерализации импорта и изменению курса валюты, законы о продолжительности рабочего дня, двенадцать законов о малом бизнесе. Создавалась правовая платформа реформ, и одновременно перераспределялись роли правительства и частного капитала. Вело реформы правительство, в роли ведомого — частный сектор. Ставка была сделана на малый бизнес. Несмотря на то, что Южная Корея сформировала сейчас такие же крупные корпорации, как Америка или Япония (пять ведущих корпораций Южной Кореи ныне входят в двадцатку крупнейших корпораций мира), но вывел ее вперед именно малый бизнес. Он стал основой корейской экономики и корейского чуда.

Что такое вообще малый бизнес? Вот у нас говорят: это предприятия с числом работников до ста человек, до двухсот, до пятисот. Южная Корея решила эту задачу по-иному. Она дошла до рук каждого корейца, породила действительно малый бизнес, но назвала его большим. В обрабатывающей, добывающей промышленности, на транспорте и в строительстве малый бизнес — это предприятия с двадцатью и менее работниками, в торговле и сфере услуг — пять и менее человек. Мелких предприятий в Южной Корее сегодня — миллион восемьдесят девять тысяч — 98,6 процента всех производств. Крупных — чуть больше пятнадцати тысяч. В малом бизнесе занято 62 процента работающих. Такая расстановка сил позволила включить всех жителей страны в активную экономическую жизнь, доверить народу реализацию глобальных задач. Малый бизнес до сих пор активно пропагандируется. Вот лозунг, который можно увидеть по всей Корее: «Малый бизнес — движущая сила экономического роста».

Государство поддерживает прежде всего малый бизнес, стоит на его страже. Там есть пятнадцать организаций, большей частью правительственных, которые этим занимаются. В министерстве торговли и промышленности есть Бюро малого бизнеса, которое инициирует создание мелких предприятий, помогает этому процессу, выступая гаран-

том перед банками, выдает безвозвратные субсидии и осуществляет разнообразную административную поддержку — помогает зарегистрироваться, обучает специалистов.

В области финансирования четыре общенациональных организации ориентированы только на малый бизнес: Индустриальный банк Кореи, Гражданский национальный банк, Корейский кредитный гарантийный фонд (он дает гарантии по всем кредитам мелкого бизнеса, через него действует государство) и Корейский технологический кредитный фонд. Этот фонд занимается поддержкой новых технологий в малом бизнесе.

Помощь правительства обдумана — и с административной стороны, и с финансовой. Но и это не все. Есть еще крупные внешнеторговые организации, которые стимулируют экспорт продукции малого бизнеса. Они добиваются уменьшения налогов, снижения таможенных тарифов, льготных кредитов. Они также облегчают вывоз прибыли из других стран в Южную Корею, проводят исследования рынков, обеспечивают предпринимателей информацией и подыскивают контрагентов,— словом, вооружают до зубов тех, кто пожелает выйти на мировой рынок. Это Корейская внешнеторговая ассоциация для малого бизнеса, Корейская торговая корпорация и Корейская международная торговая корпорация малого бизнеса.

Новые технологии для малого бизнеса разрабатывают специализированные институты и центры, а также Корпорация промышленного малого бизнеса.

И, наконец, есть ряд организаций, стоящих на страже прав и интересов малого бизнеса,— общенациональная федерация, торгово-промышленная палата и проектный центр. Они прежде всего защищают патенты и лицензии, помогают и в технологических разработках.

Мы сейчас много говорим, что необходимо развивать наши малые предприятия. А что делаем? Бросаем их в океан дезорганизованной экономики, в борьбу со старой, все еще сильной системой, где местные органы чаще не помогают, а мешают им. Министерства к ним безразличны, банки с малыми предприятиями вообще не связаны. Естественно, они никак не могут встать на ноги.

— Роль государства у нас прежде всего связывается с государственной собственностью, с государственным сектором в экономике. А в Южной Корее?

— Государство там взяло на себя прежде всего те секторы экономики, которые были неподъемны для частного бизнеса, поскольку требовали крупного первоначального авансирования. Да и доходы они приносили не сразу. Прежде всего это создание социальных и производственных инфраструктур, энергетика, транспорт, добывающая промышленность, тяжелое машиностроение. Государство поставляло сырье и оказывало разного рода услуги частному сектору, отдавая преимущество тем предпринимателям, которые активно развивали производство. Существовала и такая практика: государство строило предприятие, доводило его до необходимого уровня рентабельности, а затем уже продавало — современное и прибыльное — частному сектору.

Но не это главное. Суть искусства управлять всегда опирается на поддержку широких слоев населения.

— В чем оно заключается?

— В одной из бесед я услышал о таком разговоре Конфуция с учениками. Учителя спросили: «В чем состоит искусство управления страной?» Он ответил: «В приближении народа к тем, у кого власть». «Что же тогда входит в понятие власти?» — «Обеспечивать безопасность народа, заботиться о его сытости и пользоваться его поддержкой». Тогда ученики поставили вопрос так: «Если бы потребовалось отказаться от одного из этих элементов, каким бы вы пожертвовали?» «Вооружением»,— ответил он. «А если бы пришлось отказываться от двух?» «Тогда,— ответил Конфуций,— я бы пожертвовал продуктами питания». «Почему именно ими?» — воскликнули ученики. «Потому что, если будет поддержка народа, будет и все остальное»,— ответил учитель. Правительство Южной Кореи постоянно заботится о достижении национального консенсуса и о сохранении его. Как это делается? Один из примеров — механизм зарождения национального плана. Мы сейчас в некоторых случаях боимся даже произнести слово «план». Говорим: госзаказ, контрольные цифры, рекомендации,— чтобы показать, что мы отходим от централизованного планирования, а с другой стороны, все-таки хотим подчеркнуть, что государство не теряет контроля над ситуацией. В Южной Корее не стесняются слова «план». Но что они вкладывают в это понятие?

Я знаю систему индикативного планирования Франции, Японии, Испании, Португалии — стран, где государство играет большую роль в экономической жизни. Но ничего хоть сколько-то сравнимого с планированием в Южной Корее не встречал.

Задолго до формирования пятилетнего плана (а в Южной Корее — система пятилетнего планирования. Сейчас страна живет в шестой пятилетке) готовятся очень интересные документы, которые называются «проблемные доклады». Они составляются по экономике в целом, по секторам экономики, по отдельным регионам, внешнеэкономическим связям, оценке положения страны. Кто их готовит? Организуются комитеты, в которых представлены все слои общества, все профессиональные группы и политические партии. Созданные ими документы поступают в Управление экономического планирования (так сказать, Госплан в корейском исполнении), которое возглавляет министр экономики — единственный заместитель премьер-министра (настолько высок статус этой организации!). Обрабатывая доклады, управление публикует для обсуждения два документа: «Основные принципы формирования плана» и «Методы отбора главных программ».

После этого создаются специальные «советы обдумывания». Задача этих советов —вести всенародное обсуждение. Они проводят выездные обсуждения в разных регионах, корпорациях, с разными категориями населения. В движение приводится вся страна. Это центральный момент рождения пятилетнего плана.

Затем информация вновь собирается в Управлении экономического планирования и начинается обсуждение в правительстве — с министерствами, с агентствами и администрациями, которые тоже разрабатывают политику в своих областях. И здесь уже идет стыковка ведомственного и общегосударственного подхода с мнениями разных слоев населения. Вся эта «кухня» должна привести к формированию проекта плана, который будет опубликован и снова вынесен на всенародное обсуждение.

Зачем? Вот что сказано в плане шестой пятилетки: «Задача состоит в том, чтобы достичь консенсуса не только внутри правительства, но и в разных секторах общества.

Один из уроков прошлых лет в том, что основные изменения в политике, прежде всего экономической, какими бы хорошими они ни были, должны базироваться на широком согласии людей. В противном случае недопонимание, или разное понимание, или участие только части общества затруднит успешное осуществление политики».

Предлагаемые изменения тщательно изучаются правительством, соответствующими исследовательскими институтами и направляются на публичные слушания. Каждую неделю проводится обобщение полученных материалов у министра экономики.

Когда разрабатывался план шестой пятилетки, к обсуждению его подключили еще 27 иностранных экспертов, чтобы учесть и мировой уровень понимания собственных проблем. Эксперты подготовили семь важнейших докладов для правительства, в которых дали свою оценку корейских представлений о насущных проблемах, о приоритетах и перспективах.

— Как деловой, свободный в своих действиях мир воспринимает этот план?

— Пятилетний план ориентирует всю экономику на определенные рубежи. Глядя на него, сообразуют свои действия и мелкий лавочник, и крупнейшая корпорация «Голд стар». Но чтобы он заработал, создается еще и план управленческой поддержки — план внедрения. Вот что интересно, план внедрения — это способ координации деятельности всех правительственных агентств, всего делового мира, план кооперации между деловыми кругами и населением. Он находится под контролем президента.

Управленческая функция правительства отчетливей всего видна в годовом плане. У него любопытное название — «катящийся план». Подробный пятилетний план создан, но его нужно двигать вперед, катить! У годового плана две цели — трансформировать политические задачи из стратегии в специфические программы года и уточнять политику в связи с непредвиденными обстоятельствами. Для этого Управление экономического планирования совместно с министерствами устанавливает базовые цели и направления экономической политики следующего года и передает информацию экономическому комитету министерств — есть еще и такой, а окончательный документ направляется для утверждения президенту. Следующие шаги планирования — это годовой бюджет и план внедрения по каждому конкретному министерству. И вся эта сложная, но просматриваемая, на каждом этапе обозримая система создается только для того, чтобы план мог быть выполнен.

— Содержат ли эти планы конкретные задания по тем или иным видам продукции?

— В какой-то мере. Это планы-ориентиры, но ориентиры конкретные. Скажем, в них указано, какие объемы судостроения желательны в этом году, поскольку анализ показал, что открываются такие-то и такие-то рынки. Как правило, в большинстве случаев все показатели перевыполнялись как на макроуровне, так и по отдельным звеньям. На нынешнюю пятилетку, например, среднегодовой прирост планировался в размере 7 процентов, а по промышленности — 8,7 процента. Достигнутые показатели таковы: среднегодовой прирост — 10 процентов, в промышленности — 13 процентов.

Для делового мира «катящиеся планы» — основной источник экономической информации о правительственной политике, о приоритетах, о возможных последствиях.

— Когда вся страна создает план вместе с правительством, шансы выполнить его и даже перевыполнить, безусловно, велики. Как достигается национальное согласие?

— Прежде всего предложением ясных перспектив. Правительство ведет свою пропаганду, руководствуясь, в сущности, принципом: что будет, если мы не сделаем это, что будет, если мы сделаем это плохо, и что будет, если мы добьемся этого.

Всеобщая информированность, высокая степень сознания того, что происходит и чего могут ожидать от той или иной программы человек, семья, улица, фабрика, и есть тот фундамент, на который опирается национальное согласие.

В мою недавнюю поездку в США я много времени провел в беседах с Василием Васильевичем Леонтьевым. У него богатый опыт по части помощи разным странам в период экономических реформ. После войны он консультировал правительство Франции по вопросам перехода на рыночную экономику и за это награжден орденом Почетного легиона, помогал также правительствам Японии, Испании, Италии и Южной Кореи. Он мне сказал: «Корейцы — удивительные люди. Мы, к примеру, договаривались о каких-либо очередных шагах по экономической реконструкции, по подъему экономики. Через полгода они приезжают и говорят: «Мы уже все сделали».

Тут прослеживается еще одна черта — культ исполнения, которого нам сейчас так не хватает. У нас появились наконец необходимые законы, но они не работают. А ведь исполнение законов — это и есть реформа, это и есть национальное согласие.

— Может, дело в том, что исполнительность — врожденная черта корейского и вообще восточных народов?

— Конечно, трудолюбие корейского народа, его экономический патриотизм — черта поразительная. Мне рассказывали, что в 60-е и 70-е годы, на старте экономической реконструкции, там было практически 365 рабочих дней в году. Известный лозунг «затянуть потуже пояс» был в то время весьма популярен, но к нему добавился еще и другой — «не отдыхая». Господин Шин, один из главных архитекторов корейской экономической реконструкции, который был в течение многих лет премьер-министром Южной Кореи, а сейчас является председателем правления одной из самых крупных в мире корпораций, «Самсунг», мне сказал: «Приходите в любой вечер к зданию штаб-квартиры «Самсунга» и вы убедитесь, что и в девять, и в одиннадцать часов во всех окнах горит свет. Никто к этому не принуждает, люди работают так, потому что носят имя «Самсунг-мен» — человек из «Самсунга». Они знают: корпорация должна работать динамично, успешно, она все время должна быть в курсе общественных потребностей».

И этот свет в окнах здания «Самсунга» стал для меня символом корейского трудолюбия, воли, напористости, одержимости.

Так что корейское трудолюбие — не последний фактор, который привел к тому, что мы теперь называем перегревом корейской экономики. Ведь сегодня они в качестве первоочередных задач ставят снижение темпов роста производства.

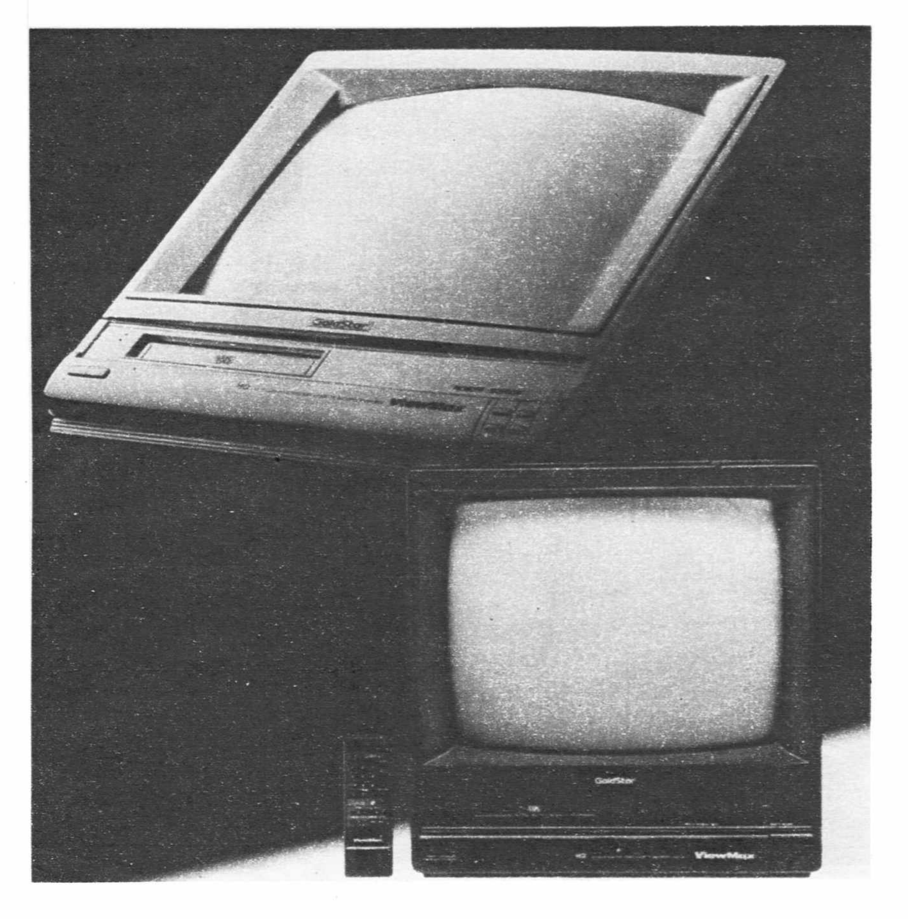
— Попутный вопрос: а есть ли безработица в Южной Корее? Ведь рыночная экономика, технический прогресс сокращают рабочие места. Тем более если каждый работает по одиннадцать часов, без выходных?

— Безработица есть, но небольшая. В прошлом году она составила 2,7 процента. Это просто текущая безработица. В Южной Корее довольно быстро перепрофилируются производства, капитал переливается из отрасли в отрасль. Но особенно активно сейчас развивается сфера услуг. Сервис и малый бизнес проглатывают огромное количество рабочих рук. Кроме того, Южная Корея активно размещает свои капиталы в других странах, и там корейские рабочие находят себе применение.

— Но достаточно ли национального согласия и управленческого искусства, чтобы привести вчерашнюю колонию, страну, практически лишенную природных ресурсов, в двадцатку наиболее развитых стран мира? Ведь реформа требует и денег...

— Найти деньги — тоже управленческая задача. Откуда они взялись? Первый источник — сбережения населения. До реформы норма сбережений была пять процентов. Чтобы заставить людей откладывать деньги, резко увеличили процентные ставки. Возросли и ставки за кредит. В результате вклады выросли на 20 процентов. Но и этого оказалось мало. Пришлось прибегнуть к иностранным займам, инвестициям. Чтобы стимулировать импорт капитала, правительство ввело для инвесторов льготные налоговые режимы, создава-

ло свободные экономические зоны.

Или борьба с инфляцией. К концу войны инфляция в Южной Корее достигла 148 процентов. Правительство применило комплекс мер — и снижало бюджетный дефицит при помощи жесткой экономии, и увеличило банковский процент на вклады, и контролировало цены, особенно в сфере услуг. Эти меры превзошли все ожидания. Уже в 1982 году уровень инфляции составил 1—2 процента.

Но, может быть, одна из главных управленческих удач — правильно выбранная экспортная стратегия. Она имела огромное значение именно потому, что в стране почти нет своих ресурсов, сырья. У любого бизнеса сразу же появлялась двуединая задача: не только произвести, но еще и обменять на те товары или сырье, которого в стране нет. Эта экспортная ориентация с самого начала подняла требования к качеству как в большом, так и в малом бизнесе. Кроме того, валютная выручка стала основой расширенного воспроизводства и технологических революций.

Становление экспортного сектора началось с текстильной и электротехнической промышленности (как правило, филиалов зарубежных компаний, в основном японских и американских), которая работала на привозном сырье и поставляла продукцию за рубеж. На их базе за двадцать лет сложился многоотраслевой промышленный комплекс. Южная Корея заняла прочные позиции на мировом рынке. Сейчас она крупнейший в мире экспортер обуви, цветных телевизоров, а по объемам судостроения уступает лишь Японии. За двадцать лет корейский экспорт увеличился в 100 раз, тогда как у других развитых стран он вырос лишь в 10—16 раз. Южная Корея имеет положительное сальдо в торговле со всеми странами, кроме Японии.

Еще одно стратегическое «ноу-хау» — умелый контроль за заработной платой, которая долгое время была ниже, чем у основных конкурентов Южной Кореи. В течение двух десятилетий правительство держало под жестким контролем соотношение между ростом производительности труда и зарплаты. Первая росла высокими темпами. В шестидесятых годах в обрабатывающей промышленности Южной Кореи производительность труда выросла почти на 13 процентов, тогда как в Японии — на 10 процентов, в США — на 4. Таким образом, копился запас прочности корейской экономики. А теперь зарплата в Южной Корее растет даже быстрее, чем в США, ФРГ, Японии. Но это никого не пугает, потому что изменилась структура экспорта. Южная Корея теперь утверждает себя не в дешевом массовом производстве, а в дорогостоящих высоких технологиях, и теперь уже она размещает свои филиалы в менее развитых странах. Вообще корейский феномен заключается и в комплексности. Они одновременно брали субсидии и повышали образовательный уровень, создавали научные и проектные институты, центры, университеты, отправляли десятки тысяч специалистов учиться за рубеж. И одновременно строили новый экономический механизм: боролись с инфляцией, вводили новую систему налогообложения, денежную реформу, полностью меняли кредитную политику... Система работала в комплексе!

Жизненный уровень в Южной Корее постоянно рос: если к началу реформ валовой национальный продукт на душу населения составлял примерно 80 долларов, то сейчас — почти пять тысяч долларов, средняя зарплата корейца на сегодня — свыше 600 долларов в месяц — только в два раза меньше, чем в США. Ныне Южная Корея — одна из самых высокообразованных стран мира. Но национальное согласие держится не только на внешнем благополучии.

В докладе президентского совета о приоритетах развития Южной Кореи до конца XX столетия есть такие слова: «В течение последнего столетия существовало много стран, национальный доход которых был выше, чем в Корее. Экономически Корея достигла уровня многих из них, не исключая и Японии. Но была одна общая трудность, которую многим странам пришлось преодолевать,— это взрыв людских надежд, связанных с удовлетворением индивидуальных экономических интересов в стране с низким уровнем личных доходов». И далее: «...Те, кто имеет высокие доходы, не должны допускать, чтобы лица с низкими доходами имели низкий стандарт жизни, и должны заботиться о бедных и непривилегированных слоях общества...» Понимаете, в чем дело?! Забота о бедных, прогнозирование социальных кризисов, заблаговременная борьба с ними. Сейчас, например, в Южной Корее разрабатываются сценарии по предотвращению политической нестабильности, которая может возникнуть оттого, что вскоре будет внедрена местная экономическая автономия. Предлагаемые меры опубликованы для обсуждения. Даются рекомендации, как предотвратить местный экстремизм, который может возникнуть от возросшей роли местных органов управления. Как видим, и здесь забота о национальном согласии.

— Всякое возвеличивание роли государства умаляет роль гражданина. А демократизация, как известно,— это возрастание роли личности.

— Верно. И в Южной Корее роль государства постоянно меняется. Если, скажем, в первую пятилетку (62—66-е годы) правительство строго направляло или непосредственно контролировало ведущие секторы экономики и наряду с этим добивалось расширения активности частного бизнеса, то в нынешней, шестой пятилетке оно снижает свою командную роль. Но держит в своих руках в основном социальные программы. И вряд ли без его участия в этих делах сейчас можно обойтись.

— Так приемлем ли для нас опыт Южной Кореи?

— В каждой стране можно по-разному добиваться поставленных задач. Дело не в том, чтобы копировать корейское усердие или их стратегии. Важно, чтобы программа национального возрождения была принята не только правительством, а народом, чтобы она стала народной программой, его средством достижения цели. Тогда и отдача будет — единение в подъеме страны.

— А пользуются ли другие страны южнокорейским опытом?

— Мне вспоминается «мозговая атака», проведенная в Нью-Йорке на годичном собрании Международной академии управления в конце прошлого года. Задача: определить самые острые проблемы управления, с которыми все страны неминуемо столкнутся в последнем десятилетии века. После бурных дебатов члены академии выделили семь проблем.

Три из них прямо вытекали из опыта стран Юго-Восточной Азии, в частности Южной Кореи. Управленческие мудрецы охарактеризовали их так: интересы экономического роста целых стран и благосостояние целых народов несовместимы с разнонаправленными и нередко беспорядочными устремлениями частного бизнеса. Отсюда — обеспечить такое взаимодействие государства и бизнеса, при котором бизнес был бы устремлен на общегосударственную стратегию подъема общества.

Проблема вторая — управление в условиях разных национальных культур, что в 70-е и даже 80-е годы недооценивалось. Ни техника, ни организация не могут восполнить влияния национального характера, традиций, даже вероисповедания на эффективность управления. Надо научиться использовать эти особенности.

И, наконец, третья — никогда ранее мировой опыт управления не использовался как реальный капитал, достояние всех стран. В девяностые годы интернационализация управленческих инструментариев становится важным фактором общего экономического подъема.

Вот уроки, которые извлекла из опыта Южной Кореи экономическая наука. И, конечно, она ищет способы их применения.

— Борис Захарович, теперь последний вопрос: каковы перспективы нашего сотрудничества с Южной Кореей?

— В прошлом году южнокорейские инвестиции в СССР были почти в сто раз меньше, чем в Венгрии. Но у нас есть магнит, с невероятной силой притягивающий внимание южнокорейских предпринимателей,— наш Дальний Восток.

Еще в 1986 году была поставлена задача разработать комплексную программу освоения этого региона. Теперь такая программа есть. Она рассчитана на период до 2000 года. Ее основные направления — расширение добычи и переработки разного рода ресурсов, производство различных полуфабрикатов и конечных продуктов. Затем — техническая реконструкция действующих предприятий и более чем двукратное увеличение строительства новых. Для этих целей должна быть организована мощная стройиндустрия.

Запланировано также создать комплекс высокоразвитых отраслей, перерабатывающих ресурсы океана и дальневосточных морей.

Придется в 2—3 раза увеличить производство продуктов питания, в 3 раза — товаров народного потребления и так далее. И как следствие должен резко возрасти экспортный потенциал всего Дальнего Востока.

Для выполнения этой программы нам было бы очень желательно привлечь в любых формах южнокорейский капитал. Мы сознаем, что его притоку пока что больше всего мешают наши внутренние ограничители — бюрократические процедуры, отсутствие гарантий. Судя по всему, в ближайшее время все это будет приведено в соответствие с мировой практикой.

Беседу вела Елена ЧЕРНОВА.

Метропольцы — свободные и счастливые (сверху — слева направо): Юрий Карабчиевский, Виктор Тростников, Юрий Кублановский, Семен Липкин, Евгений Попов, Василий Аксенов, Владимир Высоцкий, Виктор Ерофеев, Леонид Баткин, Фридрих Горенштейн, Аркадий Арканов, Фазиль Искандер, Инна Лиснянская, Анатолий Брусиловский, Марк Розовский, Василий Ракитин, Генрих Сапгир, Давид Боровский. Фото 1980 года.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СП

Виктор ЕРОФЕЕВ

У меня в писательском билете временная несуразность: принят в СП в 1978 году, время выдачи билета — 1988 год. На вопрос, каким образом в течение десяти лет я оказался крамольным «безбилетником», отвечает история альманаха «Метрополь» * и его панического разгрома, за который несут ответственность подлейшие годы (в самом деле, «бывали хуже времена, но не было подлей») и те, кто вершил буквально еще вчера судьбы нашей культуры.

По их понятиям, я, конечно, совершенно справедливо был исключен из СП, ибо законы литературной жизни той поры так сильно смердели (все было зажато, сковано, смято, раздавлено, извращено), что мириться с ними не было никаких сил, и я действительно попробовал осуществить «дьявольский план».

В декабре 1977 года, когда я снимал квартиру напротив Ваганьковского кладбища и каждый день в мои окна неслась похоронная музыка, мне пришла в голову веселая мысль устроить по примеру московских художников, отвоевавших себе к тому времени хотя бы тень независимости, «бульдозерную» выставку литературы, объединив вокруг самодельного альманаха и признанных, и молодых порядочных литераторов. Я без труда заразил идеей своего старшего прославленного друга В. Аксенова (без авторитета которого

* Полный текст «Метрополя» впервые в СССР выпускает в конце этого года новое московское издательство «Текст».

УСТЯ

ничего бы не вышло), к делу были привлечены А. Битов и мой сверстник Евг. Попов (Ф. Искандер подключился позже), и оно закрутилось.

Слова из предисловия к альманаху, что он родился на фоне зубной боли, не метафора, а реальность. Мы с Аксеновым лечили зубы на улице Вучетича. Нас посадили в два соседних кресла. Это был странный интерьер: зал, наполненный зубовным скрежетом. Аксенов сразу принял идею издания: это будет альманах «отверженной литературы», который издадим здесь.

В течение 1978 года нам удалось собрать «толстый» альманах, в нем участвовало более двадцати человек, случайных среди них не было, каждый, от старейшего С. Липкина до юного ленинградца П. Кожевникова, был талантлив, никто, как удачно недавно заметил Попов, не потерялся во времени и пространстве. Люди были самые разные. Мы сознательно разрабатывали идею эстетического плюрализма. «Метрополь» не стал манифестом какой-либо школы. У каждого были свои убеждения, представления, пристрастия. Возникали дискуссии. Были постоянные оппоненты, как философы Баткин и Тростников. Колко спорили между собой Ахмадулина и Липкин и Лиснянская...

Составляли «Метрополь» в однокомнатной квартире на Красноармейской, принадлежавшей уже покойной тогда Евгении Семеновне Гинзбург, автору «Крутого маршрута». Есть символика в выборе места.

Звонил в дверь Высоцкий, на вопрос «Кто там?» отзывался: «Здесь делают фальшивые деньги?» Мы хохотали, понимая, что получим за свое дело по зубам, но что те, наверху, совсем озвереют, и в сравнении с нами, «литературными власовцами», настоящие фальшивомонетчики будут для них социально близкими, почти родными, не предполагали.

Каждый вносил что-то свое, неповторимое. Высоцкий посвятил «Метрополю» песню, он спел из нее как-то несколько куплетов. Потом все это куда-то исчезло, как и многое другое. Или Фридрих Горенштейн, замечательный писатель, теперь живет в Западном Берлине. Однажды зимой он пришел к нам в рейтузах. Аксенов немного удивился и сказал: «Фридрих, ты, кажется, забыл надеть штаны...» «Вася! — изумился Фридрих.— Я не забыл. Я просто утеплился».

У «Метрополя» было много помощников. Они помогали нам клеить страницы, считывать корректуру. Ведь объем альманаха около 40 печатных листов! Стало быть, нужно было наклеить на ватман около 12 000 машинописных страниц, учитывая 12 экземпляров. Как выглядел альманах в его «первом» издании? На ватманскую бумагу наклеивалось по четыре машинописные страницы. Большую роль в издании сыграли художники. Обложка была из мраморной бумаги. Давид Боровский из Театра на Таганке разработал такой макет. Это было похоже на двенадцать могильных плит. Вот, опять похоронная тема... Борис Мессерер придумал фронтиспис и марку альманаха — граммофон. Сначала хотели наклеить и фотографии авторов. Горенштейн заранее принес две, анфас и в профиль. Но потом поняли, что они быстро отклеятся, и отказались. Название принадлежит Аксенову. «Метрополь» — это литературный процесс здесь, в метрополии. В предисловии, тоже написанном в основном Аксеновым (там чувствуется его стиль), сказано, что альманах — шалаш над лучшим в мире метрополитеном.

Мы не хотели, чтобы это была гора рукописей, и сделали альманах в виде готовой книги. Один экземпляр мы собирались предложить Госкомиздату, другой — ВААПу. Для издания здесь и за рубежом. То есть мы собирались предложить переиздание того, что мы уже издали. Мы так и писали в предисловии: «Типографским способом издавать альманах только в данном составе. Никаких добавлений и купюр не разрешается». Это требование особенно взбесило наших оппонентов.

Сигналом для «кампании» против «Метрополя» стал секретариат Московской организации Союза писателей. Он состоялся 20 января 1979 года. Во-первых, мы не думали, что их там будет так много. Их было человек 50. Кажется, это называлось расширенным заседанием секретариата и парткома. Во-вторых, мы получили от них какие-то очень возбужденные повестки с нарочным. Типа: вам предлагается явиться и т. д. В случае неявки... Шли глухие угрозы. В-третьих, это «заседание парткома» было накануне нашего предполагаемого вернисажа, который их особенно напугал. И стал основной темой всех увещеваний и заклинаний. Они были уверены, что после вернисажа о «Метрополе» заговорят по «голосам», потом выйдет книга на Западе. Предупреждаю вас, заявил председатель собрания, если альманах выйдет на Западе, мы от вас никаких покаяний не примем.

Все было заранее срежиссировано. Вставали один деятель за другим и кричали, возмущались, пугали. Кто-то даже всплакнул от ненависти. Грибачев сказал мне в коридоре с блатной доверительностью: «Что бы вы там ни говорили, все равно вам, ребята, хана». Нас было пятеро — составителей. Все было так мерзко, так подло, что нам ничего не оставалось, как вести себя «героически». Искандер сказал о том, что в своей стране мы живем как будто под оккупацией. На Попова особенно разозлились за то, что он записывал их же выступления. Аксенов назвал Союз писателей «детским садом усиленного режима».

Позже нас обвиняли в том, что мы задумали «Метрополь» с тем, чтобы его опубликовать на Западе. Это фактически неверно. Мы отослали — через знакомых, которые с огромным риском для себя взялись вывезти альманах за границу,— два экземпляра во Францию и Америку, но не для того, чтобы печатать, а на сохранение, и в этом оказались предусмотрительны. Когда же случился большой скандал и наши планы напечатать «Метрополь» в стране окончательно рухнули, авторы дали согласие на публикацию альманаха на русском языке в американском издательстве «Ардис», которым тогда руководил Карл Проффер, друг многих из нас, напечатавший множество русских книг. Спустя время альманах вышел по-английски и по-французски.

Было придумано так: мы устраиваем вернисаж «Метрополя», то есть знакомим с ним публику. Сняли помещение. Праздник должен был состояться в кафе «Ритм» возле Миусской площади. Пригласили человек триста художественной и нехудожественной интеллигенции. Дальше началась детективная история. КГБ отреагировал по-военному: квартал оцепили, кафе закрыли и опечатали по причине обнаружения тараканов, на двери повесили табличку «Санитарный день», а нас стали таскать на допросы в Союз писателей.

Всячески пытались расколоть. Говорили, что нам не по пути с Аксеновым — у него на Западе миллион! Мерзко шутили с фамилией Липкина: Липкин-влипкин. Искандера старались «отбить», но он не «отбивался»... Начались репрессии, бившие почти по всем метропольцам: запрещали книги (уже вышедшие не выдавались в библиотеках), спектакли, выгоняли с работы.

Теперь тогдашние начальники СП и организаций позначительнее валяют дурака и даже оправдываются, растерявшись от резкой перемены погоды, но в 1979 году они были настоящими палачами. Один пример: моего отца, занимавшего в то время крупный дипломатический пост в Вене, срочно вызвали в Москву, и секретарь ЦК тов. Зимянин от имени Политбюро, где решили, что «Метрополь» — начало новой Чехословакии, поставил ему ультиматум: либо твой сын подпишет отречение от «Метрополя», либо не поедешь обратно в Вену...

Зимянин не пожелал говорить с моим отцом наедине, так как воспринимал его уже «по другую сторону стола», как противника. Присутствовали Альберт Беляев и заведующий отделом культуры ЦК Шауро, с которым отец был знаком со студенческих лет. Когда Зимянин показал на отца и спросил: «Вы знакомы?» — Шауро протянул руку и сказал: «Шауро». Так проходил водораздел. Такой был страх... Зимянин зачитал из альманаха наиболее «острые» куски, назвал Ахмадулину «проституткой и наркоманкой», а обо мне сказал: передай сыну, не напишет письма — костей не соберет.

Я не написал — они выбросили отца с работы... Я никогда не жалел об участии в «Метрополе», это настоящая школа жизни, но палачей альманаха за школу не благодарю.

Они заявляли о «пошлости» песен Высоцкого накануне его смерти, расправились с Аксеновым, лишив его в конце концов советского гражданства (и теперь еще «недоумевают», на что он обижен), много лет не печатали исключенного из СП Попова, травили Липкина и Лиснянскую, вышедших из Союза в знак протеста против исключений...

Кампанию по травле «Метрополя» со всей решительностью возглавил Феликс Кузнецов. Когда он выдыхался, то распахивал двери своего кабинета, и в него врывались, чтобы продолжать с нами борьбу, Лазарь Карелин и Олег Попцов.

В статье «Конфуз с «Метрополем» («Московский литератор», 9 февраля 1979 года) Кузнецов писал: «Эстетизация уголовщины, вульгарной «блатной» лексики, этот снобизм наизнанку, да, по сути дела, и все содержание альманаха «Метрополь» в принципе противоречат корневой гуманистической традиции русской советской литературы...

Не надо варить пропагандистский суп из замызганного топора и представлять заурядную политическую провокацию заботой о «расширении творческих возможностей советской литературы».

По приказу свыше была спущена целая свора критиков альманаха, мнение которых о «Метрополе» (опубликованное в том же «Московском литераторе») было единогласно: «Порнография духа». Р. Казакова считала, что «Метрополь» — «это мусор, а не литература, что-то близкое к графомании». В. Гусева мучительно тревожила «судьба молодых писателей, в том числе участвующих в этом сборнике. Нам не все равно, пишет ли молодой писатель о мужских и женских уборных, как Ерофеев, или об одном лишь пьянстве и половых извращениях, как Попов». Известные борцы идеологического фронта Татьяна Кудрявцева и Тамара Мотылева тоже печатно тревожились по поводу «идейной ясности», а Николай Шундик грозил: «...ты, участник этой затеи, станешь объектом самых дешевых политических спекуляций».

Сейчас все это выглядит просто вздором, мы и в 1979 году смеялись над таким бредом, однако в те времена бред был не шуткой — приговором.

Неужели матерые писатели не понимали, что их высказывания повлекут за собою свирепые оргвыводы? Не случись, на счастье, перемен, мы и теперь бы сидели с кляпом во рту. Так бы и померли с Поповым «бывшими» писателями, просуществовавшими в СП 7 месяцев и 13 дней. Черт с ним, с тогдашним СП СССР, но никто не покаялся как с их, так и с нашей стороны...

Наши гонители в один голос говорили о творческой неудаче «Метрополя», общей слабости текстов. Так ли на самом деле? Никто не ставил перед собой идиотской цели создать сборник шедевров. Такая задача может прийти в голову только некомпетентному составителю. Тексты меньше всего отбирались по политическим соображениям. Пожалуй, было два вполне естественных критерия: талант и внутренняя свобода автора. Эти критерии отражены в большинстве текстов «Метрополя». Рассказы Искандера и Битова не только на уровне их творчества; я думаю, это одни из лучших их рассказов. «Чертова дюжина» рассказов Попова возвестила о рождении нового крепкого писателя. Их успех был особенно ярким. Философские «Ступени» Горенштейна — повесть явно незаурядная. Удачен был и прозаический дебют еще совсем молодого Кожевникова.

Среди стихов большая подборка Высоцкого мощна своей представительностью. Мне нравятся сошедший с котурнов Рейн и — меньше — политически злой и христиански умильный Кублановский. Но это отчасти дело вкуса (многие сотни читателей, зачитавшие наши самодельные экземпляры до дыр, напротив, высоко оценили последнего и недооценили первого). Мы фактически «открыли» нового поэта — Семена Липкина, его знали только как переводчика, в его стихах есть неспешная библейская умудренность.

Скольких мы с тех пор потеряли? Высоцкий и Б. Вахтин, автор сатирической повести «Дубленка», умерли; кроме Ф. Горенштейна, напечатавшего когда-то в «Юности» незабываемый рассказ «Дом с башенкой», поэт Ю. Кублановский, искусствовед В. Ракитин оказались в эмиграции...

Разгром «Метрополя», с одной стороны, пик, кульминация застоя, с другой — все уже было на излете, при последнем издыхании. Отсюда особенная злоба и ярость... Ходили, конечно, слухи, что нас исключат, но мы легкомысленно не верили.

Отстрелявшись, уехали втроем в Крым: Аксенов, Попов и я. На выставке голографии в каком-то городке в книге отзывов написали: «Мы, редакторы альманаха «Метрополь», приветствуем зарождение нового искусства голографии...» Где-то, наверное, сохранилась эта запись. В Коктебеле встретили Искандера. Страшно обрадовались друг другу и пошли выпить кальвадосу. Когда уже пропустили пару рюмок, Фазиль спохватился: а я анонимку получил. Там написано что-то вроде «Радуйся, сволочь! Двух ваших сукинов сынов исключили наконец из Союза писателей».

Анонимщик оказался прав. Нас исключили в наше отсутствие. Это была, по сути дела, литературная смерть. Кого исключали, того уже никогда не печатали. Мы с Поповым в один миг оказались диссидентами. Замечательная бандитская логика — ударить по молодым, чтобы запугать и разобщить всех. Наши товарищи собрались и написали письмо протеста. Его подписали Аксенов, Битов, Искандер, Лиснянская, Липкин. В письме говорилось, что, если нас не восстановят, они все выйдут из Союза. Такое же письмо послала и Ахмадулина. Об этом передали по «Голосу Америки». Страсти накалились.

12 августа 1979 года «Нью-Йорк таймс» опубликовала телеграмму американских писателей в Союз писателей СССР. Воннегут, Стайрон, Апдайк (по приглашению Аксенова участвовавший в альманахе), Артур Миллер, Э. Олби выступили в нашу защиту. Они требовали восстановить нас в Союзе писателей, в противном случае отказывались печататься в СССР.

В СП, кажется, сильно струсили. Во всяком случае, после этой телеграммы мной с Поповым занялся Верченко, который «работал» не с одним диссидентом. Большой любитель американского табака, добродушный и одиозный, Верченко был похож на крупного чикагского гангстера с мощными мафиозными связями. Раз зашел к нему в кабинет и «сам» Г. Марков — поглядеть на нас. Верченко сразу подтянулся и тут же принялся кричать: «Вот я и говорю, что ваш «Метрополь» — это куча говна!» Марков походил, понюхал воздух, как крыса из гоголевского шедевра, и ушел, не сказав ни здрасьте, ни до свидания.

Вообще меня поразила атмосфера в СП — всеобщего низкопоклонства и холуйства. С нами себя вели довольно вежливо, мы были враги, а с подчиненными, и с Кузнецовым, и с другими, разговаривали крайне пренебрежительно. И те не только не обижались, но считали за ласку. Нам потом тоже стали говорить «братья-писатели», когда зашла речь о нашем восстановлении: «Вот подождите, вас примут обратно, вы все начальство знаете, первыми людьми станете...» Однажды, когда мы были у Верченко, входит Лазарь Карелин. Слово за слово, мы с ним сцепились. Верченко страшно наслаждался этой сценой, а потом сказал: «Ну, ладно, Карелин, ты здесь лазаря не пой...»

Верченко обещал нас восстановить взамен на компромиссы и очень боялся сумки Попова, думал, что там магнитофон. На телеграмму американцев ответил в «Литературной газете» Кузнецов статьей с приблатненным названием «О чем шум?». Кузнецов уверял «дорогих коллег», что Союз писателей «ничуть не меньше кого-либо другого» беспокоится «за творческую судьбу» своих писателей и верит, что «глубокие и органические связи, которые связывают подлинных писателей с родной литературой и родной землей, неразрывны». «Эти надежды,— писал Кузнецов,— распространяются и на начинающих литераторов В. Ерофеева и Е. Попова». При этом Кузнецов крепко иронизировал: «Прием в Союз писателей — это уже настолько внутреннее дело нашего творческого союза, что мы просим дать нам возможность самому определить степень зрелости и творческого потенциала каждого писателя».

«Метрополь» оказался золотой жилой для Феликса Феодосьевича. Он стал залетать в такие кабинеты, в которых раньше и не надеялся побывать. Большой теоретик нравственности в литературе, на практике любил он иногда, для разнообразия, поклеветать. Отец рассказал мне, что Зимянин ему заявил при встрече, будто я собрался эмигрировать. Отец немало удивился. «Мне Кузнецов об этом сказал,— объяснился Зимянин,— ему твой сын признался».

Наше исключение было преподнесено в очень странной, безграмотной (о, эти письменники!) формулировке. В «Московском литераторе» напечатали постановление секретариата Союза писателей РСФСР: «Учитывая, что произведения литераторов Е. Попова и В. Ерофеева получили единодушно отрицательную оценку на активе Московской писательской организации, секретариат правления СП РСФСР отзывает свое решение о приеме Е. Попова и В. Ерофеева в члены Союза писателей СССР...»

С этого момента начальство стало разрабатывать версию, будто мы никогда и не были приняты в Союз, стараясь все запутать. Мы с Поповым явились к Кузнецову узнать, за что нас исключили. «Вас никто не исключал. Мы отозвали решение».— «Но в уставе нет такого положения!» Тогда он достал устав СП и прочел, что советский писатель должен участвовать в коммунистическом строительстве... Мы стали возражать. Кузнецов воскликнул: «Вы еще о правах человека заговорите!»

Эпизод, когда нас чуть было обратно не приняли в Союз писателей, оказался загадочным и туманным. Они все-таки испугались, оказавшись «в ножницах». И письма шести советских писателей, и телеграмма американцев, и статьи во многих странах — все это было достаточно серьезно. Конечно, не будь этой поддержки, мы с Поповым имели бы хорошие шансы отправиться вслед за Синявским и Даниэлем, недаром поговаривали о каком-то следователе по особо важным государственным делам, который будто бы занялся нами. Мы его в глаза не видели. Но холодок ГУЛАГа я чувствовал долго: прослушивали внаглую телефонные разговоры, подсылали людей, вызывали в «органы» друзей и отговаривали их дружить, залезали ночью в машину, распространяли вздорные слухи (один был особенно прелестен: Аксенов с Ерофеевым — гомосексуалисты, решившие создать «Метрополь», чтобы испытать силу своей мужской дружбы), наконец, раз «похитили» меня, отвезли на последний этаж гостиницы «Белград» в какой-то особый номер, «нежно» поговорили, предлагая отдать им рукописи без обыска: хотели «познакомиться поближе с творчеством», попугивали «порнографией».

Конечно, наши страдания — сущая ерунда по сравнению с мукой Анатолия Марченко или Сахарова. Нас не били в лагерях, не высылали, насильственно не кормили при голодовке. Но сущность общества, в котором мы жили, подлость, трусость одних и благородство других я понял за тот «метропольский» год так, как бы не понял и за полжизни.

Итак, 6 сентября нас с Поповым пригласил Кузнецов. Сказал, что был секретариат Московской писательской организации, где решили нас восстановить. Попов сразу: «Дайте справку!» — «Нет, справки не дадим».— «Мы члены СП?» — «Нет».— «Так кто же?» — «Вы члены Московской писательской организации». Мы оказались в уникальном положении принятых-непринятых. «Пишите заявление,— сказал Кузнецов,— и вас полностью восстановят на секретариате РСФСР». От нас хотели, чтобы мы написали о «шумихе» на Западе. Мы отказывались. В игру вступил Михалков, секретарь российского Союза.

Михалков внешне вел себя «либерально». В тиши огромного кабинета на Комсомольском проспекте он сообщил, что от нас требуется минимум политической лояльности. Политическое заявление нужно для товарищей из провинции, которые не в курсе. Мы не поддавались. Написали просто заявление о восстановлении.

В декабре вызвали на секретариат РСФСР. Мы решили не идти: пусть восстанавливают заочно. Но накануне Верченко заверил, что все «согласовано» и нам нужно появиться для проформы. В тот же день мы встречались с Аксеновым. Это важно, потому как есть версия, будто Василий сделал «Метрополь», чтобы уехать на Запад. Василий сказал: если вас восстановят, будем жить нормально. Он даже собрался пойти через день на какое-то собрание ревизионной комиссии, членом которой он был...

На следующее утро состоялся наш полный разгром. Мы понимали, что предстоит борьба. Сказали себе: нельзя расслабляться. Думали, что нас будут унижать, принуждать к раскаянию, чтобы потом в «Литературной газете» напечатать наши «признания», что нас вымажут дерьмом, но в конце концов примут.

Нас заставили долго ждать, а потом стали заводить по одному. Первым пошел Попов, считалось, что он из народа, сибиряк и некоторые ситуации может «смягчить», в отличие от меня, предателя правящего класса. Трудно сказать, был ли заранее спланирован результат. Возможно, они получили сначала одно указание свыше, а после другое. Это происходило буквально накануне оккупации Афганистана, и верхам уже не нужны были либеральные игры в «разрядку». Во всяком случае, кто-то, может быть, Кузнецов, побывал в «высших сферах», ибо именно он начал собрание с зажигательной речи против альманаха.

Присутствовал весь секретариат, от мала до велика. Они сидели за длинным столом и возмущенно шевелили руками: казалось, ползает много змей. За столом председателя сидели Михалков и Бондарев. Бондарев не произнес ни слова, но изображал все мимикой, то за лоб схватится, то руки возденет. Главным спикером был Шундик. Распутин с половины ушел на другое заседание. Михалков изображал центр. Когда орали: «Да хватит их слушать!» — он возражал: «Нет, товарищи, мы должны во всем разобраться...» То, что нас вызывали порознь, никакого значения не имело. Мы потом смеялись: отвечали абсолютно одинаково.

Вопросы были гнусные: как додумались до такого мерзкого дела? Понимаете, какой ущерб нанесли стране? Как относитесь к тому, что ваше имя используется на Западе реакционными кругами? Кто вас на это подвигнул? Они хотели свалить все на Аксенова. Попов сказал, что ему 33 года, он может сам отвечать за свои поступки, и никто его не «двигал», он не шкаф, чтобы его двигать.

Мы договорились, что как только Женя выйдет, то подаст мне знак: хорошо, так себе или плохо... Попов вышел и только рукой махнул: совсем плохо. Меня сразу спросили: «Считаете ли вы, что вы участвовали в антисоветской акции?» Я понял, что шьется дело, потому что участие в антисоветской акции — это 70-я статья, а не прием в Союз писателей. Кузнецов сказал: «Как же вы, который пишет про всяких Сартров, не понимали, что вас используют как пешку в большой политической игре!»

Но отмечу представителей национальных литератур: Гамзатова, Мустая Карима, Кугультинова. Они занимали другую позицию. В какой-то момент Гамзатов встал и сказал Попову: «Хорошо отвечаешь! Надо решить вопрос, принять их, и все!» Когда Попов вышел, следом вышел Карим: «Вы все правильно говорили, но кому вы это говорили!»

Вообще после секретариата к нам некоторые подходили, жали руки. Потом мы узнали, что голосование было единогласным. Был очень долгий перерыв, они совещались, мы болтались по коридорам. Затем нас опять вызвали, и Шундик зачитал решение о том, что мы исключаемся из Союза писателей на неопределенное время. Кузнецов при этом сказал: «Правильно заметил Гранин, что они ничего не поняли, поведения своего не оценили...» Когда все уже расходились, Михалков нам шепнул: «Ребята, я сделал все, что мог, но против меня было 40 человек...»

Может быть, он действительно в тот раз не был главным погромщиком?

Все это происходило за два дня до столетнего юбилея Сталина. Когда к нам подошел корреспондент «Нью-Йорк таймс» Крег Уитни, мы сказали, что вот таким образом Союз отметил день рождения Вождя.

Липкин и Лиснянская вышли из Союза писателей. Им пришлось хуже всех. Они лишились почти всех средств к существованию. Мы всегда относились к ним как к героическим личностям. Аксенов также вышел из Союза. Вскоре он получил приглашение от американского университета, уехал и... лишился гражданства. Надо добавить, что мы с Поповым написали письмо друзьям с призывом не выходить из Союза, не обнажать левого фланга советской литературы. Битов, Искандер и Ахмадулина нас послушались.

«Метрополь» оказался рентгеном, просветившим общество. Мы увидели «власть»; она не перла вперед на своем идеологическом бульдозере, как это было в первые годы Октября; она едва ползла, маразматическая, деградирующая, разваливающаяся, но при этом готовая губить все живое только для того, чтобы ей не мешали гнить дальше. Но одновременно «Метрополь» показал, что той власти можно было и следовало сопротивляться, и показал, как сопротивляться.

Год «Метрополя» — страшный и веселый год: дружно, стараясь не терять чувства юмора, мы (повторю, я оценил в тот год значение этого местоимения) шли против помоечного течения. Нам кричали, что мы пособники «спецслужб» и что нас надо поставить не то к стенке, не то «лицом к народу». Нас не сломили, но... попортили биографии. Я думаю не о мести — о памяти: в социальной беспамятности залог не раз повторявшейся катастрофы.

Время героического противостояния, должно быть, проходит. Нас с Поповым восстановили (не без труда, большинством в один голос) в СП. Недавно позвонили: в Москве организуется большой вечер «Метрополя». Кто будет ведущим? Как кто? Кто нас больше всех мучил! Возникает новое испытание: что делать, когда можно многое делать?

От намордника — к свободе выбора, от свободы выбора — к выбору свободы.

Перед вами — три среднеазиатских поэта, пишущие на трех разных языках. Хотим прежде всего обратить ваше внимание на богатый интонационный спектр в предлагаемой нами подборке.

Атамурад АТАБАЕВ

ОПРОКИНУТЫЕ САДЫ

ДРЕВНИЙ ГОРОД

Луна и солнце в этом городе восходят,
Луна и солнце в этом городе заходят.
Песочные часы в персть праха превратились,
Здесь время не течет. Века остановились.

Нет красных петухов, орущих поутру
На гребешок зари, горящей на ветру.
Нет резвых скакунов, копытящих века,
Нет стад коровьих, льющих реки молока,
Нет блеющих овец с большими курдюками,
Нет ни одной козы с отбитыми рогами.

Нет луноликих дев, вздыхающих ночами,
Нет верных юношей с горящими очами.
Нет мастеров, что оживляют мертвый камень,
Искусства нет, поэтов нет — погас их пламень.
Развеян сладкозвучный стих
под вечным сводом,
Где звук и смысл сливались, словно масло
с медом.

Нет мудрецов — не обнимает больше разум
Вершины мира и глубины — разом.
Нет переписчиков, равно добро и зло
Переносящих на бумагу набело.
Нет никого, нет ничего... Пройди, не глянув!

Нет звездочетов, предсказателей, шаманов,
Шпагоглотателей, гадалок, шарлатанов,
Книгохранилищ с миллионами томов;
В пыль превратились измышления умов!

Кувшина нет с вином. Нет тюрем и цепей.
Нет виноватых и невинных. Нет судей,
Умевших белое как черное представить,
Искусно правду на неправду переправить.

Где в этом городе базар? Где зазывалы?
Где перекупщики, ростовщики, менялы?
Где груды золота? Где псы и где их кости?
Где свора нищих? Где хозяева и гости?
Где казаны, в которых варят плов густой?
Нет ничего. Стоит базар пустым-пустой.

Все караваны с четырех окраин мира
Минуют город. Блеск и шум проходят мимо.
Ни певчих птиц, ни говорящих попугаев,
Ни драных шапок, ни богатых малахаев.
Ни мало нет, ни много нет. Нет ничего.
Одно безмолвие. Пустынно и мертво.

Нет величавых стариков, нет благочинных
Старух сказительниц, в чьих ласковых
морщинах
Таятся сказки, дремлют тысячи теней.
Их слушать некому, нет в городе детей.
Нет старых сказок, что мудрее дня и ночи,
Чья правда слаще молока и горше желчи.
Осталось в городе огромное вчера,
Теней и призраков неясная игра.

В безлюдном городе разбойники не бродят,
Тут грабить нечего. Восходят и заходят
Луна и солнце. Ничего не происходит.
Людьми построенный, разрушенный людьми,
Он словно светится истлевшими костьми.

Я прохожу, и пыль веков седая
За мною тянется, на землю оседая.

НА ПЛЯЖЕ

Мужчина иль женщина, стар или млад,
Девица иль парень?.. Вповалку лежат.
О, столпотворение сонного царства!
Где наши, где ваши — нельзя разобраться.

Кто книгу читает, кто в карты играет,
А кто, как сырое бревно, обгорает.
А Черное море шумит одолонь
И рвется на берег, как вздыбленный конь.

На пляже с утра многолюдно всегда,
Тела распростертые лижет вода.
Того, кого в городе видел одетым,
Попробуй найди среди голых... Да где там!

Под солнцем белесым сверкают тела,
Как темные камни, и несть им числа.
Но к слабому полу, даю тебе слово,
Нет чувства в душе никакого такого...

Вот пляж оживился. Толпа загляделась
На женщину — молча пришла и разделась.
С Луны ли свалилась такая краса?
С морской поволокой, синеют глаза.

И ноги, и руки, и груди нежны
Такой белизной, что слова не нужны.
Напомнила женщинам с адским загаром,
Что все-таки пол их прекрасен недаром.

...Есть в этой красавице некий искус.
Как только оденется, сразу влюблюсь.
Когда наши чувства одежда скрывает,
Чего только с нами тогда не бывает!

И все-таки, глядя на синюю воду,
В чьем рокоте слышал покой и свободу,
Я думал, что род привлекают людской
Сюда только солнце и воздух морской.

Ну вот затерялся на пляже и я.
В объятья морские бросаюсь шутя.
Плыву и качаюсь в просторе широком,
И вновь возвращаюсь на гребне высоком.

Лежу на песке — о, блаженство какое! —
И телом впиваю дыханье морское.
Светло это солнце, а тело черно,
Ведь я загорел в Каракумах давно.

Ашхабад

Перевел с туркменского Юрий КУЗНЕЦОВ.

Гульрухсор САФИЕВА

БУДЕТ МОРЕ

На месте садов опрокинутых —
Под звуки рыданий отринутых —
Из слез, что текут поневоле,—
Будет море!

Жестокое, невероятное,
Безжалостное, безотрадное,
К людской равнодушное боли —
Будет море.

До уровня звезд доходящее,
Потомкам не принадлежащее,
Подобно богатствам Памира,—
О море без мира,—

Родные ручьи ослепившее,
Надежды навек схоронившее,
Молчанию нашему вторя,—
Будет море.

Таджикских могил не останется...
В бутылке, что выкинул пьяница,
Усопшему место ль? О горе —
Будет море!

Душанбе

Перевела с фарси Татьяна БЕК

Раим ФАРХАДИ

КРИК

Бульдозером засыпанный родник —
Из-под камней его не слышен крик.
А он кричит.
Какая это боль!
Пока не ощутимая тобой.

Долбим гранит, не устаем колоть.
Земную кожу рвем, земную плоть.
Земля кричит.
Какая это боль!
Пока не ощутимая тобой.

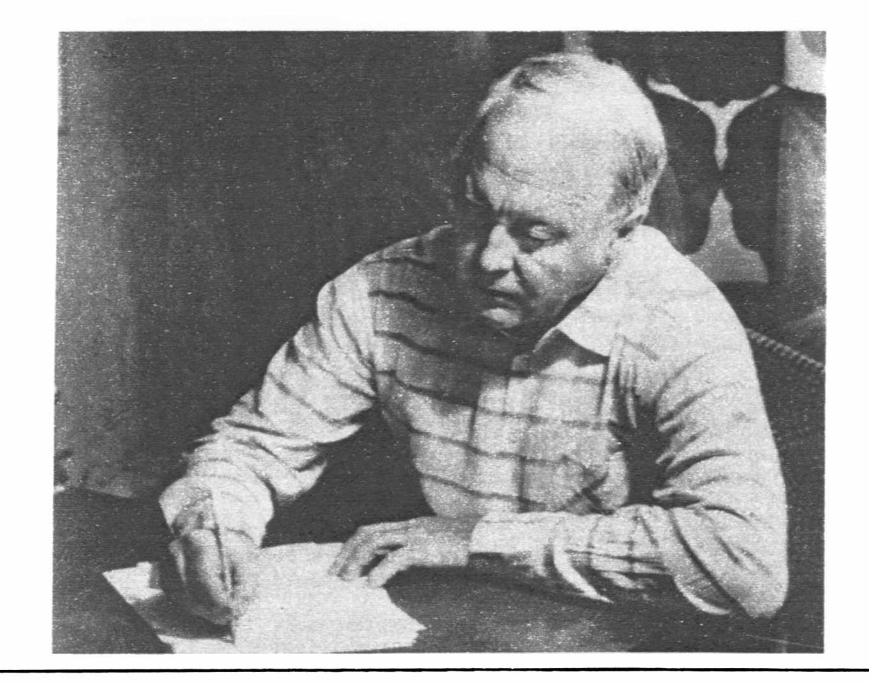
Кто дерево цветущее срубил?
Кто эту кровь весеннюю пролил?
Боль дерева —
Какая это боль...
Пока не ощутимая тобой.

Но грянет час. Расколется твой
лед.
Никто не шелохнется, не спасет.
Ты закричишь.
Какая это боль!
Пока не ощутимая тобой.

* * *

След каких-то больших испытаний.
Шквал пустыни. В горах камнепад.
И мальчишки, причастные к тайне,
Во дворе меж собой говорят:
«Это взрыв прогремел
в Казахстане...»
И глубокою рваною раной
Полыхает над степью закат.

Ташкент

Михаил Петрович Любимов — бывший сотрудник разведки, работавший многие годы за границей, кандидат исторических наук, автор нескольких пьес.

Все имена, места, образы и события в этой книге являются художественным вымыслом, и любое сходство с действительными ситуациями, умершими или живыми людьми объясняется чистой случайностью.

Михаил ЛЮБИМОВ

И АД СЛЕДОВАЛ ЗА НИМ

Роман

«Двух станов не боец, но только гость случайный,
За правду я бы рад поднять мой добрый меч,
Но спор с обоими доселъ мой жребий тайный,
И к клятве ни один не мог меня привлечь...»

А. К. Толстой

The soul of the spy is somehow the model of us all[1].

Jacques Barzun

Вместо предисловия

СССР, Москва, Тверской бульвар, 23,
Михаилу ЛЮБИМОВУ, эсквайру.

Дорогой сэр!

Памятуя наши плодотворные дискуссии о сокращении разведывательной деятельности противостоящих блоков, я рискнул прибегнуть к Вашей помощи по одному весьма щепетильному вопросу. Месяц назад, когда я покидал рыбный ресторан «Скотс», ко мне подошел человек, заявивший, что знает меня по телевизионным выступлениям (говорил он на добром ирландском языке), сунул в руки пакет и удалился, бросив на прощание: «Уилки просил опубликовать это!»

Помните ли Вы шумный процесс над австралийцем Алексом Уилки, обвиненном не только в шпионаже, но и в убийстве? Называя эту фамилию, я допускаю натяжку, ибо Уилки жил и по фальшивым паспортам, используя еще массу разных фамилий.

Вернувшись к себе на Стеноуп-террас, где, если Вы помните, мы провели немало приятных бесед за чашкой чая, я достал в библиотеке подборку старых номеров «Таймс» и внимательно перечитал весь процесс.

Алекс Уилки обвинялся в работе на советскую разведку, что он категорически отрицал, как и свое якобы русское происхождение. Держался он спокойно, смело, даже дерзко. Свидетельские показания оказались недостаточно убедительными, более того, у меня сложилось впечатление, что британские спецслужбы не были заинтересованы в раздувании всего дела, а даже пытались его замять. Основная часть процесса проходила за закрытыми дверьми. По слухам, значительная доля обвинений строилась на весьма драматических материалах, предоставленных американской разведкой.

Что касается загадочного убийства так и не опознанного лица, то Алекс Уилки сам признал свою вину, которую, правда, невозможно было отрицать, поскольку полиция схватила его на месте преступления. В итоге по решению суда он получил тридцать лет тюрьмы.

Связавшись со своими друзьями из секретной службы, я узнал, что незнакомец, подстерегший меня у «Скотса», является уголовником, недавно освобожденным из тюрьмы, через которого Уилки передал пакет с рукописью, опасаясь ее экспроприации. Страхи его были напрасны, поскольку тюремные власти по устойчивой британской традиции всячески поощряют литературные экзерсисы, учитывая их исключительно целебное терапевтическое воздействие на заключенных.

Недавно в «Таймс» я прочитал очередную статью о жизни Уилки в тюрьме. Ведет он себя в тюрьме примерно, пользуется авторитетом у заключенных и по-прежнему отрицает свое русское происхождение. Мои друзья добавили, что он много читает, делает выписки (тюремным библиотекам Англии могут позавидовать многие оазисы культуры Европы) и считает свой литературный труд забавной игрой, которая завершит его бурную жизнь.

Теперь о самой рукописи.

У меня сложилось впечатление, что Уилки отважился на жизнеописание и, возможно, даже на исповедь, прикрыв все это фиговым листком литературной формы.

Я не претендую на роль литературного эксперта, но мне не по душе ни излишний натурализм, ни манерность, ни шпионский сленг, ни постоянная самоирония, доходящая до абсурда, которые мешают читателю окунуться целиком в повествование.

Уверен, что и Вы, сэр, будучи поклонником Чарльза Диккенса и Льва Толстого, во многом согласитесь с моими, возможно, не совсем зрелыми, суждениями.

Особенно поразила меня, сэр, эзопова манера повествования, все эти шитые белыми нитками «Мекленбург», «Монастырь», «Маня» и прочие выдумки отравленного конспирацией ума. Зачем это нужно? Неужели Уилки серьезно полагал, что его художественная проза может быть использована против него для пересмотра дела или для возбуждения нового дела о шпионаже? Если он так считал, то это не делает чести его специальной подготовке: в практике судов Соединенного Королевства не было еще дел, построенных на доказательствах, взятых из беллетристики обвиняемого.

Направляю Вам рукопись и надеюсь, Вы найдете ей достойное применение.

С надеждой снова увидеть Вас в Лондоне,

искренне Ваш
профессор Генри Льюис.

Профессору Генри Льюису,
7 Стеноуп-террас, Лондон.

Дорогой сэр!

Глубоко благодарю Вас за рукопись и особенно за

[1] Душа шпиона — это некоторым образом слепок с нашей души. **Жак Барзан.**

теплое письмо. Я тоже часто и с удовольствием вспоминаю наши беседы у камина и особенно Ваше выступление на конференции по поводу разрушительного воздействия шпионажа на моральное состояние общества — теме, столь близкой моему сердцу. Совершенно убежден — и тут, если помните, мы сошлись с Вами в едином мнении,— что перестройка в международных отношениях невозможна, если существуют шпионаж и шпиономания.

Теперь о рукописи. Как Вы понимаете, я не преминул тут же обратиться в соответствующие компетентные органы и получил следующий ответ: «Никакого Алекса Уилки, связанного с советской разведкой, не было и нет, и весь шпионский процесс инспирировался определенными кругами, заинтересованными в нагнетании международной напряженности. Что касается лиц и событий, описанных в так называемом романе Уилки, то они целиком являются плодом явно больного воображения автора, начитавшегося триллеров Форсайта, Кленси и Ле Карре».

Тем не менее, учитывая счастливую эру гласности, я решился опубликовать это произведение, интересное прежде всего как человеческий документ и, если использовать ваш тезис, как свидетельство распада личности, ведь — увы! — тайная война наложила отпечаток на психику и поведение всех нас.

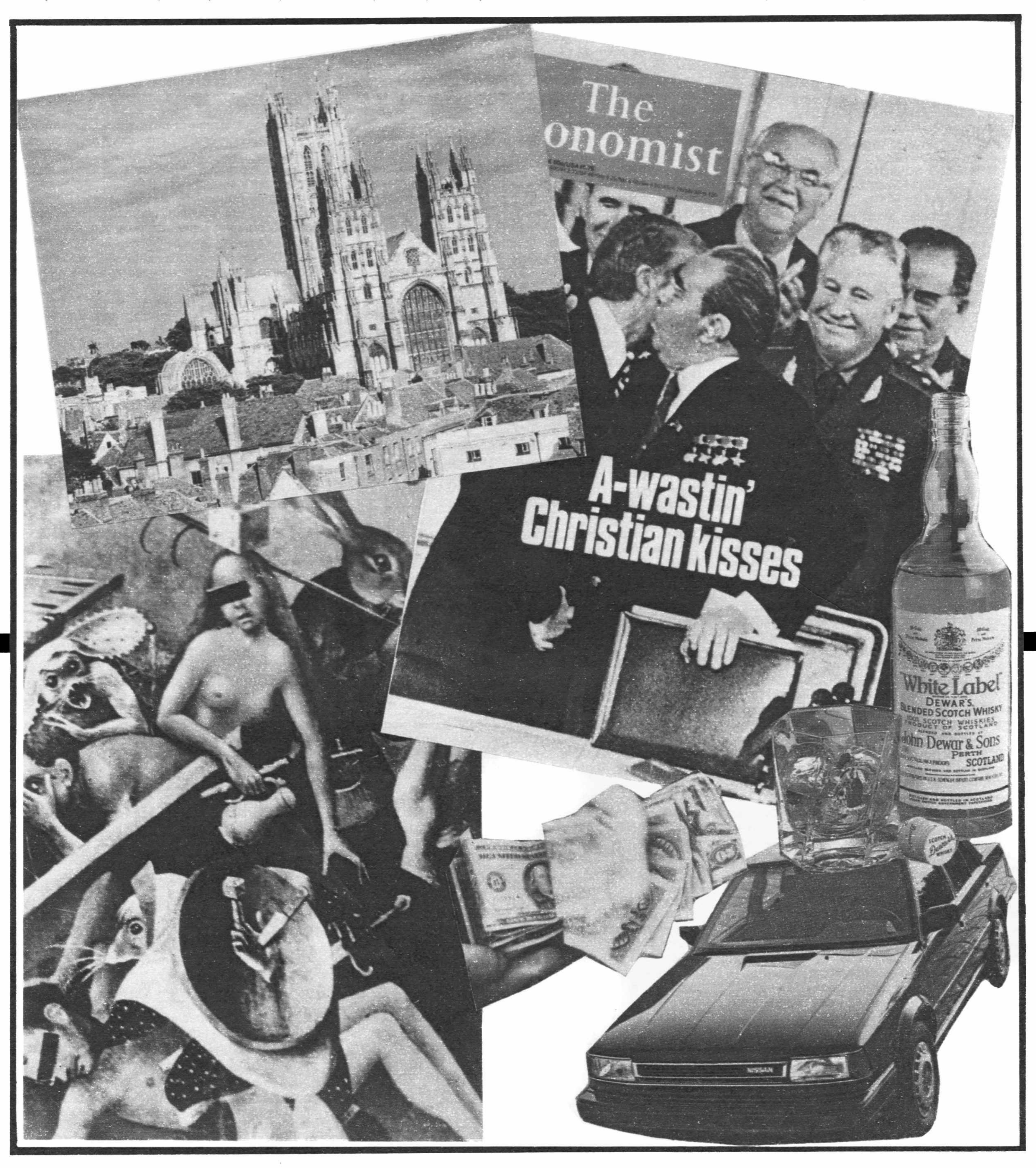
Возможно, Вам, сэр, покажется странным, но Уилки вызывает у меня чувство сострадания, несмотря на прекрасные условия, предоставленные ему в английской тюрьме. Мне трудно судить о тюремной жизни, ибо до сих пор судьба была милостива ко мне и уберегла от близкого знакомства с пенитенциарными системами.

Но говорят, у нас в стране тюремные библиотеки, возможно, не уступают английским. Судя по мемуарам Роберта Брюса Локкарта, в лубянской тюрьме, куда он попал за участие в заговоре против советской власти, имелся отменный выбор литературы: Фукидид, «Воспоминания о детстве и юности» Ренана, «История папства» Ранке, «Путешествия с ослом» Стивенсона и множество других превосходных трудов.

Не без умысла прикоснувшись к уважаемой персоне сэра Роберта, хочу напомнить Вам слова, высказанные ему на прощание тогдашним зампредом ВЧК Петерсом. «Господин Локкарт, Вы заслуживаете наказания, и мы освобождаем Вас лишь потому, что нам нужен в обмен арестованный английскими властями Литвинов. Всего хорошего! И у меня к Вам личная просьба: в Лондоне живет моя сестра, Вам нетрудно передать ей письмо?»

Локкарт утверждает, что точно выполнил просьбу зампреда.

К чему я плету эти нити? Поверьте, сэр, я отнюдь не мечтаю о тех временах, когда шеф КГБ начнет передавать письма своей сестре, живущей по соседству с семьей директора ЦРУ, через задержанного американского резидента. Просто этот эпизод наводит на мысль о существовании кодекса чести даже между самыми непримиримыми противниками. Почему бы не привнести в наш деморализованный подозрениями мир нечто из времен благородного рыцарства? А говоря на более приземленном языке, почему бы не отказаться от методов шпионажа, унижающих человеческое достоинство? Это Вам не размышления у камина, которого мне так не хватает здесь.

И последняя бусинка в этом ожерелье, которое я так неумело нанизывал: насколько успешно, по Вашим данным, развиваются контакты между ЦРУ и КГБ? Можно ли надеяться, что на следующую конференцию мы заполучим представителей всех главных секретных служб мира?

Надеюсь, Вы не будете возражать, если я опубликую наш эпистолярный обмен в качестве предисловия к книге.

С искренними пожеланиями
Михаил ЛЮБИМОВ

P. S. *Вы упрекаете бедного Уилки в пристрастии к эзопову языку и излишней конспирации. Что ж, возможно, в Англии художественный вымысел не может быть положен в основу уголовного обвинения. Однако не забывайте, уважаемый сэр, что время не стерло из памяти Уилки нашумевшие процессы Даниэля и Синявского, на которых им, увы, инкриминировались высказывания героев их собственных литературных произведений.*

Что тут удивляться? Мне вполне понятны перестраховка и предусмотрительность осужденного разведчика, решившего не давать никаких карт в руки самому гуманному в мире британскому правосудию, приговорившему его к 30 годам, ни так и не признавшему его Отечеству.

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

КОТОРАЯ ВВОДИТ НЕИСКУШЕННОГО ЧИТАТЕЛЯ В БОГАТЫЙ МИР ГЕРОЯ, ЛЕТЯЩЕГО В ТЕМНУЮ НОЧЬ НА ТАЙНОЕ СВИДАНИЕ

Большая в Гаммельне тревога.
Крыс развелось там —
страсть как много.
Уже в домах не счесть утрат.
Перепугался Магистрат...

...Вдруг волшебник — плут отпетый —
Явился, в пестрый плащ одетый,
На дивной дудке марш сыграл
И прямо в Везер крыс согнал.
Легенда о Крысолове

Я выключил телевизор, набросил пиджак, обозрел из окна темную ночь, в которой только пули свистели по степи, и спустился вниз по лестнице, позванивая ключами от машины.

У подъезда под суровым ветром трепетали белый плащ миссис Лейн и ее продрогший сеттер с отвратительной мордой судьи, не устающего выносить смертные приговоры.

— У вас железная воля, миссис Лейн! Подумать только, в такую тоскливую погоду не пожалеть себя ради этого благородного создания (тут создание, словно почувствовав мое кривляние на котурнах, состроило рожу еще постнее, вызвав не предусмотренное ситуацией воспоминание о предводителе Монастыря, Мане), а я еду ужинать в Сохо, ведь в местных пабах, дай Бог, чтобы раздобыть вечером пару хотдогов, да это и понятно: народ экономит, обжирается овсянкой дома и выбирается за сто ярдов лишь за пинтой пива. Какой смысл держать в пабе горячие блюда? К тому же я люблю итальянские рестораны, не зря ведь во мне горит четвертушка итальянской крови, хотя все остальные предки — австралийцы (время от времени не мешает обыгрывать легенду, это полезно для дела и тренирует и без того феноменальную память), и посему день, проведенный без ветчины попармски, то бишь дыни с ветчиной, похож на муки человека, который с утра не успел почистить зубы и мечтает вечером добраться до щетки [2]. Хорошо, что в тратториях цены вполне доступны для скромных тружеников (легенда — всегда легенда, соседей интересует чужой карман, и никто толком не знает доходов на радиофирме почтенного Алекса), хотя, признаюсь, миссис Лейн, ветчина по-пармски — это не главное в жизни (мысль простая и афористичная!). Счастливой прогулки, не простудите гордость нашего дома! Разве встретишь такую прелесть даже на лужайках Хемстед Хила? Спокойной ночи, привет вашему мужу, у него уже прошел насморк? Мне всегда приятно с вами поговорить, я ему так благодарен за то, что вчера он помог завести мне машину — проклятая сырость! — у него золотые руки, ему надо открыть частную мастерскую, вам бы не помешала пара миллионов, миссис Лейн, правда? Хватит и одного?

Смех. Аплодисменты. Занавес.

Первый переулок, второй, третий, поворот направо, левое колено [3], выезжаем из Хемстеда, два километра по прямой, налево и правое колено, далее прямо к автостраде. На уроках в семинарии за такую грубую проверку прочистили бы во всех наклонениях, представляю своего грозного дядьку: «Попытка с ходу выявить «хвост» сразу обнаруживает вашу принадлежность к известной организации!»

На автостраде фиксирую «роверы» 07435 и 24132, впрочем, наружное наблюдение — по-простому наружка — обычно меняет номера. А если серьезно обложили и оборудовали закрытые посты, и пошли несколькими бригадами по параллельным, и вставили в машину игрушку-датчик, он же «клоп», и прочее, и прочее, то все равно полная хана — проверяйся хоть сутки. Если ты погорел и петля затягивается, то остается только зайцем бегать вокруг капкана — никуда не деться! — или ожидать шапку-невидимку да ковер-самолет.

«Хвост» — почти всегда конец, финита ля комедия, почти всегда. Бывают, конечно, и случайности — так однажды меня взяла в Веве швейцарская полиция, клюнув на иностранный номер машины. С тех пор бегу провинциальных мест, где тупые ксенофобы видят в каждом заезжем гангстера и шпиона. Нельзя нашему брату играть с «хвостом», мы же не белая кость, прикрытая дипломатическим паспортом: они, как свободные лорды, раскатывают на своих лимузинах с «хвостами» и еще предлагают на остановках пиво утомленным сотрудникам наружки, мышкам-норушкам.

Небольшой «форд» резко вывернул из темноты и остановился у бензоколонки, другая машина, полыхая дальними фарами, приближается сзади, карамба, стоп! Выскакиваю к автомату за сигаретами, которые не курю, дамочка в спортивной куртке роется в сумке, достает свои гривны, получает пачку и отходит к «форду» 125-11, сзади она вполне ничего, хотя ноги чуть подкачали.

«Мерседес» 767-19 проскочил мимо, ложная тревога! Разворачивайся, Алекс, доезжай до бакалеи и дуй на другую автостраду.

Мышек-норушек вроде бы нет, но в голове учебный фильм ужасов, популярный в семинарии: встречный поток разбегается в боковые улицы, на ходу меняя номера, поворачивает на все 180°, пристраивается сзади, по бокам и впереди, блондины перекрашиваются в брюнетов, бросают под заднее стекло клетчатые кепи, розы и апельсины, дабы выглядеть гуляющими ковбоями, шоферы наклеивают бороды патриархов или перевоплощаются в юных леди, музыка играет танец с саблями, в кадре — объект слежки, зловещий и неврастеничный, как все иностранные шпионы. Вот он паркует машину, вытягивает трубочкой губы в любимой «Боже, славь королеву!». Бодро шагают бригады сыска: обнявшиеся две сестрички-шизофренички, старушка — божий одуванчик и пьянчуга с расстегнутой ширинкой (действие, естественно, разворачивается в Мекленбурге). Расслабившийся объект мирно движется к перилам универмага, где в магнитном контейнере таится план уничтожения всех военных баз Мекленбурга, вот он прикоснулся к перилам — вспышки, вспышки, вспышки фотоаппаратов! И берут подлеца под белы руки наши молодцы, и тянут, завернув оные за спину, в «черный ворон»... Не дай бог такое!

Правый поворот — до сих пор холодок пробегает по телу при воспоминании об этой альпийской дыре Веве — от страха чуть не выпрыгнуло сердце и дрожали руки, когда разводил костерик в унитазе гостиничного номера.

В окна летели липовый цвет и дурацкие марши из соседнего ресторана, полиция повертелась вокруг, проверила подозрительного австралийца у портье и бросила к чертовой матери: почему меня зацепили?

Перехожу в другой ряд, набираю скорость. В зеркальце — пустая мгла, сворачиваю налево, еду на красный (благо на улице ни полицейских, ни собак), еще пару миль, и, если не верить во всевидящее око спутника, в черную магию, в сверхдостижения электроники и химии, от которых и блохе не укрыться в Лондоне, то можно бросать машину и двигать по маршруту проверки на своих родимых костылях.

До встречи с Генри еще целый час, с ума сойти, как медленно тянется время! «The inaudible and noiseless foot of Time!» [4], как писал идол моего австралийского папы. Что же скажет Генри? Неужели рыбка сорвалась с крючка? Будет очень обидно, это затянет всю операцию «Бемоль», потребует новых сил...

Нет, Генри настойчив и родился с серебряной ложкой во рту, у него не сорвется... А если вдруг ни черта не выйдет и все полетит в тартарары? Центр меня по головке не погладит, такое вставит...

И прежде всего старый друг Челюсть, подброшенный фортуной под самый купол Монастыря, уважаемый Николай Иванович, один из главных распорядителей судьбы владельца небольшой фирмы радиотоваров, легкомысленного австралийца Алекса,— видимо, зависть к его звезде никогда не вылезет из моих пропитых печенок.

Так и видится он мне в далекой ретроспекции в виде огромного бесформенного юнца, входящего в кабинет, что выходит окнами на улицу Несостоявшегося Ксендза (весь район дышит этим именем, тут и его памятник, и площадь, чего тут только нет), вот Челюсть входит в развевающихся штанинах и мрачном, как вся История, галстуке, открывает дверь и впускает вместе с собою шквалы коварного ветра. «Дуй, ветер, дуй!» — словно кричит король Лир из своего небесного угла [5], и ветер отбрасывает оконную раму, звенит стеклами, обходит все углы и выдувает (еще не повесили нитяные сетки) в июльскую жару документ на тонкой бумаге и не просто выдувает, а возносит над площадью и несет в сторону улицы Убиенного Царевича, показывая нижестоящим гриф «Совершенно секретно».

Ужас до сих пор не остыл во мне, вижу, как у Челюсти опустилась грандиозная челюсть (отсюда и гениальная кличка, придуманная мастером Алексом), мы снежной лавиной катимся вниз по лестнице, распугивая руководящих гусей, вниз, вниз, мимо оторопевших охранников прямо на улицу. «Не трожь! Не трожь!» — кричал Челюсть какому-то приезжему ориенталу, протянувшему потрескавшуюся руку к драгоценной бумаге, словно за дыней.

Но ветер снова дунул, и секретный документ метнулся под стоящий автомобиль, припал к колесу — тут я и настиг его, и взял, как мяч, на живот к величайшему разочарованию иностранных агентов, бродивших по площади Несостоявшегося Ксендза в поисках легкой добычи...

Третья остановка метро, выхожу из последнего вагона, замедляю шаг, пропускаю всех вперед, запоминаю облики, одна тетушка обернулась, сверкнули очки, утешает, что мною еще интересуются женщины. Вроде все чисто, впрочем, проверка в метро похожа на проверку на переполненной Пиккадилли...

Но главное — оторваться от района, где брошена машина. Если ее найдут, то начнут шуровать вокруг...

Челюсть, конечно, сделал карьеру, ничего не скажешь. Правая рука Мани. И не только благодаря своей бабе и всесильной фортуне — башка у него приличная, прекрасный череп, карамба!

Ах, как умел он обыгрывать даже самый малый бильярдный удар фирмы, как изящно шлифовал он язык документов, торжественно текущих наверх! Деревенская лужа оборачивалась всемирным потопом, и казалось, что правительства, страны и целые континенты приходят и уходят лишь по мановению дирижерской палочки Монастыря и нет никаких объективных законов, открытых разными Гегелями и Марксами,— просто Маня, Челюсть, я и другие скромные и самоотверженные ребята тянем, как бурлаки, баржу Истории, а Самый-Самый и Сам стоят на берегу, смотрят в подзорную трубу и корректируют путь.

Коленька на десять голов выше своего шефа Мани, способного часами метаться между формулировками «считаем возможным» и «считаем целесообразным», как буриданов осел между двумя охапками сена. Челюсть, конечно, молоток, морда, правда, подкачала: лошадино-удлиненная, как он утверждает в кругу ближайших друзей, унаследованная от предков-декабристов (в анкете — сам видел — твердо проставлено: «из крестьян», удивительно, что кусок лаптя забыл приклеить). И уши торчат, просвечивают на солнце.

Парочка на остановке автобуса (о, бойся влюбленных парочек, рабочих-ремонтников у места встречи, киоскеров, газетчиков, торговцев цветами и пирожками!), «хонда» и «кортина» из боковых переулков — терпеть не могу проверяться без машины, а на машине не опасно: случайная бригада или выборочный контроль над районом, они любят эти штучки! — два велосипедиста, «фиат», где же автобус?

Вот и он, краснобокий симпатяга! Всего человек-то шесть, тихо, спокойно дремлют. Смотрю назад: пошел дождь, стекла запотели, и совершенно бесполезно бдеть дальше. А вдруг Генри не выйдет на встречу? Вот будет номер! Но пусть лучше будет запасная, чем полное фиаско на этой. Вдруг потянуло в сон — совсем спятил! Стареешь, Алик, стареешь! О, где твоя юность? Утраченная свежесть? Зеленая велюровая шляпа? Серое ратиновое пальто из монастырского ателье? Посиделки до утра? Ведь две ночи мог не спать — и как штык! Где прошлогодний снег? Увы, бедный Йорик!

Еще одна остановка, карамба, дождь, нажимаю кнопку «по требованию», остановка, прыгаю в люк, раскрываю зонт-парашют, дальше — через проходник [6] меж двухэтажных коттеджей к железнодорожным шпалам и на Глостер-роуд.

---

[2] Тут соврал, каюсь: по совету дружка-стоматолога лет десять не чищу зубы, а протираю ватой и массирую пальцами, потому и хожу без вставной челюсти.

[3] Левое колено: до упора, налево и первый поворот направо *(жаргон Монастыря).*

[4] Невнятная и бесшумная стопа Времени *(Шекспир).*

[5] Шекспир прочно вошел в меня, не зря мы с папой-австралийцем целыми днями корпели над глоссариями.

[6] Нечто вроде пешеходной дорожки, обычно знакомой лишь местным жителям *(жаргон Монастыря).*

Центр обожает проходники с переходом через железную дорогу — ведь это отрезает навеки возможный «хвост», идея проходников приводит шефа Маню в экстаз, а потому все это будет тщательно расписано мною в отчете: «В проходник за мною никто не последовал, при выходе оттуда ничего подозрительного не зафиксировано», впрочем, лучше «не было», дотошный Маня наморщит лоб, почешет «ежик» и спросит: «Не зафиксировано — это что? Возможно, было, но Алекс не видел, да?» — отчет и контроль, как атланты, подпирают купола Монастыря.

Вот и железная дорога; надеюсь, что мышки-норушки еще не научились прыгать через рельсы в своих быстроходных каретах.

До встречи осталось целых пятнадцать минут, но лучше раньше, чем позже, никогда не забуду, как опаздывал однажды на явку и мчался по улицам во весь опор среди бела дня, расталкивая и пугая достопочтенных леди и джентльменов. А однажды перед встречей схватил живот, хорошо, что дело было в парке. А если серьезно: нашему брату неплохо носить с собою портативный ночной горшок.

Скоро ровно год, как я вернулся из славного Мекленбурга и приступил к реализации проклятой «Бемоли», черт побери, как летит время, невнятное и бесшумное!

Вызван я был в столицу высочайшим указанием Мани, вызван срочно и торжественно, проведен через все границы и контроль в духе самой образцовой конспирации, и — что самое невероятное! — принят на дружескую грудь лично Челюстью, ибо встречал он меня прямо в аэропорту Графа — Владельца крепостного театра, впервые так обласкало меня начальство.

— Что произошло? — спросил я, не спеша освободиться от железных объятий и все еще размышляя, за какие такие грехи меня срочно вызвали под родные осины.

— Мы должны срочно ехать к Самому! Немедленно!

— Могу я заехать домой переодеться? — я был в добротном остинридовском твиде и брюках из cavalry twill [7], с цветастым шейным платком под клетчатой рубашкой и не имел особого желания являться пред светлейшие очи в таком богемном виде: Сам любил строгие костюмы, однотонные галстуки, суровость и аскетизм во всем — брал пример с Несостоявшегося Ксендза.

— Ты что? С ума сошел! Нас же ждут!

И мы помчались по средней полосе, светя фарами и рыча спецсигналом — так, наверное, летел гонец к царю Салтану с вестью, что родила царица в ночь.

Свернув с улицы Убиенного Царевича под арку (тут нам преградили было путь алебардами, но, окаменев, взяли под козырек), мы поднялись на лифте, пахнувшем незабвенным тройным одеколоном, в просторный кабинет, где за письменным столом возвышался Сам, а перпендикулярно к нему восседал [illegible] синклит.

Сам слыл человеком умным не только в монастырских кру[illegible] во всем Мекленбурге (косой среди слепых), он сверкал и купался в пышной седине, блестел передними золотыми зубами и ласково щурил глаза. Начал он в задушевном ключе, свойственном всем бессмертным лидерам Мекленбурга, а именно — поинтересовался, как я доехал, не заболел и не устал ли (ответы он, естественно, не слушал), предложил чаю с сушками, которыми в последнее время увлекались на высшем уровне, и долго рассматривал свои ногти, прежде чем приступить к повести, печальнее которой нет на свете.

Опасаясь поранить губу сушкой (в светских кругах на Пэл-Мэле такие деликатесы и не снились), я краем глаза наблюдал, как Заместитель Самого (домашняя кличка Бритая Голова), подставленный под Самого предусмотрительным Самым-Самым, дабы умный Сам не возомнил слишком много о себе и не организовал какой-нибудь тайный комплот, брезгливо изучает мои твиды свинцовыми остренькими глазками, прицеливается, примеривается и постукивает ножкой о ножку под столом: ростом он уродился ниже низкого и на высоком стуле не доставал подошвами до пола.

Маня сидел смирно, как вызванный к директору школы двоечник, не почесывал, как обычно, свой густой «ежик» и всем своим видом демонстрировал покорность и Самому, и особенно Бритой Голове, которого он дико боялся.

Сам начал сказ в драматических тонах: обрисовал международную обстановку, которая оказалась чрезвычайно сложной, сложнее, чем в прошлом году и в прошедшие десятилетия,— так уж повелось, что обстановка накалялась по нарастающей с момента образования революционного Мекленбурга, и не виделось этому ни конца, ни края. Затем Сам коснулся народного хозяйства, которое росло и совершенствовалось, хотя пока еще и не достигло вершин успехов, потом сделал паузу, побарабанил пальцами и вдруг голосом провинциального трагика объявил, что случилось ЧП и на нашем боевом корабле завелась Крыса. Он так и сказал: «На нашем боевом корабле, друзья, завелась Крыса. Произошло несколько страшных провалов!» — Сделал паузу, посмотрел на ногти, а потом и на меня.

Краска ударила мне в лицо, я чуть не поперхнулся проклятой сушкой и твердо, как учили, ответил, что если это допрос, то следует предъявить конкретные обвинения.

Тут Сам развел руками и тонко улыбнулся, а остальные расхохотались меленьким смехом и разъяснили глупому Алексу, что речь не о том, что ему верят, его ценят и любят и он вовсе не Крыса, а тот самый отважный Крысолов, который может спасти весь корабль. Каким образом? Имеется проверенный, старый, как мир, способ. Инфильтрация.

— Я не буду вдаваться в оперативные детали,— скромно заметил Сам, который всю жизнь создавал учебники о светлом будущем, тайно писал декадентские стишки и редко спускался на грешную землю,— тут важно принципиальное решение. Прежде всего, готовы ли вы к этой операции. Риск большой: не так-то просто войти в доверие к американцам. Если нужно, то подумайте.

Для приличия я подумал несколько секунд (гадал, между прочим, где они, гады, достают такие вкусные сушки).

— В принципе, я не вижу никаких препятствий! — сказал я медленно и торжественно.— Благодарю за оказанное доверие!

Тут все радостно загалдели и слово взял Бритая Голова. Не спуская глаз с моего шейного платка (видимо, прикидывал, подойдет ли он в качестве удавки), он спросил, понимаю ли я всю сложность операции? Я понимал. Если есть сомнения или колебания, то я могу отказаться [8]. Я вновь не отказался. Тогда он сказал, что мне верят, на меня надеются, а я ответил, что не подведу, не пощажу себя, не пожалею сил и, если понадобится, и жизни.

— Чудесно! — заключил Голова.— Но американцы не лыком шиты, и прежде, чем начать операцию, нам следует провести большую подготовительную работу. Иначе они нам не поверят. Операцию назовем «Бемоль»!

Никто не возражал — Бритая Голова, по слухам, начинал свою карьеру в музыкальном училище, где бывали дети чинов, приближенных к Усам, оттуда и пошел он вверх по лестнице, борясь за безопасность вечно окруженного врагами Мекленбурга.

Аудиенция заняла около четверти часа. Сам на прощание потряс мою руку двумя руками, что по задумке показывало открытость души, осветил в последний раз сединой и зубами и ласково пожелал успехов в работе и счастья в личной жизни.

Ошеломленный и потрясенный, вышел я из кабинета в сопровождении Челюсти, еще до конца не осознав все значение поставленной государственной задачи.

Я попытался представить Крысу. Наверное, хитрая усатая морда с хищным носом. Или наоборот: простодушный добряк, всем своим видом вызывающий доверие. Я вспомнил четырех мышек на старой квартире и как они не смогли залезть к себе в норки, которые Римма засыпала битым стеклом,— она знала толк в таких делах,— и с писком носились по квартире. «Убей их!» — кричала Римма.— «Как? — кричал я.— Как?» Так они и скрылись в целости и сохранности...

Затем мы сидели vis-à-vis у блестящего, без единой пылинки письменного стола Челюсти и проникновенно смотрели друг другу в глаза.

— Не каждому, Алик, дают такое задание. К тому же лично Сам... Это большая честь!

— Что провалила эта Крыса?

— Очень много. Несколько агентов. И утечки идут все время, а мы даже не в состоянии определить, на каком уровне она сидит. Потом я дам тебе полную справку.

— Какие-нибудь зацепки?

— Практически никаких,— мрачно ответил Челюсть,— но до Крысы еще идти и идти, а сейчас нужно провернуть первую часть «Бемоли», создать заделы перед первым шагом. Иди в архив, еще раз перечитай дело Генри. Тебе нужно будет съездить в один городок, там есть интересный материал...

И я поехал в городок, что на карте генеральной кружком означен не всегда, трясся в переполненной электричке (машиной меня не осчастливили, несмотря на вопли о Святой Конспирации: «Знаете, Алекс, у нас на носу юбилей создания Ордена, весь служебный транспорт задействован... Да и кого вы можете случайно встретить в нашей электричке? Иностранные агенты и ваши друзья по лондонскому Сити вряд ли пользуются ею, иностранцам ездить там рискованно, могут и огреть бутылкой, завидев пижона в фирменной одежде... поэтому найдите в чулане какой-нибудь тулупчик и поезжайте с Богом!»), смотрел на канавы с ржавыми колесами, разодранными башмаками, консервными банками и думал, когда все это кончится.

Встретил меня на перроне глава местного прихода Евгений Константинович, жизнерадостный человек в бородавках и просторной «болонье», усадил в оперативную машину и незамедлительно повез к предмету моих служебных вожделений.

В машине мы молчали (Евгений — в дальнейшем Болонья — оказался великим конспиратором и держал шофера на подозрении), терпеливо качались на ухабах и разглядывали пролетающие пейзажи: полуразрушенная церквушка, над которой печально кружились вороны, словно раздумывая, приземлиться ли на сгнивший купол или взмыть подальше от него в бескрайнее небо, огромные ямы с лужами, горы щебня, глубокие борозды грузовиков, облупленный корпус, окруженный деревянными домишками и веревками с бельем, словно прибыли мы в день всеобщей стирки.

Рынок ютился во всей своей великолепной убогости на заднике грязного двора: несколько потемневших от вековых дождей деревянных стоек с синими цыплятами, чахлыми пучками зелени, перевязанными белыми нитками, кучками моркови и картошки — и над всем этим нависали небритые силуэты изможденных самогоном мужиков и квадраты кособоких баб, закутанных в платки.

В этом разнопером хоре Болонья легко отыскал Семена (псевдоним Пасечник), который торговал благородным медом, выделяясь чистым ватником и лисьей шапкой,— единственное светлое пятно на холсте, исполненном художником перед самоубийством.

Вскоре мы оказались в пахнущей дымком избе, под строгими взглядами фотографий дореволюционных предков, за круглым столом с кружевной скатертью, на которой быстро появились аккуратно нарезанное сало, шпроты, селедка, соленья и высокий штоф с водкой (мечта страдальца Алекса за кордоном в те тяжкие минуты, когда хочется послать все подальше, разжечь костер из агентурных дел и попивать самогон с Совестью Эпохи и другими дружками, закусывая рыжиками и подбрасывая березовые поленья в гудящее пламя).

Из рапорта Алекса по возвращении в стольный град:

Пасечник, с которым меня познакомил наш представитель, сообщил следующее:

«В начале 1945 года вместе со своей частью я находился в городе Зальцведеле. Однажды, проходя по улице вечером, я познакомился с двумя бельгийками, которые были интернированы в Германию и работали у немецких домохозяек. Они пригласили меня на квартиру, угостили, устроили танцы. Впоследствии мне удалось установить близкие отношения с Жаклин Базик (в дальнейшем — Берта), которые я поддерживал до тех пор, пока наш контакт не был зафиксирован военной контрразведкой моей части. После этого я был отправлен на родину, а затем — в лагерь.

Характеристика Берты: полная, голубоглазая блондинка, по натуре веселая и общительная, на контакт пошла очень легко, резко отрицательно относится к фашистам, поддерживает демократию в Европе, католичка. На политические темы мы с ней не разговаривали.

После возвращения из лагеря я получил от нее письмо из Бельгии, о чем доложил куда следует, и некоторое время мы переписывались на немецком языке. Она сообщала, что вышла замуж, потом развелась, оставшись с двумя детьми и старой матерью. Несколько лет от нее не было писем, год назад снова пришло письмо, в котором она сообщала, что уже целый год работает в Лондоне».

Далее уже умозаключения самого Алекса:

«С учетом того, что Берта работает шифровальщицей бельгийского посольства в Лондоне (Пасечник об этом не знает), считаю целесообразным нацелить «Эрика» на ее разработку и вербовку, используя для этого расписку, которую в свое время Берта написала под давлением нашей военной контрразведки после раскрытия ее связи с Пасечником. В расписке она дает обязательство тайно сотрудничать с любыми организациями Мекленбурга. Дала она расписку под угрозой, что в противном случае ее не выпустят в Бельгию».

Таков был короткий рапорт Алекса, исполненный год тому назад после поездки на родной электричке. Начальство дало «добро», и, вернувшись в Лондон, я перебросил все это дельце Генри.

...Вот, наконец, и Генри, высокий, как жердь, в темном пальто, с огромным зонтом в руке. Опоздание на пятнадцать минут, сделаем деликатный втык. Пока за ним никого не видно, но порядок есть порядок, будем придерживаться условий связи и проведем контрнаблюдение. Вот он остановился у магазина «Сойерс» и дал сигнал (поправил шляпу). Сейчас еще десять минут пилить за ним в эту мерзкую

[7] Cavalry twill — кавалерийская саржа, ткань типа «диагонали».

[8] И работать в Конотопе на должности делопроизводителя.

погоду. Слава Богу, вроде все чисто. Вышло у него или нет? Если вышло, то это дело стоит обмыть: симфония «Бемоль» от пианиссимо переходит к крещендо. Гип-гип-ура!

Два идиота под дождем, вокруг ни души. Кому в голову придет бродить сейчас по улицам, кроме грабителей и шпионов. Ладно, потопали! А дождь, как из ведра, карамба!

...Вернувшись из провинции, я засел за дело Генри, которое порядком подзабыл, и визитировал Архивы, обаяв своей прелестной улыбкой сгорбленную даму с мучнистым лицом и ботаническим именем Розалия — часто вздыхала она по ушедшим тридцатым годам, когда все работали по ночам, лопались от избытка бесовской энергии («все ответственные сотрудники были такие молодые! А женщин в учреждении работало совсем мало...») и делились ею с окружающими.

Впрочем, все мои искания по делу Берты увенчались крошечным жемчужным зерном: случайно промелькнула информация, что голубоглазая блондинка подрабатывала в Лондоне на машинке и давала об этом объявления в газету «Гардиан». С этой зацепки Генри и начал...

За два дня до возвращения на поля сражений я пригласил на традиционную прощальную трапезу Челюсть и его помощника Чижика, человека не шибко мудрого, но честного и исполнительного,— ему лично вменялось в обязанность вести все дела, связанные с «Бемолью», включая печатание на машинке и шифр-переписку.

Симпозиум нашей троицы состоялся в кабинете восточного ресторана, ютившегося напротив памятника Виконту де Бражелону в островерхом шлеме, простершего свою длань долу, что и привело к основанию города со славными традициями.

В кабинете мы и закайфовали под призывные роки из общего зала, под ксилофоны ножей и вилок, под соус общей беседы о нравах британского истеблишмента, переплетенного родственными и прочими связями, взлелеянного на теннисных кортах Итона и Хэрроу, что позволило выиграть битву при Ватерлоо, и впитавшего не только снобизм имперских динозавров, но и пороки мужеложества — прямой результат раздельного обучения и запрета выходить за пределы подстриженных газонов.

Официант уверенно прислуживал, с каменным лицом вслушивался в наши рассуждения и исправно наливал рюмки, а мы, неумолимо разогреваясь, катились прямо в бушующее море наших повседневных дел и ловили рыбку, большую и маленькую, на своем незатейливом эзоповом языке, что вызывало у служителя тонкую и блудливую улыбку. Таким образом мы обсудили массу служебных дел.

— Ну а если сорвется с крючка?

— Тогда сменим всю леску и поставим новый поплавок.

— На браконьеров всегда есть закон...

Все это не помешало надраться до положения риз (Челюсть, правда, держался стойко и не излишествовал), отвести душу в сортире, поговорить там о жизни со швейцаром в пиджаке с позументами и выползти во взбудораженную ночь: три богатыря в шляпах, словно качающиеся глыбы в чистом поле, катились по улице под колеса машин, растопырив пальцы в приказном жесте, призывно и умоляюще поднимали руки, решительно, словно рубашку на груди, рвали на себя дверцы, кляли, возмущались, угрожали, просили и, наконец, плюнули на все и прошли пешком целых сто метров до Актерского Приюта. Увы, был дан от ворот поворот, и мы, нахохлившись, побрели по бульвару, кляня мудрого Чижика, отсоветовавшего вызвать служебный транспорт: знал, умница, повадки Мани влезать через водителей в интимную жизнь своих атлантов и кариатид.

Римма не ожидала нас, но во время моих побывок была готова ко всему и, переодевшись в кимоно с красным драконом — подарок примерного мужа, с намеком на покорность японских жен (оно, между прочим, блестяще гармонировало с ее рыжими волосами и белой улыбкой, которой она злоупотребляла), оставила нас во власти всемогущего бара, а сама тем временем настрогала салями и сыр, напекла в духовке тостов, приготовила кофе и, видя мои мужественные, но вылезающие из орбит глаза, незаметно подсунула целую пригоршню спасительного аспирина.

К тому времени мы прожили уже лет пятнадцать и не превратили наш брак в руины лишь благодаря сыну, а главное, моему долгому пребыванию на полях кровавых сражений.

Познакомились мы еще во времена радостных надежд и упований: уже счастливо почили Усы, в честь которых отличник Алекс слагал стихи, обещая «учиться на «четыре-пять», чтоб красный галстук оправдать», тогда же он и записывал в заветную тетрадку, что самое дорогое у человека — это жизнь... и прожить ее надо так, чтобы не было... и, чтобы, умирая, мог сказать: вся жизнь и все силы отданы... В год знакомства с Риммой я уже грыз науку в семинарии, готовя себя к профессии торговца радиотоварами, часовщика и маклера.

Римма уже закончила институт (нечто связанное то ли с дорогами, то ли с транспортом, но приводившее в восторг моих простолюдинов-родственников), естественно, не собиралась работать по профилю, а мечтала о случайной роли в кино и мгновенном превращении в звезду, что очень отвечало бы духу модного тогда аргентинского фильма с Лолитой Торрес о трагедии дипломата и актрисы, которые любили друг друга и мучались всю жизнь, не в силах отказаться от своего призвания ради семейного счастья.

Когда мы внезапно соединили навеки наши души, то я явился в Кадры, и тут обнаружилось, что у Риммы плохая анкета: папа три года просидел в плену. Кадровик отличался прямодушностью: «Ты что, брат? Сдурел, что ли?»

Но любовь, как известно со слов Буревестника и Усов, побеждает смерть, и Алекс совершил первый в жизни геройский поступок (дальше уже тянется целая автострада, устланная подвигами и, наверное, ведущая в Ад): стал в позу, разбушевался, как Зевс, и озадачил всех и вся.

Но, к счастью, подули свежие ветры Первого Ледохода, и Римма внезапно вошла в фавор к начальству, озаренному идеей выковать из нее Жену-Помощницу-Радистку-Верного- Друга-Боевого Товарища и направить дружную семью на бой, на вечный бой, покой нам только снится!

Прорезались у нее явные таланты к языку и радиоделу, хотя талантам нечего делать в Монастыре, нам нужны незаметные люди и трудяги, а таланты обычно неврастеники с разными выкрутасами и привлекают внимание своей шизоидностью.

Но вскоре начались подводные бури наверху, волнения в Синоде, смена Ареопага, и зловещий образ Римминого папы снова вырос до размеров фюрера. Начальство отставило Римму от подготовки, в качестве сладкой пилюли вручило на прощание охотничье ружье за старания и всячески обласкало в припадке гуманности. И оказался дерзкий Алекс один в чистом поле, оставалось ему парить над миром в гордом одиночестве, о, печальный Демон, дух изгнанья, железный парень Алекс!

Сергей родился без меня — до сих пор помню поздравление Центра, заделанное в микроточку,— особого потрясения я не испытал, хотя порадовался, что это отвлечет Римму от регулярных курений с наркоманкой Светкой и избавит от вечерней тоски, приходящей за чаем с пирожными.

Пока Римма возилась на кухне, мы прикладывались к привозному «гленливету»[9], давней страсти жизнелюба Алекса, по странной случайности не отраженной в его личном деле, хранящемся за семью печатями в кадрах.

Потом начались танцы, и Римма попеременно танцевала с Чижиком и с Челюстью (сквозь дым любимого виски я слышал светские разговорчики: «Ах, вернисаж! Ах, как смело! Ах, какой кич! Ах, неужели ты не видел этот спектакль?»), потом я мирно закемарил в другой комнате и утром с интересом узнал от любимой жены, что гости отбыли лишь два часа назад.

Вскоре я уже прощался с близкой сердцу лошадиной физиономией в начищенном кабинете, где посредине пустого письменного стола красовалась одинокая авторучка «Монблан».

— Что-то настроение у тебя неважное! — заметил Челюсть.— Я уверен, что все будет о'кей!

— Мне не нравится, что придется закладывать своих... есть в этом что-то мерзкое.

— Интересно, как еще ты к ним влезешь? Или ты считаешь ЦРУ кретинами? В таких делах сантименты оставь для других. Чем мы жертвуем? Износившейся агентурой — и только! Как только перейдешь ко второму этапу, дашь условный знак в сообщении по рации. После этого связь проводим лишь в исключительных случаях и только по срочным вызовам на моменталки.

Мы обнялись и даже, кажется, облобызались, спасибо, друг, за полезные советы!

Дождь чуть унялся, я догнал Генри у лавки колониальных товаров.

— Вы не скажете, как пройти к кинотеатру «Одеон»?

— Я сам из Ковентри и плохо знаю город...

Ключевые слова «Одеон — Ковентри», произнесенные двумя давними знакомцами, звякнули в жутком пароле, вызывая судороги хохота у тех, кто не сталкивался с удачными пластическими операциями и не работал с японцами.

Продолжение следует.

[9] «Гленливет» — от одного звука млеет душа! Марка шотландского виски наивысочайшего качества, сделанного из malt, то есть солода из зерна, погруженного в воду, давшего ростки и затем высушенного. Этот чертов солод дает ферменты, превращающие напиток в особый и неповторимый сорт.

СВОЯ РУКА — ВЛАДЫКА?..

В любом календаре содержится, как известно, перечень знаменательных событий и важных дат, напоминание о которых призвано обогащать читателя знаниями, расширять его кругозор. Выпущенный Воениздатом «Календарь воина на 1990 год» не исключение. Его составители приложили максимум усилий, дабы насытить издание полезной и ценной информацией. И преуспели...

Перелистаем, к примеру, «Календарь воина» за июнь — о каких событиях и датах узнает читатель? 1 июня 1919 г. ВЦИК принял декрет «Об объединении Советских Социалистических Республик: России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии». 20 июня 1937 г. завершен беспосадочный перелет В. Чкалова, Г. Байдукова, А. Белякова по маршруту Москва — Северный полюс — США. 24 июня 1945 г. в Москве состоялся Парад Победы. 28 июня 1919 г. В. И. Ленин завершил работу над брошюрой «Великий почин»...

Это история. А как же славная современность, где памятные даты, непосредственно связанные с днем сегодняшним? Есть и такие. Процитируем: «1 июня 1922 г. родился М. И. Сорокин, генерал армии, заместитель Министра обороны СССР — главный инспектор Министерства обороны СССР». «1 июня 1933 г. родился В. М. Архипов, генерал армии, начальник тыла Вооруженных Сил — заместитель Министра обороны СССР». «22 июня 1928 г. родился А. Д. Лизичев, генерал армии, начальник Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота».

Обогащенный знаниями читатель может перечитать «Календарь воина» и поинтересоваться событиями, имевшими место, скажем, в ноябре. И тут его ждет немало полезного и поучительного. Он узнает, например, что именно в ноябре исполнится 170 лет со дня рождения Фридриха Энгельса и 260 лет со дня рождения великого русского полководца А. В. Суворова. Но не только этими датами славен месяц ноябрь. Как сообщает календарь, 8 ноября 1923 г. родился министр обороны СССР Д. Т. Язов, а 2 ноября 1922 г.— его заместитель по кадрам Д. С. Сухоруков...

Не будем делать подробный обзор других разделов календаря — отметим лишь, что его составители, будучи людьми повоенному точными, не пропустили ни одного руководителя министерства. Читатель может узнать дни рождения не только многочисленных заместителей министра, но и начальника внутренних войск МВД СССР, и начальника погранвойск КГБ...

Как видим, для аппарата «Календарь воина на 1990 год» — просто находка. Стоит обзавестись этим изданием — и можно не беспокоиться о том, что вовремя не поздравишь начальство...

Но ведь календарь-то издан 75-тысячным тиражом, он рассчитан на массового читателя — так ли уж необходимо этому читателю знать, когда именно тот или иной высокопоставленный министерский чин отмечает свой день рождения?

Вопрос, впрочем, риторический. В том же календаре напечатана инструктивная, без подписи, статья «Идеология обновления», в которой говорится, что «главная слабость идеологической работы — нет реального поворота к конкретному человеку».

Составители календаря, похоже, восприняли этот постулат как руководство к действию. И — повернулись...

А. АНТОНОВ

ГЛИНА И ПТИЦЫ ЛЬВА ТАБЕНКИНА

ОГОНЁК

Летом 1987 года Лев Табенкин показал на выставке в Манеже две новые работы. Меньшая из них притягивала с пугающей властью. «Силища так и прет... Откуда только такая мощь? Прямо Мазаччо!» — сказал мой спутник. А я нечаянно зацепила глазом название: «Беженцы». Какие беженцы? Откуда? Куда?

Летом 1987 года беженцев у нас еще не было... Я отнесла сюжет к сочиненному воспоминанию о войне. Все наше послевоенное поколение богато такими полуфантазиями-полувоспоминаниями. Нам снились в детстве военные сны. Военные кошмары. Таким отчетливым до яви сном представлялась тогда и композиция Табенкина. Сейчас ситуация беженства — со скарбом и без него — в чей-то дом или вовсе в бездомность стала привычной. Нет, я не считаю Льва Табенкина пророком. Он просто наделен тончайшей интуицией художника, которая позволяет ему почувствовать,— угадать тревогу и боль окружающего мира. Социальную тревогу тоже.

...Холсты громоздятся в сумрачной мастерской. С усилием разрезает воздух неровно летящая птица. Тяжелый, трудный полет. Живая плотность короткокрылого тела словно вылеплена рукой играющего гиганта. С необычайной для сегодняшнего дня мощью втягивает живопись Табенкина в свободную игру природных сил. Игру и борьбу. Земля прорастает скалой. Коническая скала с могучим круглым ребром отделена от воздуха ощутимой, но не обозначенной гранью.

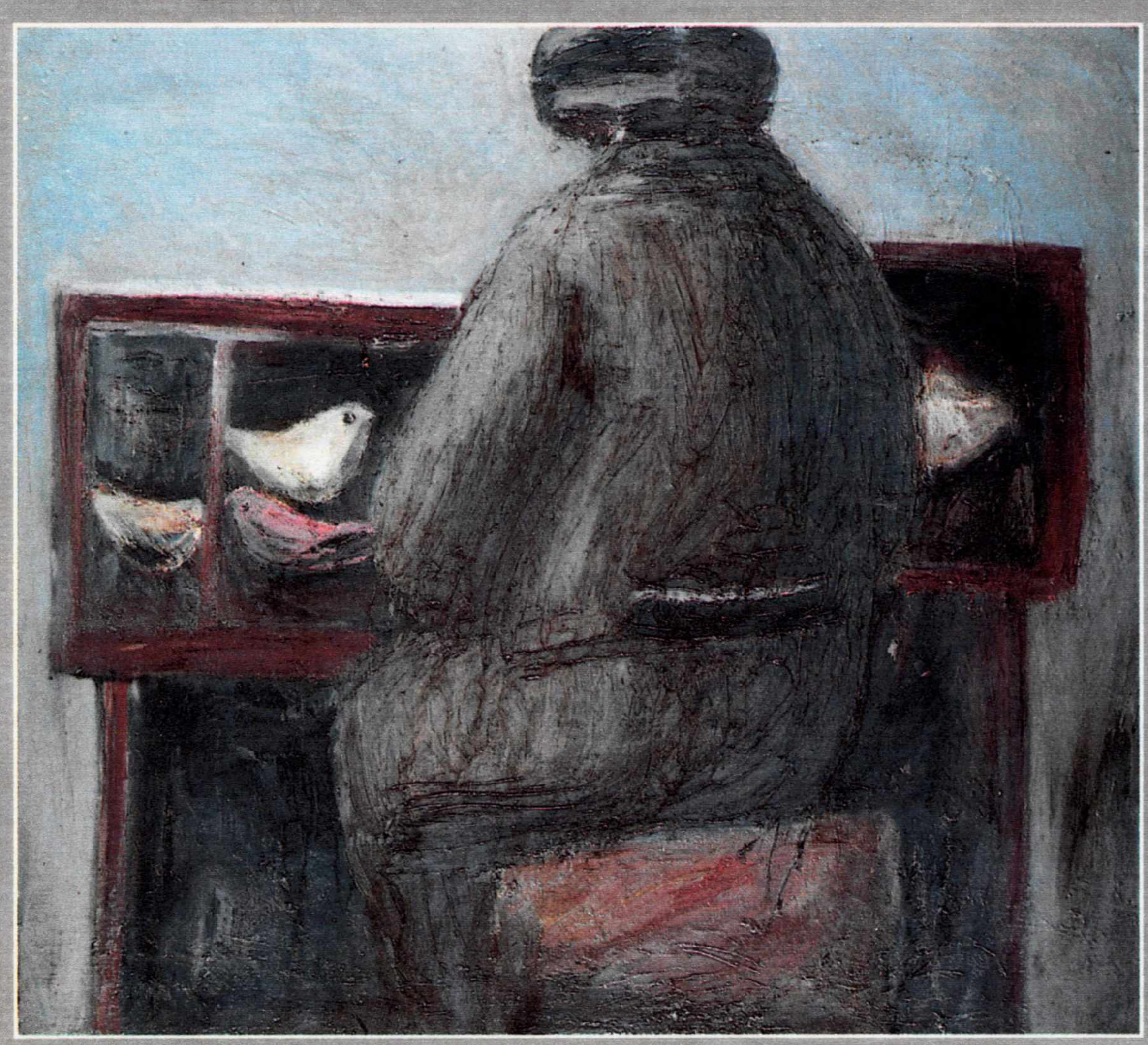
ОВЦЫ. ЗАГОН. 1987.

ЧЕЛОВЕК С СОБАКОЙ. 1985.

ПТИЦЫ. 1987.

ПТИЧИЙ РЫНОК. 1987.

Улавливаешь сразу, природное это пространство или искусственное, замкнуто оно или ограничено. Если ограничено, то — кубичностью ли помещения, протяженностью ли рыночного ряда, теснотой ли автобусного салона, границы эти не обозначены кистью, а чаще всего даже не намечены. И все же ощутимы. Люди и звери, птицы и растения всей пластикой своих поз и жестов говорят о месте, где находятся. Оцепенели едущие в вагоне. Ухватились за поручни в отчужденном соседстве поезда, таком привычном, таком знакомом. Отяжелел, засыпая, ребенок на руках у матери. Трудно меряет улицу одноногий прохожий. Никто не оглянулся. Привычно. Тяжелый сон навалился на узкую клетушку купе. Сон сковал любовную пару. Их ложе как остров. Или они заснули на берегу? На берегу реки? На берегу времени? Внутреннее пространство здесь раскрылось во внешнее так широко, так полно... А птицы на ветвях голого дерева осели столь угрюмо, что словно бы и не могут взлететь. Так обвисают на ветвях только птицы в неволе. Да и что иное сгонит четырех орлов на одно тощее дерево. Вольер зоопарка стал притчей о свободе и неволе... Полудрема, сковавшая птиц,— полудрема несвободы.

Лев Табенкин часто изображает спящих. Во сне телесная природа человека проступает особенно ясно. Освобожденное забытьем тело лежит тяжело, жизнь протекает через него, не задевая зрения и слуха спящего. Художник не скован бодрствованием своей модели, общением с ней, он может видеть и писать человека, как ландшафт.

Сейчас много художников философствующих, рассуждающих. Табенкин не красноречив. Вне мастерской, не у холста его рассуждения подчас наивны. Не наивен, хотя монументально прост, образный строй его живописи. Привычные определения — пейзаж, портрет, интерьер — тут не работают. Есть лишь действие простое, как в букваре. Чайка летит. Дерево растет. Орел смотрит. Продают канарейку. Рубят мясо. Мальчик спит. Путник устал. Сумка тяжелая. Молодая женщина выпустила ее из рук. Отдыхает. Старая ест хлеб. Устала. Люди притянуты к земле тяжестью своей плоти и тяготами земного пути. И краски Льва Табенкина помнят о земном своем происхождении.

Еще в начале 80-х критика уверенно причислила Табенкина к живописцам-пластикам, то есть к тем, для кого выразительность образа достигается выразительностью цветопостроений. В такой живописи пульсация цвета, его движение и прорастание определяют и конструкцию, и сюжет. Именно цвет строит картину, тяжелый, тягучий, порой монотонный. Лев Табенкин не колорист в старинном понимании этого слова. Палитра его строга, почти бедна, и он словно бы не ищет цветового богатства. Разнообразия, во всяком случае. Цвет для него не драгоценность, не праздник для глаза, а подобие глины. Свой образ мира художник лепит, как гончар, а пускает в ход ту глину, которую все мы месим,— глину повседневности. Или это все же иная глина и видимая глазу привычность ее обманчива?

«Найти место массы в пространстве»— так определяет художник одну из своих задач. «Масса в пространстве» — рабочее определение. Оно и неполно, и точно. Только это всегда живая масса, замкнутая в своей тяжеловесной телесности, тугой сгусток биологической энергии, будь то человек или птица.

Рассматриваю поверхность холстов: тяжелый, плотный слой, взрыхленный непрерывным движением кисти. Пашня художника; в его мире нет законченности, завершенности. Быки и орлы, пастухи и овцы, деревья и скалы словно внезапным усилием оторваны от хаоса исполинской палитры. Они обитают словно в только что сотворенной, еще не успокоенной Вселенной. Все здесь еще не ставшее, а становящееся. Оно

РЫНОК. 1986.

не застыло, не обрело окончательной ясности очертаний. Незавершенность эта — истинная или кажущаяся — может настораживать, а может и раздражать. И подобные суждения мне случалось слышать... Сырая живопись... Не закончено... Еще два-три сеанса, и вот тогда...

На мой взгляд, Лев Табенкин — один из немногих художников, умеющих остановиться вовремя, остановиться, сохранив главное — движение своей живописи от хаоса к порядку. В это движение втягивается — не без сопротивления — внимательный созерцатель. И тогда новая реальность, на наших глазах созидаемая внутри холста, потеснит первую, настоящую. А потом живопись снова уступит, конечно, место жизни, но сделает ее насыщеннее, полнее, гуще.

Лев Табенкин принадлежит к тем, недавно еще молодым, а ныне вполне зрелым мастерам, кто, получив признание, все время оказывается как бы на обочине интереса критики и публики. Почему? Лет семь назад язык его живописи был еще слишком непривычен, свеж, пластически неожидан... А потому и неудобен. И люди у него все какие-то неустроенные... И птицы чудовищные... Чайка эта... Странная какая-то. Странным казался тогда и сам голос художника, и сейчас язык его живописи воспринимается многими уже как слишком спокойный, традиционный, почти «музейный». Изменилась художественная ситуация.

«Чистую живопись» Табенкина заслонил, вырвавшись на волю, куда более броский, актуальный, а главное, еще совсем недавно запрещенный или полузапретный соцарт, чьи интонации, и гневные, и ироничные сразу, оказались особенно внятны нам сегодня. А пафос запретности, романтизм недавнего еще подпольного существования делают искусство художников этого направления особенно привлекательным.

Но героический период существования андеграунда закончился, и снова особенно важным становится подзабытый критерий художественного качества. Между тем он необходим, чтобы живопись продолжала существовать именно как живопись, а не только как хроника времени, как публицистика, едкая и острая, как горькая усмешка над самим собой и нами — зрителями. Кто-то должен оставаться у костра, кто-то должен поддерживать огонь, обеспечивая ту температуру, сохраняя тот уровень качества, которые только и позволяют существовать естественной жизни художеств.

Елена ЛЬВОВА

«ВЗГЛЯНИ НА ДОМ СВОЙ, АНГЕЛ...»

Композитор Никита Владимирович Богословский принес к нам в редакцию тоненькую брошюру. Издана она в Праге в 1924 году «Педагогическим Бюро по делам средней и низшей русской школы за границей». В ней собраны воспоминания 500 русских гимназистов — от 6 до 22 лет,— волею судьбы попавших в Чехию из России после революции.

12 декабря 1923 года всем учащимся русской гимназии в Моравской Тржебове было предложено написать о том, что произошло с ними, начиная с 1917 года и кончая их поступлением в гимназию. Был собран огромный материал, который скомпоновал и тактично прокомментировал преподаватель гимназии В. М. Левитский. Получилась маленькая книга, впечатления от которой обратно пропорциональны ее размерам. В предисловии к ней известный историк-богослов В. Зеньковский писал:

«Одна ли детская душа глядится из этого своеобразного узора воспоминаний, мыслей, переживаний? Их часто наивные, неумелые речи, их простодушные замечания не красноречивее ли многотомных мемуаров? Не запечатлено ли в них непосредственное звучание нашей эпохи — во всей жути ее диссонансов, ее горькой действительности, ее трагического смысла? Да, печатаемые ниже документы далеко превосходят их скромное наименование «детские воспоминания»... В них невозможно погрузиться без того, чтобы не застонала душа, чтобы не затрепетало сердце от прикосновения к трагедии России».

Трудно представить себе более кричащий и кровоточащий документ, нежели эти бесхитростные свидетельства! Мог ли Ф. М. Достоевский, рассуждавший о невозможности построения гармонии на слезе одного ребенка, предположить, что пройдет несколько десятилетий и вся российская земля начнет утопать в море слез и крови невинных детей под лозунги о грядущем всеобщем счастье и благоденствии? Если бы даже не было коллективизации, сталинского террора, Отечественной войны, депортаций целых народов, но были бы только те события, о которых поведали дети-эмигранты,— их было бы вполне достаточно, чтобы сделать вывод, что построение справедливого общества невозможно, если это строительство замешано на крови, если в основание государства кинуты миллионы изломанных судеб и изувеченных душ.

В истории нет отдельных, замкнутых на себе фактов — каждый из них явно или тайно влияет на последующие события. Без возвращения вспять, без осознания того, что произошло с нашей страной и нашим народом, всякие попытки оздоровления общества обречены на провал.

Материал проиллюстрирован русскими дореволюционными фотографиями из моей коллекции.

В. ВИГИЛЯНСКИЙ

ДОМ, СЕМЬЯ, РОССИЯ

Родному дому и семье посвящено обыкновенно только несколько строк. Современные дети не знают домашнего уюта, плохо помнят дом и до обидного мало знают Россию.

У малышей (до 2—3-го класса) все это что-то бесконечно далекое, потерянное, полузабытое.

Начнем с приготовишек.

Этому веселому, вечно замазанному чернилами народу предложили украсить свои сочинения рисунками. В двух классах «наш дом» нарисовал один ученик. Большинство предпочло пароход (10 рисунков), остальные изобразили пальмы, осла, парусную шхуну, город Пильзен, войну, двух немцев, железную дорогу и т. п. О родном угле они повествуют кратко:

— *У нас было много ягодов.*

— *Дома я рвал цветы, сколько хотел.*

— *Когда я был дома, всегда была война.*

— *Я помню еще наш дивный сад в Крыму.*

— *Дома был голод.*

— *Плохо было у нас дома.*

— *Как было ни хорошо,— все мало ели.*

Резюме очень часто такое: *Раньше жили хорошо, а потом плохо.* Один из семилетних мальчуганов ухитрился сделать совершенное открытие:

— *Когда я родился, мне было 5 лет.*

Первый класс много основательнее. Вот что пишет 12-летняя девочка:

— *Перед моими глазами опять возникает давно затерявшаяся в памяти картина. Мы на даче. Старенький дом с большим садом. В саду худенькая семилетняя девочка, с длинными косами и серыми узкими глазами. Это я. Это было давно, но я уже и тогда не помнила, когда папа ушел со своим полком на германскую войну.*

Такие воспоминания — исключение. Чаще пишут так:

— *Не очень хорошо помню я свою Родину.*

— *Из России я помню только красивое озеро Байкал, сразу под ним был обрыв <...>*

В третьем и четвертом классах помнят больше:

— *Я своего детства не забуду.*

— *Я люблю чудный город Киев. Я там ловил плотву, собирал землянику и катался на коньках, а с мамой ходил в Лавру.*

— *Я помню русское Рождество.*

— *Мы не знали, что делать от счастья, такие хорошие были подарки.*

У другого такое странное сопоставление:

— *Я ничего не помню, помню только, что стеклянная крыша на вокзале в городе Львове похожа на Одессу.*

Рядом тетради их же друзей, но воспоминания совсем иного тона:

— *Я помню нашу уютную квартирку на Петроградской стороне. Я маленькая девочка, в длинной, ночной рубашке — лежу в своей кровати. Мне не хочется спать. Я слышу храпение моей старушки няни. Мне представляется в ночной тишине, что я одна в огромном мире, где нет родной человеческой души. Мне делается страшно, но смотря на прелестные, глубокие глаза Божией Матери,— страх понемногу уходит. Мне кажется, что Лик Пресвятой Девы движется и живет. Она смотрит на меня с лаской и любовью, и я незаметно засыпаю.*

— *Дома я все время просил об облегчении нашей участи.*

— *В России люди ходили худые и просили хлеба.*

— *У нас дома по три дня ничего не ели.*

— *В России хлеб полагается детям только за обедом по маленькому ломтику.*

— *На базаре нам ничего не продавали, а говорили: чего перед смертью вам откармливаться.*

— *Я помню себя только со дня смерти папы, тогда я стала впервые всматриваться в окружающее.*

— *Дома все у нас голодали, и мы стали собираться перебираться.*

— *Первое большое событие у меня дома — объявление войны германцами.*

— *Дома мы жили целый месяц, просыпаясь с мыслью, что будет с нами завтра.*

— *Я хорошо себя помню на коленях у покойной мамы.*

И чем старше дети, тем все мрачнее воспоминания:

— Видя мамины страдания, даже маленькие мои братишки переставали плакать и говорили: мама, мы не хотим есть, это мы так.

— Бедная старушка Москва, сколько ужасов пережили мы на твоих когда-то тихих переулках.

— Не видел я в эти годы ни ласки, ни привета и жил совсем, совсем один.

— Видел я 18 переворотов, эх, если бы помнилось только хорошее.

— Для меня самое лучшее было бы зачеркнуть совсем эти годы и никогда о них не вспоминать.

— Сколько обезображенных трупов я видел в России, даже лошади боялись.

— Мы привыкли тогда к выстрелам и начинали бояться тишины.

— Как бы хотелось, чтобы пережитое в России было только сном.

— Иногда кажется мне, что тихой и мирной жизни в России никогда не было.

И в заключение такое жуткое по краткости резюме девочки 6-го класса:

— Я видела войну, чуму, голод.

Ее подруга пишет так:

— Боже. Как ужасно, что дана такая тема. Приходится рыться в том, что я так старалась забыть. Эти годы убили во мне всю беспечность, всю жизнерадостность. Помню, как, сидя всю ночь напролет за работой, я мечтала о визе как о чем-то невероятном и сказочном.

Один из 5-классников заканчивает свои воспоминания вопросом:

— За что все хотели нас убить в России?

Конечно, могучее дыхание русской культуры еще живо и в этих молодых головах. Русская школа даст им знания родной истории, литературы и языка. Но и теперь уже встречаются крупные неожиданности:

— Я русский язык забыл почти совершенно.

— Я по-итальянски говорю теперь гораздо лучше, чем по-русски.

— Я по-португальски пишу очень хорошо, а по-русски у меня одни ошибки.

— Приехав домой из английской школы, я даже с матерью могла объясняться только по-французски.

— Мне очень трудно сейчас писать по-русски.

Правда, все это фразы из воспоминаний, недавно поступивших, иногда даже с острова Явы. Старые гимназисты свой язык знают, русские книги любят по-прежнему, но настоящая, живая Россия им также недоступна и непонятна. Проведенные на Родине годы заволакиваются туманом, уступая место иным впечатлениям, которые в таком изобилии, охапками, им бросает чужая жизнь.

ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ

Революцию хорошо знают все. Не забыли упомянуть о ней и малыши, правда, у одного из них это «революзия». Своеобразно представление о революции у младших:

— В один прекрасный день начались выстрелы.

— Революция — это когда никто не спал.

— Тогда забастовала прислуга.

— Когда весь день все ходили по улицам и, придя домой, без слов засыпали.

— Когда появились красные ленточки.

— Мне очень понравился Невский с революцией, но нас увели в подвал.

— Я играла с учителем в гостиной, услышала песни — это была революция.

Глухая провинция внушила иные мысли:

— Настоящей революции у нас не было, а только грабеж и обыски.

Начиная с 5-го класса знают больше:

— Революция — это когда папы не было дома, а мама не знала, что ей делать.

Этот факт отмечается постоянно. Да, тогда у детей папы не было. Он был там, где еще гремели пушки, расстилались удушливые газы и неслись по небу стоны раненых. Революция — это прежде всего отсутствие вестей от кормильца семьи, беспокойство оставшихся, сознание одиночества, заброшенности, беспомощности.

Дети пишут:

— Папа все время находился под неприятельскими пулями.

— Тогда начались трудные дни, шалости исчезли, я по ночам молилась за папу.

Рядом полудетским почерком выведено:

— У нас в доме революции не боялись, боялись только одного, что Германия покорит Россию.

Интересен разговор старика крестьянина ночью в степи со своим сыном:

— Отец долго меня расспрашивал, что случилось в городе, а я все говорил. Потом он обернулся: «Ты у меня ученый — что будэ?» А я не знал. Он помолчал да и говорит: «Запомни, сын, добрэ не будэ». Скоро его и убили дезертиры.

Есть еще два отзыва о родителях, тоже покойных:

— Моя покойная мама сразу сказала: много веселятся, а потом будут плакать.

— Мой убитый папа всегда говорил: смотри — красный цвет кровавый, берегись. Я его слова на всю жизнь запомнил.

Две девочки пятого класса хорошо помнят вести о революции и так передают свои впечатления:

— Я читала Светлячек в своей уютной детской. На меня бессмысленно таращили глаза фарфоровые куклы, когда пришел папа с кипой газет и сказал: революция. Скоро вырубили мой любимый лес.

— Пришли крестьяне и стали распределять комнаты после нашей смерти. Я каждый день думала, что такое смерть. Это что-то темное, но не страшное, тихое, но беспросветное.

— Я был очень мал и не понимал, что от этого странного, мудреного слова «революция» придется поехать так далеко. Тогда у нас в доме все радовались.

Записи старших классов кратки, но выразительны. Некоторые сообщают об охватившем их близких радостном настроении при первых вестях о перевороте:

— У нас радовались. Мы кричали в гимназии «ура». Наши ученики мечтали о каком-то рае, где все будут блаженствовать.

— Было сперва всем весело. Вначале мы пережили сильные и красивые моменты, но они потускнели и изгладились сейчас из памяти.

Многие отмечают, что скоро наступило разочарование. Часто в тетрадях встречаются фразы:

— Очень скоро стало плохо.

— Началась больная жизнь.

— Скоро нам самим пришлось жить «на ноже».

— Когда мы радовались, то начали почему-то кричать долой нашему старику директору. Он заплакал, и никто не сказал нам, что мы поступили подло и гадко.

— Мне было 14 лет, но скоро я понял, что революция — это такое событие, которое заставляет и маленьких детей своими силами пробивать дорогу в жизнь.

— С первых дней революции и нам, детям, стало тяжело, но я утешалась тем, что в жизни нужно испытать не только сладкие плоды.

— Я скоро увидел, как рубят людей. Папа сказал мне: «Пойдем, Марк, ты слишком мал, чтобы это видеть».

— Жизнь как-то сразу у нас покачнулась, и все покатилось по наклонной плоскости.

— Мне, 14-летнему тогда мальчику, скоро пришлось столкнуться с действительностью, то есть начать самому размышлять о своем куске хлеба.

— Скоро начала литься русская кровь, мои близкие умирали без стона, без проклятий и жалоб.

— Я уцелел один из всей семьи.

Вот более длинная выписка из тетради шестиклассницы:

— Я так узнала революцию. В маленький домик бросили бомбу. Я побежала туда. Все осыпалось. В углу лежала женщина. Рядом ее сын с оторванными ногами. Я сразу сообразила, что нужно делать, так как увлекалась скаутизмом. Я послала маленького брата за извозчиком, перевязала раненых, как могла, и увидела рядом большой короб. Открыла. Там была масса маленьких цыплят. Боже, что это за прелесть! Я успела их погладить и всех перецеловать.

Эта же девочка так резюмирует все свои переживания в первый год революции:

— Самое ужасное в революции раненые. Их никогда не кормили. Приходилось нам, детям, собирать им деньги на хлеб.

Тяжелые воспоминания остались у детей и от школьной жизни в эти годы:

— Я учился мало, все ездил за картофелем в село за 46 верст.

— В школу ходили без толку, служил. Учиться приходилось дома, рано при лучине.

— Придешь в училище, тебе говорят: нет дров, уходи.

— У нас ученики партами топили печь.

— Старшие выгнали учителя с вечера, учиться не хотели, на уроках говорили о продовольствии.

— У нас часто приходили красноармейцы разговаривать с барышнями буржуйками.

— Учения никакого не было.

— Было очень много грязи, и не было никакого порядка.

— Редкий день в школе проходил без крупных потасовок.

— Один наш ученик подставил ногу бывшему директору, тот упал, его не наказали, это меня очень удивило.

— С уроков у нас можно было уходить сколько угодно.

— Наш старый директор в новой школе мел полы.

— Старик математик пас коров, а нас учили какие-то дураки.

— Об учении никто не думал. Часто во время уроков приходили и кричали: «На заседание!» Я был делегатом. Председателем у нас был новоиспеченный коммунист, ученик 8-го класса. Он непрерывно звонил, кричал «товарищи» и теребил свою морскую фуражку. Его никто не слушал. Часто дело доходило до драки. Тогда часть делегатов за буйство выгоняли, а они ломились в дверь, бросали куски угля и т. д.

— Польза от гимназии была одна: давали обедать. Похлебку, сушеную воблу, а главное, по куску хлеба.

— Я стал вести себя с учителями как следует, меня и исключили из комсомола.

— Закон Божий запретили и так про него выражались, что я стал по вечерам забираться в угол нашей комнаты и читать Евангелие <...>

СМЕРТЬ И СТРАДАНИЯ

Каждый день оставил прочный след даже в головах так беззаботно играющих сейчас малышей. Последние годы жизни в России — центральная часть всех воспоминаний. Многие не забудут их до последнего вздоха на земле.

Малыши повествуют эпически-спокойно:

— Все стало бесплатно, и ничего не было.

— Пришел комиссар, хлопнул себя плеткой по сапогу и сказал: «Чтобы вас не было в три дня». Так у нас и не стало дома.

— А нас семь раз выгоняли из квартир.

— Они пришли, а когда ушли, мы не узнали своего дома.

— У нас было очень много вещей, и их нужно было переносить самим. Я была тогда очень маленькая и обрадовалась, когда большевики все отобрали.

В эти годы на слабенькие плечи даже маленьких детей свалилось непосильное бремя. Вот что помнят первоклассники, тогда 7—8-летние дети:

— И пошли мы искать работы. Ходили и нашли комнату. Нам сказали вытаскивать солому из тюфяков больных, и стали мы работать каждый день.

— Я была очень маленькой и все играла. Папа и мама работали, и тяжело было зарабатывать на квартирную хозяйку. Потом взяли меня помогать.

— И стал я ходить по деревням и пасти скот.

— Я пасла коров и лошадей, хотя и не умела.

— Папы не было, мама все болела, я был тогда хозяином дома. Ходил на базар и уже все умел.

— Жили мы в поисках хлеба.

— У нас дедушка и бабушка умерли с голоду, а дядя сошел с ума.

— За этот год я потерял отца и мать.

— Когда папа умер, я сама не могла ходить. А в страстной четверг умерла и мама.

— Умер последний близкий мне человек — брат, я осталась на улице, но Бог не так жесток, и добрый человек устроил меня в гимназию.

— Было темно, когда мы добрались до шхуны. Отец пошел за хлебом. Кругом стреляли. Вот когда я его видел в последний раз.

— Папа приехал с войны, но не было радости, в этот день умер дедушка, и начались великие несчастья.

— Пришло известие, что папу убили, и все мы горько заплакали.

— Папа долго голодал, а умер в больнице. Теперь я узнал, что и сестра давно уже умерла.

— Доктор сказал, что моей маленькой сестре нужно ехать на юг, а папе нужно было в Хабаровск, она и умерла.

— Я отдан был в деревню на полевые работы, которые были мне совсем не под руку.

— Брат чистил ботинки, отец служил, а я был посыльным.

— А я сам продавал.

Другие «торговцы», уже теперь ученики третьего класса, помнят больше о начале своей коммерческой карьеры:

— Торговал тогда я на базаре. Стоишь, ноги замерзли, есть хочется до тошноты, но делать нечего.

— Когда вторая сестра заболела тифом, пошел я продавать газеты. Нужно было кормиться.

И, как припев, почти все добавляют:

— Мы тогда голодали, все голодали, хлеба у нас не было, ели, как и другие, мерзлую картошку; мы тоже пропадали с голоду и т. д.

Профессий более взрослых и не перечислишь. Почти каждый ухитрялся быть чем угодно; тетради старших классов так и пестрят перечислениями самых разнообразных занятий: был рабочим, санитаром, писарем, писал вывески, служил в чайной, работал у рыбаков, чистил на улице сапоги, возил на базар картофель, торговал, был разносчиком, работал где попало, делал что угодно и т. д. <...>

О голоде взрослые почти не упоминают. Только один объяснил причину этого молчания:

— Голод описывать нечего, он хорошо известен теперь почти всем русским.

Но все эти лишения еще не самое страшное из того, что пережили дети. Им пришлось вплотную столкнуться со смертью. Смерть была всюду. Некоторые к ней даже привыкли. Все удивительно скупы на слова, описывая самое страшное: смерть, страдания близких и свои. Чаще всего лаконические фразы:

— Нашего отца расстреляли, брата убили, зять сам застрелился.

— Оба брата мои погибли.

— Мать, брата и сестру убили.

— Отца убили, мать замучили голодом.

— Пришла мама из больницы и сказала: «Вы теперь сиротки, папа ваш умер».

— На улице я прочел список расстрелянных, там был отец.

— Дядю увели, потом нашли в одной из ям, их там было много.

— Умер папа от тифа, и стали мы есть гнилую картошку.

— Моего дядю убили, как однофамильца, сами так и сказали.

— Я поняла, что такое революция, когда убили моего милого папу.

— Было нас семь человек, а остался один я.

— Папа был расстрелян за то, что был доктор.

— Умер папа от брюшного тифа, в больницу не пустили, и стала наша семья пропадать.

— Отца расстреляли, потому что были близко от города какие-то войска.

— Брата четыре раза водили на расстрел попугать, а он и умер от воспаления мозга.

— Я получил от сестры письмо с траурной каймой, она писала, что я мал, чтобы узнать, как умер мой отец. Теперь я знаю, что его замучили.

— Я был маленький мальчик и то лицом к лицу столкнулся со смертью.

— Мы полгода питались крапивой и какими-то кореньями.

— У нас было, как всюду, повелительное «открой», грабительские обыски, болезни, голод, расстрелы.

— Было очень тяжело. Мама из красивой, блестящей, всегда нарядной сделалась очень маленькой и очень доброй. Я полюбил ее еще больше.

— Видел я в 11 лет и расстрелы, и повешение, утопление и даже колесование.

— Все наши реалисты погибли. Домой не вернулся никто. Убили и моего брата.

Среди записей не поразят и такие признания:

— За эти годы я так привык к смерти, что теперь она не производит на меня никакого впечатления.

— Я ходил в тюрьму, просил не резать папу, а зарезать меня. Они меня прогнали.

— Приходил доктор и, указывая на маму, спрашивал: «Еще не умерла?» Я лежал рядом и слушал это каждый день, утром и вечером.

— Я видел горы раненых, три дня умиравших на льду.

— Моего папу посадили в подвал с водой. Спать там было нельзя. Все стояли на ногах. В это время умерла мама, а вскоре и папа умер <...>

— Папа, немного взволнованный, сказал, что его увозят проверить паспорт. Мама успела благословить его маленькой иконой. Утром мама так плакала, что я догадался, что папу убили. Я долго не верил этому страшному известию.

— Папа поздно ночью пришел из казарм. Я понял, что он не спит. Скоренько оделся и пошел к нему. У папы были чужие глаза. Он попросил его поднять. Я сказал: «Ты, папа, тяжелый». Он помолчал и говорит: «Николай, слушай маму». Набрал полную грудь и умер. Я побежал всех будить.

— За папой пришли махновцы. Мама захотела пойти с ними. Они сказали, что Махно женщин не любит, она просила и пошла. Папу увели, а ее посадили в комнату. Мама долго там просидела, а потом пришел махновец и сказал, что папу уже убили. Мама и мой маленький брат (ему теперь 5 лет) долго искали папу, но не нашли. Раз едем — едет телега: мама спросила, а они и везли убитых.

Одна из семиклассниц тоже скупо и коротко рассказывает о неизвестном 15-летнем герое, так погибшем в Чека:

— Его родители скрывались. Голод заставил послать сына в город за хлебом. Он был узнан и арестован. Его мучили неделю: резали кожу, выбивали зубы, жгли веки папиросами, требуя выдать отца. Он выдержал все, не проронив ни слова. Через месяц был найден его невероятно обезображенный труп. Все дети нашего города ходили смотреть.

Одна из учениц, тоже старших классов, дает краткое описание чрезвычайки:

— Чека помещалась в доме моих родителей. Когда большевиков прогнали, я обошла неузнаваемые комнаты моего родного дома. Я читала надписи расстрелянных, сделанные в последние минуты. Нашла вырванную у кого-то челюсть, теплый чулочек грудного ребенка, девичью косу с куском мяса. Самое страшное оказалось в наших сараях. Все они доверху были набиты растерзанными трупами. На стене погреба кто-то выцарапал последние слова: «Господи, прости» <...>

— Это было время, когда кто-то всегда кричал «ура», кто-то плакал, а по городу носился трупный запах.

— В эти годы все сорвалось, было поругано. Люди боролись со старым, но не знали, куда идти, не знали, что с ними будет. Да кто и теперь приютит больное русское сердце?

— Днем нас убивали, а под покровом ночи предавали земле. Только она принимала всех. Уходили и чистые и грязные, и белые и красные, успокаивая навсегда свои молодые, но состарившиеся сердца. Души их шли к Престолу Господнему. Он всех рассудит.

ПО БЕЛУ СВЕТУ

Русские дети побывали везде, да еще «на много верст дальше». Рассказы их о путешествии в годы революции совершенно неожиданны. Достаточно

привести хотя бы такие строчки из тетради малышей:

— Из Персии мы попали в Архангельск, а оттуда в Норвегию и Лондон.

— После Египта я жил в Париже, Стокгольме и Варшаве.

— Я пробовал и в Бразилию ездить.

— И поехали мы с папой на остров Яву.

— Я долго жил с джигитами Алат-Орды.

<...> Старшие в большинстве случаев еще в России надолго теряли связь с родной семьей и скитались одни, больше по югу. Заграничный маршрут у большинства прост: Константинополь — Прага.

Всевозможные лишения преследовали почти всех и на Родине, и на чужбине.

Очень многие из детей отметили самый момент оставления родной земли. К сожалению, чрезвычайно кратко. Вот выдержки:

— Наш пароход пошел, а я плакал, потому что бабушка не поехала, а говорила: «Не хочу умирать на чужбине».

— Последней полоски Крыма не забуду. Долго смотрел я на нее весь вечер.

— Старший брат молча вывел меня на палубу. Я стоял около часу и смотрел, и жалко было весь народ.

— Меня скоро развеселили дельфины.

— Шхуна пошла, все смотрели на берег, а там страшное хрюканье, это наш ручной поросенок хотел броситься за нами в воду.

— Я очень плакал, но мне подарили глобус, и я успокоился.

— И поехали мы испытывать различные бедствия и увидеть иностранный народ.

Таковы воспоминания эмигрантов 10—12 лет о пережитом 3—4 года тому назад. Старшие помнят больше:

— Так странно было уезжать. Море тихо катило свои волны и с легким шуршанием ласкалось о прибрежные камни.

— Босиком в холодную, дождливую ночь перешел я польскую границу с маленьким братом на руках. Перед этим голодали целый год. Как дошел, не могу понять, потом долго болел.

— При отъезде я видел битву ледоколов во льдах. Наш капитан сказал, что это в первый раз случилось в мире. Затертые льдами ледоколы стреляли друг в друга. Больше всего я люблю северное сияние.

— Я был как каменный и все смотрел на русскую землю. Когда увидим ее опять?

— Мы все начали молиться. Прощай, дорогая Родина.

— Холодно. Дико воет ветер, бьет в лицо, пронизывает самую душу. Грустно и тоскливо. Вокруг поля, набухшие от осеннего дождя, под копытами хлюпает грязь. Впереди бьется разорванный флаг. Так мы уезжали <...>

Теперь перейдем к описанию странствования детей и подростков по белу свету. Начнем опять с малышей:

— Шли и ехали 23 дня, не раздеваясь и засыпая обыкновенно на 2—3 часа.

— Я шел, пока не отморозил себе обе ноги, дальше ничего не помню. Очнулся много позже.

— Мы шли через безводные пустыни с уральцами 52 дня.

— 300 верст прошли, питаясь чем попало.

— Нас бросили все, и мы шли, мучились и опять шли, затая тихую скорбь и жгучую ненависть ко всем людям.

— Шли по 30 верст в день. Ночью грелись у костров. Ветер и мороз не давали уснуть. Есть давали только в первые дни.

— Мы долго ехали через всю Сибирь, под обстрелом, среди болтающихся на телеграфных столбах трупов, их нельзя забыть.

— Я долго шла, а когда не могла, меня перенесли, а все-таки не бросили.

— Во время дороги я увидел и сам пережил столько, что простому смертному всего не рассказать.

— Мы так долго скитались, что я начал чувствовать себя несчастным, темным на всю жизнь человеком, и так мне себя было жалко и хотелось учиться.

— Я странствовал по своей Родине взад и вперед, пока не попал за границу, где начал носить тяжести.

— И пошли мы, два маленьких мальчика, искать по свету счастья. Да так и скитались пять лет.

Неподражаемые маленькие географы. Вот несколько образчиков талантливых описаний и открытий учеников 1-го и 2-го классов:

— Целыми днями видели только воду, но вот уже чаще видели горы и, наконец, стали видеть города. Я на все смотрел. Раз вышел на палубу. Пароход стоит. Люди кричат. Очень тепло. Это был город Египет.

— Ехали месяц, пили воду с нефтью. На трубе пекли пышки. Папа заболел кровавым желудком, а я тифом. Доктор говорил — умрем, а мы выздоровели.

— А сюда я попал так: сели на пароход в Черное море, потом в Сине море и через Каспийско море, а слезли на берег Солунь и приехали в губернию Пардубицы.

— Я ходила совсем голая, в маленьких трусиках. В Сингапуре на пароходе купили много обезьян, я с ними играла, а большая обезьяна меня больно укусила. Больше я ничего не помню о России.

— Ездил я и по Туре, по Тоболу, Иртышу, Оби и Томи, и всегда мне было очень плохо.

— Мы долго бродили по лесу. Ночью перебрались через маленький ручей. Маме было тяжелее всех: она несла на руках моего маленького брата и горячо молилась, чтобы он не закричал, а то все наше дело пропало. Ему дали лекарства — опий. Мы были одеты во все черное. Присели в канаве, как камни, когда проходили солдаты.

— Как раз в это время было Рождество Христово. В вагоне была елка. Пришел капитан и сказал, что мост у Ростова взорван. Папа связал аэропланные лыжи, и мы побежали. Был мороз. Я и брат плакали. Мама успокаивала, а у нее было воспаление легких. Дон был замерзший. Моя мама скончалась только у Тихорецкой.

— Мы много ездим, ожидая смерти от большевиков, от батьки Махно, от разбойников и дезертиров.

— Наша семья такая: мама в Бельгии, брат в Индокитае, папа неизвестно где, а я здесь<...>

Старшие путешествовали не меньше, чаще одни, по России. Заграница до гимназии у них слилась в один полуголодный, часто унизительный и безнадежный кошмар. Они больше останавливаются на отдельных характерных эпизодах:

— Мы ездили долго, жили плохо. В одном городе мамина собачка стала лизать ноги какому-то нищему, я очень испугалась, думая, что нищий нас украдет. Он подошел к нам совсем близко, но ничего не говорил. Мы повернули домой, а нищий пошел сзади. Когда мама увидела нищего, ей сделалось плохо. Нищий снял бороду — это был наш потерявшийся папа.

— Мы так много ездили, что городов не помним. Помню только, что раз толпу на базаре разорвала огненная масса. Полетели руки, ноги, головы. В минуту все стихло. Когда я очнулся, около моей головы по мостовой текла красная струйка крови.

— Мне приходилось тонуть четыре раза, но так как на море всегда кто-то спасает, то я к этому привык.

— Путешествовали мы долго, только всегда деньги быстро кончались, а так интересно<...>

— Я бродил один и видел, как в одном селе на 80-летнего священника надели седло и катались на нем. Затем ему выкололи глаза и наконец убили.

— Наконец и я сам попал в Чека. Расстреливали у нас ночью по 10 человек. Мы с братом знали, что скоро и наша очередь, и решили бежать. Условились по свистку рассыпаться в разные стороны. Ждать пришлось недолго. Ночью вывели нас и повели. Мы ничего, смеемся, шутим, свернули с дороги в лес. Мы и виду не подаем. Велели остановиться. Кто-то свистнул, и мы все разбежались. Одного ранили, и мы слышали, как добивают. Девять спаслось. Голодать пришлось долго. Я целый месяц просидел в темном подвале.

— Долго оставаться на одном месте нам было нельзя. Мама не жалела себя и служила иногда в пяти местах. Потом заболела, тогда я торговал табаком. Последний год мы ели немолотую пшеницу. У нас был один большой глиняный горшок, в нем и варили на три дня.

— Пришлось мне жить в лесу. Долго я бродил один. То совсем ослабеешь, то опять ничего. Есть пробовал все. Раз задремал, слышу: кто-то толкается. Вскочил — медведь. Я бросился на дерево, он тоже испугался и убежал. Через неделю было хуже: я встретил в лесу человека с винтовкой на руке; он шел прямо, крича, кто я. Я не отвечаю, он ближе. Я предложил бросить винтовку и обоим выйти на середину поляны. Он согласился. Тогда я собрал все силы, прыгнул к винтовке и спросил, кто он. Он растерялся и заплакал. Тогда мне стало стыдно, я швырнул винтовку и бросился к нему. Мы расцеловались. Я узнал, что он такой же изгнанник, как и я. Мы пошли вместе<...>

Да, многое видели эти дети. А сколько пережили? Ведь часты явные умолчания, недомолвки, большинству просто не хватило времени, чтобы рассказать больше. От выводов воздержались все. Есть только несколько попыток вскользь резюмировать пережитое. Может быть, они вовсе не характерны, не типичны для большинства, но все же интересны:

— Видел я все, но больше всего ненавижу сейчас трусость толпы.

— Люди оказались похожими на диких зверей.

— Я пережил столько, что пропала у меня вера во все хорошее.

— С разбитой душой я начинаю опять учиться.

— Я с радостью ухватился за последнюю надежду — окончить образование. И хоть здесь отдохнуть. Вы улыбаетесь? Да, отдохнуть. Ведь жизнь все-таки прожита, и по сравнению с недавним прошлым все будет мелко и ничтожно.

ЧЕХИЯ, МЕЧТЫ О БУДУЩЕМ

Многие из наших авторов дошли до последней черты, когда раздался братский призыв Чехов. Выражениями благодарности пестрят тетради. Лучше всех умеют благодарить малыши. Некоторые из этих каракулек просятся в музей:

— Я не знала и мама не знала, что есть на свете такие добрые люди — Чехи.

— Милая Чехия, сколько процентов ты приютила русских?

— Спасибо Чехам, они не позволили нам погибнуть.

— Слава Богу, мы спаслись из-за Чехов.

— Чехи узнали, что у нас с мамой ничего нет, и позвали к себе в лагерь, мы теперь учимся, а я уже во втором классе.

У старших чаще фразы: *русское спасибо братьям Чехам; я понимаю, что сделали Чехи; гимназия спасла нас всех от гибели; только благодаря Чехам я оправился: я здесь стал опять человеком и т. д.*

— Чехи кончили наше бессмысленное шатание по свету.

— Нужно было пожить с нами в Африке, чтобы понять, что сделали братья Чехи.

— Чехи не дали погибнуть русской культуре.

— Чехи позволили мне похоронить это ужасное прошлое и жить для светлого будущего. Спасибо им.

— Дай Бог, никогда не увидеть Чехам всего того, что выпало на нашу долю.

— Только в Чехии я почувствовала, что я тоже человек и имею право на существование.

— Благодаря Чехам, сквозь весь кошмар пережитого, у меня проскальзывает временами надежда на то, что будет лучше и светлее.

— Жизнь наложила на меня ужасное пятно, и только теперь, прожив два года у Чехов, я стал таким, как раньше. Честь и слава Чехии, стране труда, заботы и любви.

Не многие успели помечтать о будущем. У тех, кто постарше, все надежды, все упования связаны с верой в скорое возрождение родной земли. При упоминании о России часто слышатся благоговейные молитвенные ноты:

— Я буду бороться с судьбой, но, что бы ни случилось, я весь в твоем распоряжении, дорогая Родина.

— О, скоро ли увидим мы вновь твои родные церкви и родные поляны?

Многие прекрасно понимают прямую зависимость своей личной судьбы от будущего России:

— Много скверных осадков у меня на душе, но будет опять Россия, и они разлетятся, как дым от лица огня.

— Сердце мое очерствело, но я верю еще только в Россию.

Совершенно особое место занимают те, у кого и сейчас все мысли там, где остались близкие. С их судьбой они связывают и свое будущее:

— Я поступил в гимназию, но не имею права ее окончить. Я не могу думать о высшем образовании, когда больная мать страдает там, дома, и ждет моей помощи. Я должен сделать все, чтобы помочь нести тяжелый жизненный крест моим несчастным родителям. Я уже просил уволить меня и помочь поступить на какие-нибудь кратковременные курсы. Я должен бросить все и спешить на помощь.

— Мне учиться очень трудно. Ночами думаю: что дома? Живы ли? Придет ли письмо?

— Здесь никто и не знает, как тяжело приходится там.

— Мои мысли часто далеко от гимназии. Я не имею права сейчас думать о себе.

И как заключительный аккорд и у тех и у других в разных выражениях часто повторяется одна и та же мысль, наиболее ярко схваченная четырнадцатилетним мальчиком:

— Господи, спаси и сохрани Россию. Не дай погибнуть народу твоему православному!

Дмитрий БИРЮКОВ

ЗНАК СУДЬБЫ

Восемь лет назад он предсказал мое будущее. Тогда я смеялся. Поверить в то, что преуспевающий чиновник ССОДа, мой ровесник, вот так просто, сидя за чаем в шести тысячах километров от Москвы, в Дели, посмотрит мою руку и предскажет будущее, было невозможно.

Тогда я смеялся. Он улыбался, видимо, из вежливости. О хиромантии больше не вспоминали, хотя моя жена отнеслась к сообщению со всей серьезностью, насколько это могут женщины, и неоднократно подбивала его рассказать «что-нибудь на эту тему». И он рассказывал разные истории о древних предсказаниях, помогая коротать вечера, наполненные жарким смрадом и отсутствием российской информации, которую мы получали только из писем, аккуратно вложенных в целлофановый пакет с бородинским хлебом.

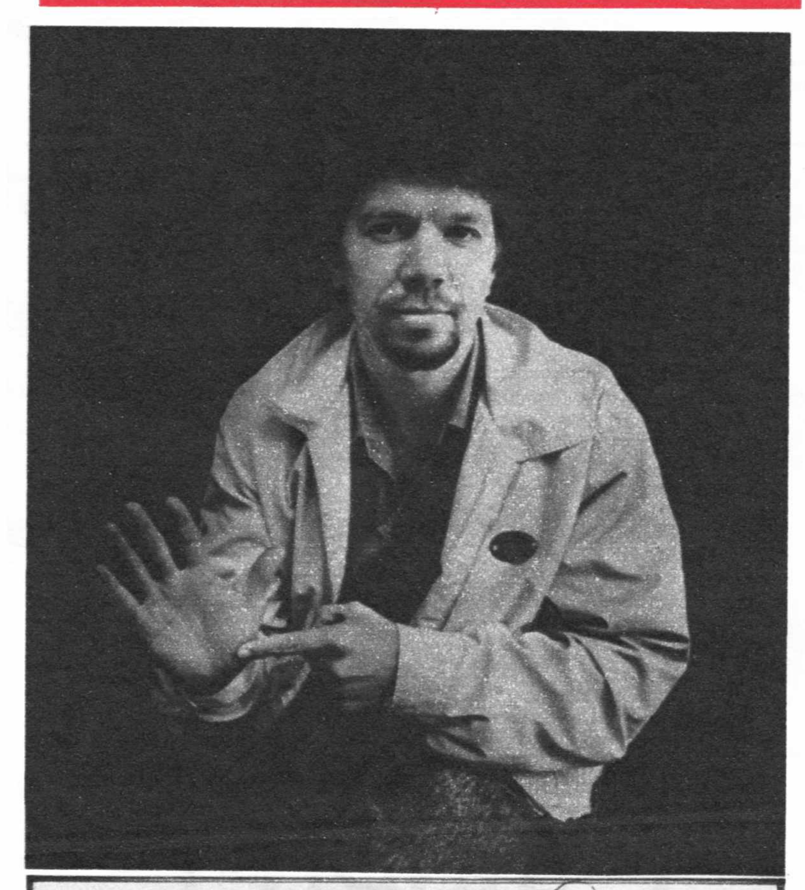
Из нашей разношерстной по происхождению, но одинаковой по поведению толпы сотрудников советского зарубежья Владимира Финогеева отличало то, что в свободную минуту он не шел в бассейн, не болтался сосиской на турнике, не открывал бутылку джина и не пялился в видик, где шли популярные в колонии фильмы с Брюсом Ли (мало текста и много трупов), а уединялся и читал Тацита, Гельвеция, явно работая не на публику. В библиотеке советской колонии книг этих авторов отродясь не было.

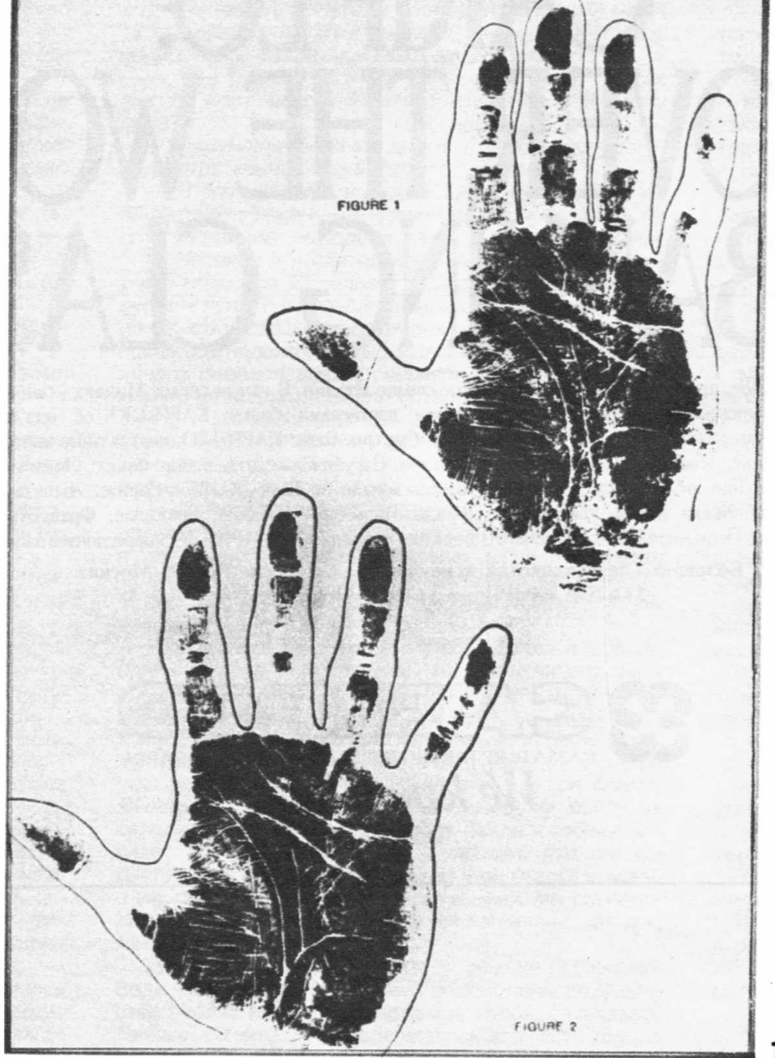
Через год его командировка закончилась, и он уехал. Мы изредка переписывались, обменивались обычным набором вежливых фраз, поддерживая наши отношения скорее по инерции, чем по необходимости.

Даже когда я вернулся в Москву, мы не встречались, довольствуясь телефонными разговорами типа «ну как дела?». Кстати, его дела шли неплохо. Можно даже сказать, он сделал карьеру, став ответственным секретарем Общества советско-непальской дружбы, не вылезал из командировок, о которых, правда, не любил распространяться.

Забыл ли я его предсказания? Сначала — да. Я ни разу о них не вспомнил, пока впервые не оказался перед выбором. Именно тогда моя память, начав свою странную игру, выплеснула в сознание его слова, забыть которые мне не было суждено. Все, что он говорил, сбывалось. Странно, но вместо облегчения или радости — тем более что прогноз был достаточно безоблачным,— мной овладело раздражение: тоже мне деятель, несет всякую чепуху, а потом майся. Раздражение усиливалось еще и оттого, что я никогда не верил во всякую чертовщину и презирал тех, кто стремился попасть к колдунам и бабулям-гадалкам, чтобы наслушаться таинственных бормотаний и мистических прогнозов о грядущем конце света. Утомившись от злости, я все же решил перебороть себя и разобраться: а в чем, собственно, причина? Что меня мучает? Тайна? Зависть: он может, а я нет? Ответ пришел неожиданно. Я вдруг понял, что противился его словам только потому, что интуитивно чувствовал посягательство на собственную личность. Его слова лишали меня свободы выбора, открывая дверь новой, неведомой диктатуре, чью силу невозможно было представить и уж тем более персонифицировать. А это вновь означало смирение, потому что войну с призраками может вести только безумец.

Возможно, я бы плюнул на все, если бы не узнал, что В. Финогеев уволился с работы и перешел в Центр восточной медицины, официально став хиромантом.

1

И тогда я... записался на прием.

Зачем? На этот вопрос я отвечал сам себе примерно так. Почувствовав свободу, парень решил заработать и подался в шаманы. Эта гипотеза настолько овладела мной, что я разработал целый план разоблачения. Но две женщины, которых я отправил «в разведку», вернулись настолько пораженными, что восприняли мои попытки подвергнуть его прогнозы сомнению как кощунство. Настала моя очередь.

— Вовка,— обратился я к нему фамильярно, подставив свою ладошку,— ты это всерьез?

— Кто сказал, что дело выбирают по каким-либо соображениям? Дело выбирают по страсти. Только она толкает на решительные действия, связанные с изменением судьбы.

— Какая, к черту, страсть. Тебе что, плохо жилось?

— Ты знаешь, в какой-то момент, работая в ССОДе, я понял, что все время буду вынужден мириться с тем, что кто-то постоянно лезет в мою душу, обсуждает мое поведение, что я все время нахожусь под контролем. Более того, я смотрел на свои собственные руки...

— Даже так...

— И видел, что правая рука предсказывала мне неплохую карьеру, левая же говорила о том, насколько быстро я приближаюсь к глубокому внутреннему конфликту. Это было полное разочарование на пути, по которому я шел. Полный духовный крах. Естественно, я стал думать, как его избежать, и пришел к выводу, что только хиромантия может стать для меня той духовной опорой, которая бы помогла воспитать чувство собственного достоинства.

— А ты уверен, что хиромантия — это серьезно?

— Я занимаюсь хиромантией тринадцать лет. Кстати, я сам сначала думал, что это несерьезно. Тогда я работал переводчиком в Танзании. Поскольку рабочий день начинался в 10 утра, а заканчивался в 12 дня, то можешь себе представить, сколько у меня было свободного времени. Каждый расправлялся с ним по-своему. Кто-то изнывал от тоски, кто-то играл в волейбол, а я ходил в библиотеку и читал запрещенные, как правило, книги. Однажды мне попался фолиант по хиромантии. Я внимательно его прочел и, основываясь на приведенных схемах, стал исследовать свою руку. И понял, это ерунда. Моя рука, руки моих знакомых никак не подходили под описания в книге. Возможно, на этом мое знакомство с хиромантией закончилось бы, если бы не одно происшествие. Шла война между

Подборка фотографий отпечатков рук напомнит вам о загадочном мире линий, который мы ежедневно носим в наших ладонях. Он станет более понятным и доступным, когда мы поймем, что паутина морщинок и складок не хаос, а графический перенос биохимических процессов в мозге на ладонь по нервным каналам и связям. Путем тысячелетних наблюдений удалось установить значение большинства знаков на ладонях и пальцах, выяснить корреляции типов руки с характером, здоровьем и судьбой человека.

№ 1

Эта пара фотографий — своеобразное резюме состоявшейся беседы, ибо эти отпечатки демонстрируют, как воля, настойчивость, целеустремленность меняют жизнь и участь человека. Здесь изображены два отпечатка правой руки одного и того же лица. Нижний сделан спустя 1 год 8 месяцев после верхнего. Обратите внимание на увеличение длины пальцев и изменение пропорций ладони. В хиромантии пальцы и ладонные зоны под пальцами представляют ментальное начало в человеке, иными словами, степень и меру его интеллекта. В данном примере происшедшие изменения показывают, что ум человека пришел в движение, мышление стало более ясным, твердым и острым, возросли способности и вкус к умственной деятельности. Год и восемь месяцев этот человек посвятил напряженной учебе и добился качественного изменения своей жизни.

Угандой и Танзанией. После того как был занят Энтеббе, где находилось несколько советских «МИГов», Джулиус Ньерере отдал приказ перегнать самолеты к нам в маленький городок. Первым шел самолет-спарка. За несколько секунд до посадки связь прервалась. Самолет продолжал снижение, но даже сторонним наблюдателям стало ясно, что скорость слишком велика. «На второй круг, на второй круг»,— твердил руководитель полета. Спарка приземлилась на переднюю ногу, которая сразу же подломилась. Самолет плюхнулся на брюхо и стремительно с жутким грохотом заскользил по взлетно-посадочной полосе. Мне показалось, что все кончено. Неожиданно отлетел фонарь. Катапультировался второй пилот. Мы ждали первого, но в этот момент у самолета отломились крылья, и он повернулся набок. Именно тогда из кабины вылетел первый пилот. Он врезался в земляной холм. Второй пилот приземлился благополучно. Когда уносили погибшего танзанийца, я, сам не знаю почему, заглянул ему в руку и с удивлением обнаружил знак, который запомнил из книги: смерть от удара в голову.

Уже потом я понял, что ошибки в хиромантии происходят из-за того, что предмет очень сложен. И та легкость, с которой хиромантия применяется в плане развлечения на дилетантском уровне,— следствие ее непонятой сложности. Вообще, на мой взгляд, вокруг хиромантии сложилась масса заблуждений. Первое — это огульное отрицание. Второе — вера в то, что хиромантия может предсказать все и что предсказанное невозможно изменить.

— Но как быть со мной? Все, что ты предсказал, сбылось.

— Пойми, на руке изображена не судьба, а прогноз. Надо полагать, мозг просчитывает разные версии жизненного пути, учитывая увлечения, привязанности, оттенки характера. Поскольку между мозгом и рукой существует связь, эта информация передается в виде знаков. Хиромантия — это язык, который мы просто переводим. В этом языке мы знаем правила грамматики, но не так много слов. Именно поэтому предсказания носят, как правило, достаточно общий характер. Но я хочу предупредить: помимо классической хиромантии, есть еще экстрасенсорная, которая не предполагает вычисления признаков. Более того, бывает, что иногда два хироманта дают разные прогнозы одному и тому же человеку. И, как ни странно, оба могут быть верны. Один может относиться к здоровью, другой — к характеру человека. К тому же общие вещи могут быть истолкованы по-разному.

— Стоп. Из того, что ты сказал, вытекает простой вывод: все это шаманство чистой воды. Прогноз может подтвердиться в том случае, если хиромант попросту угадает.

— Боюсь, ты не понял. Я просто на конкретных примерах показал, что хиромантия окружена тайной. И это необходимо. Во-первых, нельзя стать хиромантом, прочитав несколько книг, как нельзя сделать операцию по описанию. Во-вторых, обязательно нужен учитель, который объяснит нюансы. И в-третьих, есть еще профессиональные секреты. Главным в хиромантии является вопрос об этике. Для того чтобы стать настоящим хиромантом, нужно пройти через этапы нравственного совершенствования. Не всем можно заниматься хиромантией, как, впрочем, не всем следует показывать руку. Это просто небезопасно. Ведь речь идет о самом сокровенном — о будущем человека.

— Ты говоришь о нравственном совершенствовании. Я бы еще поверил, если бы речь шла о прошлом веке. Но ты родился не на Тибете, не в глухой деревушке, а здесь, в далеко не самом нравственном обществе.

— Отчасти ты прав. Первым моим побуждением было стремление сделать что-нибудь необыкновенное. Я хотел спасти себя. Когда мне это удалось, я понял, что этого мало. Нужна гораздо более высокая цель.

— Ты клонишь к идее спасения всего человечества? Я бы не сказал, что в этом есть что-то новое. Сколько людей стремилось нас облагодетельствовать. И что из этого получилось?

— Иногда абстрактный спор бесплоден. Я видел руки огромного количества людей, которые считают, что они с моей помощью могут узнать, где можно получить мешок денег или купить жареного слона. А ведь каждый человек должен для себя проделать огромную работу, отказаться от иждивенчества. Иначе результат жизни будет никчемным. Чуда не бывает. Судьба не может дать человеку больше того, что он сам сможет сделать.

Считают, что хиромантия может предсказать вид и род деятельности. Но есть много людей, которые не имеют никакого призвания. Они никогда и ни к чему не стремились и находятся в полной тьме и дезориентации. Некоторые руки вообще дают только физиологию.

— Поесть, попить и поспать?

— В хиромантии это называется растительное вегетативное существование.

— И сколько таких рук ты видел?

— Примерно 5—10%. Но в основном люди приходят получить прогноз накануне важного решения. Есть трагические руки. Они, как правило, принадлежат людям, которые зарыли свое дарование, всю жизнь занимаясь тем, что им не по душе.

Многим кажется, что жизнь несправедлива, потому что приходится начинать с нуля. Я считаю, что жизнь справедлива. Просто справедливость длинней одной жизни. И в этом я вижу основную задачу хиромантии — заставить человека понять, что он находится в начале пути и сам должен поставить цель. Способности появятся потом, может быть, не в этой жизни.

— Ну вот и обрадовал.

— Не забывай, хиромантия входит в оккультные науки.

— Вова, а не слишком ли ты самонадеян? Одними беседами мир не перевернешь.

— Я не думаю, что ты прав. Достаточно вспомнить хрестоматийный случай с Юлием Цезарем, который увидел в храме статую Александра Великого. Александр Великий в моем возрасте добился всего, я же не сделал ничего, подумал Цезарь и с того момента стал прилагать значительные усилия к достижению власти. И неизвестно, через сколько лет проснулась бы эта страсть, если б не посещение храма. Иногда и услышанное слово меняет жизнь человека.

— Ты бы еще Карла Маркса вспомнил! А кстати, ты сам на какой, как это модно сейчас спрашивать, стоишь платформе?

— На советской.

— Не понял.

— Дело в том, что ни индийская школа, ни западная не дают для советского человека надежных характеристик, то есть не соответствуют реальности, в которой мы жили.

— Ты хочешь сказать, что у нас образовалась новая общность — советский народ?

— В какой-то степени — да. Дело в том, что в деспотических государствах, где царит уголовная этика, где добродетель является преступной и расценивается как сумасшествие, люди действуют иначе. На этот счет очень точно сказал Гельвеций: при императоре Тиберии даже стоны и крики несчастных считались мятежными, потому что все преступно при преступном государе. Таким образом, человек, живущий в условиях тирании, становится ущербным, и эта ущербность находится внутри. Человек даже не замечает своих действий. Для него, например, непонятны такие понятия, как свобода и добродетель. Особенно для тех, кто не мыслит сам и получает заблуждения в готовом виде. Тот же, кто мыслит, конечно, понимает, что такое честь и достоинство, но весь комплекс поведения, связанный с этими понятиями, просто отсутствует. В деспотическом государстве для большинства людей принципы не содержат никаких следствий. Это искаженное сознание и проявилось на руке в виде советских знаков.

— Ты это очень точно подметил. Приходит мужик к хироманту и просит: «Уважаемый, не могли бы взглянуть на мою руку? Жизни никакой нет. Все наперекосяк». Хиромант руку посмотрел и отвечает: «К сожалению, ничего утешительного не могу сказать». «Но почему?» — взмолился мужик. «Да потому,— отвечает хиромант,— что у вас вместо линии судьбы идет линия партии». Ты эти знаки имел в виду?

— Извини, что в твоем присутствии опять упомяну Гельвеция, но в своей работе «Об уме» он сделал прекрасный социологический срез деспотии древнего мира. Вот послушай одну притчу. Когда Александр Македонский мгновенно покорил Персию, один грек стал обвинять перса в трусости. И тогда перс сказал: давай поменяемся. Ты дай нам вашу страну, а себе возьми нашего правителя, и тогда я буду героем, а ты трусом. Обыкновенный человек не понимает современных ему процессов. Не думая или не имея возможности думать, он получает истины и заблуждения в готовом виде. Народ начинает прозревать тогда, когда ему скажут об этом.

Путь человека к свободе проявляется в разных формах. Например, оккультисты считали, что смысл всемирной истории заключается в борьбе посвященных против тирании.

— Что такое тирания, мы знаем. А кто такие посвященные? Посвященные во что?

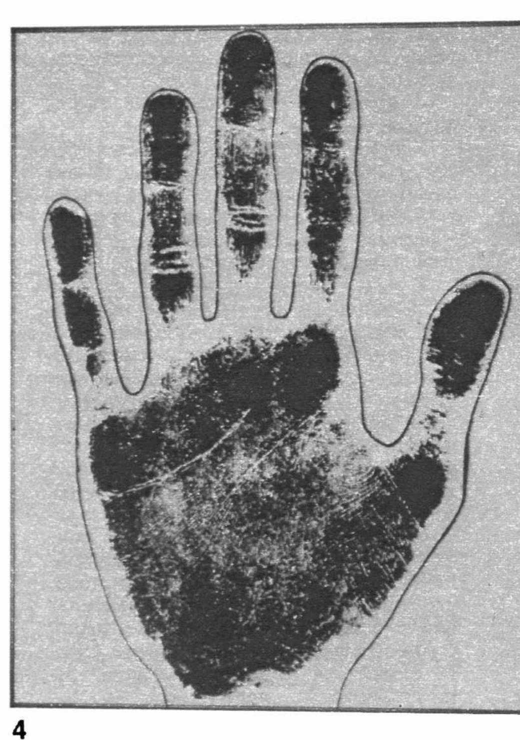
— Я думаю, мы до конца не знаем, что такое современная тирания. Не постигли всех ее сторон, не осознали всей губительности ее последствий. Ясно одно: деспотия уничтожает личность, а когда человек перестает быть личностью, мало шансов сделать его свободным. Он обречен быть рабом. Интересно, что в деспотических режимах не

2

3

4

№ 2

Это отпечаток ладони человека, одаренного литературными способностями. Заключение сделано на основе взаимоотношения пальцевых и ладонных характеристик. Пальцы развиты, они прямые, гладкие, с глянцевидной, тонкой, бело-розовой кожей. Безымянный палец удлинен и имеет каплевидную концевую фалангу, что хиромантия связывает со способностями к драматургии. Указательный палец имеет конические очертания, его длина и масса говорят о стремлении к возвышенным идеалам, интуитивном видении мира, честолюбии и добродетели. Основные линии четки, глубоки. Линия головы делает изящный изгиб и склоняется книзу, что свидетельствует об образности мышления и творческих задатках.

№ 3

Отпечаток правой руки Лены М. Эта фотография интересна тем, что на ладони хорошо видна графика нарушения деятельности Центра безопасности (условное название системы организма, поддерживающей необходимую степень сознательного и подсознательного внимания по охране тела от разрушительных внешних воздействий). На отпечатке эта зона заключена в круг. Всего выделено около сотни знаков дисфункции Центра безопасности. Отпечаток иллюстрирует один из наборов: маленький крестик под линией головы, режущая линия от среднего пальца, разрыв линии головы — это заставляет предполагать травму головы в возрасте от 20 до 23 лет. Лена М. действительно упала и получила сильный ушиб головы, когда ей было 20 лет. Последствия удара проявились в виде головных болей и некоторых отклонений в восприятии действительности, продолжавшихся в течение 10 лет.

№ 4

При соответствующих хирогномических показателях (например, трофика и цветность ногтевых пластин, особенности рисунка кожных покровов пальцев и ладони) исчезновение линии жизни (линия, опоясывающая возвышение основания большого пальца) часто свидетельствует о присутствии вегетососудистой дистонии.

работают законы. Во-первых, потому, что они служат частным интересам властей предержащих. Во-вторых, сама власть дает образец несправедливости и преступности и тем самым освобождает граждан от моральной ответственности перед законом. Поэтому в таких государствах гражданин всегда нарушает закон, если есть возможность сделать это безнаказанно. И как следствие этого, при деспотии хаос образуется тогда, когда ослабевает принуждение.

При режиме деспотии люди всегда злы, потому что такими их делает законодательство, наказывающее всякого, кто делает добро и говорит истину.

Так считали мудрецы двести лет назад, и, как мы видим, многое актуально и сегодня. С точки зрения хиромантии, люди тиранического склада имеют сходные пальцевые и ладонные знаки. Обладая такими знаками, люди всегда становятся диктаторами, когда получают власть.

— А нет ли отличительных знаков на руках наших партийных деятелей?

— Каких-то особых знаков нет. Единственное: большинство рук тех партократов, чьи ладони мне удалось посмотреть, удручали отсутствием знаков красноречия, дара слова — качества, необходимого для истинного политика.

Что же касается посвященных, то это люди, которые прошли глубокое и всестороннее обучение в разных направлениях оккультизма.

— Колдуны, короче.

— Я бы так не сказал. Многие великие личности были посвященными: Шекспир, Бальзак... Гете занимался практическим оккультизмом. Мы Пифагора воспринимаем как геометра и философа, но для оккультистов он свой, поскольку продолжил развитие эзотерической доктрины Египта на Западе. Кстати, именно Пифагор импортировал хиромантию в Европу. Первое же сочинение по хиромантии в Европе, дошедшее до наших дней, написал Аристотель в 350 году до нашей эры.

Храмы Египта, вокруг которых сплотились многие школы, подготовили Ликурга, Солона, Миноса. И, наконец, там обучался Моисей. Считалось, что египетская наука обладала знаниями законов развития общества. А смысл всемирной истории заключается, по мнению оккультистов, в борьбе против тирании. И посвященные способствовали этой борьбе.

— А что ты остановился? Перечисляй дальше.

— Думаешь, стоит? Кстати, сами посвященные считали, что народ нужно охранять от некоторых истин, а давать ему лишь то, что он может принять и усвоить в данный момент.

— Так. Уже стращать начал.

— Нет. Просто я вижу, что ты уже воспринимаешь посвященных как некую масонскую ложу с криминальным уклоном. А ведь я говорю о посвященных в философском плане. На мой взгляд, это люди, которые могут мыслить, получать максимум информации из окружающего мира и анализировать ее. И самое главное — строить свою жизнь, учитывая предсказания, или, говоря научно, прогноз потенциала.

— Я так и знал, что в конце концов ты подберешься к своей излюбленной теме. А не кажется ли тебе, что предсказания — это спасительная и в то же время опасная игра? С одной стороны, начинаешь на кого-то надеяться. С другой — безропотно вынужден воспринять любые пророчества.

— Ты прав, немного опасная. Но ты говоришь так, как будто можешь отменить существование предсказаний. С древних времен и по наши дни предсказания являются частью нашей жизни. Только если раньше предсказания опирались на богов, то сегодня в нашем мире, насквозь пронизанном атеизмом, они тоже продолжают свершаться. От этого никуда не деться.

— Вот это я как раз и имел в виду. Никуда не деться. Как зарплата при социализме. Что тебе предскажут, то и получишь. Это же полная несвобода. Рабство.

— Ничего подобного. Это примитивный взгляд, я бы сказал, догматический. Ты прав только в одном. Раньше предсказания сбывались хотя бы только потому, что ни один из известных людей не предпринял никакой попытки изменить свою судьбу, полагая, что это есть нечто уже предначертанное. Но на то мы и живем в двадцатом веке, чтобы поступать иначе.

Совсем недавно ко мне на прием пришла женщина, у которой на руке было отмечено, что пять лет назад она должна была погибнуть в горах. Я, естественно, стал ее расспрашивать и выяснил, что пять лет назад она вместе со своим любимым собиралась в турпоход, но в последний момент, подчиняясь чувству безудержного страха, осталась дома. Ее друг погиб. Она определенно разделила бы его судьбу. Никто из их группы не спасся. Таким образом, повинуясь своему предчувствию, то есть своеобразному Центру безопасности, который есть практически у каждого, она осталась жива.

— А почему ты решил, что она должна была погибнуть в горах?

— Есть знаки, указывающие вид смерти. Смерть от удара в голову, от падения с высокого места, от ножа, от яда. В индийской школе есть знак смерти от падения с лошади и даже осла.

Должен сказать, что это не единственный случай в моей практике. Одни обладатели знаков смерти на мои вопросы отвечали, что ничего не заметили. Другие говорили, что чудом избежали смерти. Таким образом, работая с предчувствием, то есть мысля вперед, человек может избежать многих опасностей. И это еще раз подтверждает, что он свободен.

— При чем тут предсказания?

— А при том, что, зная предсказание, человек, не снабженный развитой интуицией, может избежать трагических ошибок.

И потом, предсказания — это не игра со смертью. Предсказание — это скорей помощь в выборе оптимального варианта, который просто предотвратит массу усилий, затраченных впустую. Это путь к наиболее полному самовыражению. На мой взгляд, это очень важный шаг к свободе. С помощью предсказания можно подобрать состав участников коллектива в соответствии с совместимыми признаками. Можно помочь молодому человеку правильно выбрать профессию. Наконец, помочь родителям воспитывать ребенка. Ведь не секрет, что для одного ребенка шлепок за непослушание — это пустяк, для другого — душевный слом, который проявится впоследствии.

— Если предсказания полезны, тогда почему люди так шарахаются от гадалок?

— И правильно делают. Ведь часть будущего может задаваться. Например, цыганка может задать само предсказание. Предсказание станет достоянием мозга, и сознание его осуществит вопреки твоей воле. Очень внимательно надо давать свои руки тем, кто работает без всяких этических норм и обладает низким культурным уровнем.

— Значит, к гадалкам ходить не надо. Понятно. У меня был знакомый парикмахер, который каждый раз, усаживая нового клиента, бурно возмущался: «Ну где вас так плохо постригли?!» Тебе это ничего не напоминает?

— Можно прожить без астрологии, без хиромантии. Как выяснилось, можно прожить без генетики и без кибернетики. Можно даже уйти в природу, переселиться в тайгу. Мы испробовали все. И каков результат? Стали ли мы лучше, умней и просто счастливей? Сейчас, чтобы попасть ко мне, к официально практикующему хироманту, нужно записываться за два месяца. Неужели ты думаешь, ко мне идут от сытости, утомившись от веселья и радости? Конечно, ты можешь обвинить режим, правивший в нашей стране, и это отчасти будет справедливо. Но только отчасти. Беды и несчастья людей, приходящих ко мне и другим хиромантам, только косвенно связаны с системой. Наши несчастья порождены духовным рабством, попытками прожить, отгородившись от мира. А между тем у человека есть на руке такие линии — они говорят, что он снабжен системой, воспринимающей информацию, минуя пять органов чувств. Идет энергетический прием информации, которая дешифруется мозгом помимо нашей воли.

— Ты хочешь сказать, что наш мозг существует сам по себе?

— Это не исключено. Совсем недавно я по радио слышал об открытии нашего ученого, который электросигналами воздействовал на рост клетки. Он брал улитку и задавал ей обратный ход развития, и улитка превращалась в зародыш. Ты хоть понимаешь, что это означает в философском плане? Если возможно управление через электромагнитное излучение, то вполне возможно, что и человек в своем развитии выполняет команды невидимого мира, попадая в достаточно жесткую схему.

— Скажи честно, ты это сам придумал?

— Нет, так говорили оккультисты много тысячелетий тому назад, еще до рождения христианства.

— Ну тогда понятно.

— Ты, конечно, можешь все отрицать. Это твое право. Но должен тебе сообщить, что уже сегодня многие идеи оккультизма находят свое подтверждение в современных научных опытах. А как ты знаешь, приборам мы доверяем больше.

Конечно, вопросы существуют. Вот один из них. Может ли мышление существовать отдельно от мозга? То, что мысли передаются на расстоянии, уже доказано. Если ответ на мой вопрос будет положительным, тогда можно предположить, что существуют и другие субстанции, обладающие мышлением, способные оказать влияние на человека.

— Я неверующий, но Бога, думаю, лучше не трогать.

— Но сверхразум может быть порождением самого человека. Мысль материальна. Как только ты подумал, она существует как в виде биохимического процесса в мозге, так и в виде его энергетической копии. Мысль о Боге создает Бога в реальном смысле. Но мысли о Боге у всех разные, поэтому Бог так сложно устроен. Оккультисты шутили, что человек создал Бога по образу своему и подобию. Не исключено, что Бог существует отдельно от мира и от человека. Но я считаю, что Бог будет открыт наукой как природный феномен.

— Это в каком же смысле?

— Я думаю, открытие Бога как физической силы уже началось в естественных науках. Например, открытием энергоинформационных обменов между живыми организмами. Если Бог что-то хочет сообщить человеку, он для этого должен пользоваться средствами доставки. Наверняка они будут энергетическими. Недавно ученые сфотографировали вокруг человека и вокруг растений так называемое энергетическое изображение их внутренней структуры. Но эта структура, в свою очередь, состояла из еще более тонких энергий, которые распространяются еще далее в пространство, а может быть, бесконечно. Что это значит? Это говорит о том, что за человеком стоит идея, которая связана с независимым органом мышления — сверхразумом. Поэтому вряд ли стало возможным, чтобы человек получился в результате естественного отбора. Недавно в № 12 «Нового мира» за 1989 год была опубликована статья Тростникова о некоторых заблуждениях во взглядах на возникновение и развитие мира. И там был пример о том, как скрестили волка и собаку. Очень интересно, что в последующих поколениях эта помесь давала либо волков, либо собак. Переход из одного вида в другой не состоялся. Автор предполагает, что все живое возникло сразу и в том виде, в котором существует. И в то же время для физиолога и анатома очевиден переход из одного вида в другой. Оккультисты тоже утверждают, что такой переход есть. Только, по их мнению, он осуществляется в энергетическом мире, и ученые тщетно ищут доказательства на земле.

Возможно, то, что я говорю, не укладывается сразу в голове...

— Да уж...

— В Москве в прошлом году на Всесоюзной конференции биоэнергетиков один ученый сделал доклад об открытии лептоновых полей. Он заявил, что наша мысль не только выходит на эти поля, но мы можем и управлять некоторыми процессами, только думая о них. Более того, по его мнению, и сами лептоновые поля реагируют на мысли — их структура меняется под воздействием дурных или благородных мыслей. Если человек думает о зле, то его структура изменяется настолько, что притягивает зло.

— Ты мне скажи, когда начинать смеяться.

— Когда хочешь. Но ведь вполне возможно, что эти лептоновые поля и есть тот сверхразум, с которым мы тесно связаны. Он управляет нами, мы, в свою очередь, воздействуем на него. Идет своеобразное перетягивание каната, в котором предсказания играют очень важную роль. Они дают человеку преимущество активного воздействия на свою судьбу.

Не кажется ли тебе, что это и есть путь к полному освобождению?

Извини, я тебя, кажется, заговорил. Ты ведь пришел узнать свое будущее?

— Да. А что?

№ 5

Ладонь Маты Хари.

Известный хиромант начала XX века Кейро, исследуя руки Маты Хари, предсказал ей насильственную смерть в возрасте 37 лет. Как известно, Мата Хари была казнена по обвинению в шпионаже в 1917 году, правда, в 41 год. И хотя прорицание неточно по времени, оно верно по сути и открывает странные возможности человеческой руки видеть будущее задолго до его наступления. Отпечаток был снят в 1900 году, за 17 лет до трагической развязки. Хиромантия обнаружила, что время течет на каждой руке по-своему, но по всем расчетам, которые можно выполнить на этом отпечатке, смерть должна была последовать начиная с 36 лет. Видимо, ошибся не Кейро, ошибся мозг Маты Хари, неверно рассчитавший собственную гибель. Стрелочками обозначен рисунок, по традиции называемый хиромантами знаком принудительной смерти по воле роковых обстоятельств — это секущий треугольник, один из многочисленных ярлыков смерти, найденных хиромантией. В современном толковании это один из наборов дисфункции Центра безопасности.

№ 6

Рука самоубийцы.

При соответствующей хирогномии (в данном случае — кисть и пальцы хрупкого сложения, концевые фаланги сходящегося типа, средний палец излишне тяжел) склоненная таким образом линия головы показывает чрезвычайную, болезненную чувствительность, крайнюю неуверенность в себе, ощущение своей непригодности для этого мира и желание уйти из жизни, что действительно в конце концов и произошло.

№ 7

Данный отпечаток сделан с руки человека, употребляющего наркотики и способного на любое преступление для удовлетворения своей страсти. Взгляните на аномальность расположения линий. Отсутствие четкой линии головы говорит о полной утере контроля за своими действиями. Исправить такого человека практически невозможно, поскольку отсутствует изначальное — обдуманная, разумная воля, способная держать чувства и инстинкты в должных границах.

5

6

7

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Полярная птица, гнездящаяся птичьими базарами. 9. Грузинский народный танец. 10. Марка автомобилей, выпускаемых в ЧСФР. 11. Советский геохимик и минералог, один из основоположников геохимии, академик. 12. Контральто, солистка Мариинского и Большого театров в XIX веке. 13. Часть электромашины, несущая на себе обмотку. 14. Участник движения Сопротивления во Франции, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». 18. Популярный американский писатель, автор книг для взрослых и детей. 20. Участок, оборудованный для обучения вождению гусеничных боевых машин. 21. Советский спортсмен, чемпион Олимпийских игр по прыжкам в высоту. 22. Литературно-художественный журнал Казахстана. 24. Литературный сотрудник редакции периодического издания. 25. Деталь гусеницы танка, вездехода. 28. Полоса пустынь на юге и юго-востоке Монголии. 30. Часть огнестрельного оружия, орудия. 32. Газетный жанр, краткое сообщение. 33. Озеро в системе Великих озер Америки. 34. Математический знак. 35. Летчик, трижды Герой Советского Союза. 36. Советская спортсменка, неоднократная чемпионка мира в скоростном беге на коньках.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Печатное периодическое издание. 2. Тип торгового или делового здания в архитектуре. 3. Вышка для орудия на танке. 4. Безудержная смелость. 5. Минерал, сырье для получения квасцов, глинозема. 6. Стихотворение Д. Бедного. 8. Конструктор танков, дважды Герой Социалистического Труда. 15. Заголовок раздела в журнале, газете. 16. Французский мореплаватель, в честь которого назван пролив, соединяющий Охотское и Японское моря. 17. Музыкант, играющий на духовом инструменте. 19. Тонкая непряденая нить. 23. Остров у юго-восточного побережья Азии. 26. Река в США, впадающая в Атлантический океан. 27. Кормовое растение семейства бобовых. 28. Корректурный оттиск со столбца набора. 29. Басня И. А. Крылова. 30. Вид спортивной борьбы. 31. Советский военачальник, маршал бронетанковых войск.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 36

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Трактовка. 8. Призвание. 10. «Сенокос». 12. Русанов. 13. «Холстомер». 14. Отдел. 15. Станс. 16. Кручинина. 17. Лебедев. 20. Семинар. 22. Стручок. 24. «Геологи». 29. Эскалатор. 30. Бенуа. 31. Лицей. 32. Автономия. 34. Кулябко. 35. Ярослав. 36. Декорация. 37. Двоеточие.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Проектор. 2. Склонение. 3. «Молох». 4. Азгур. 5. Галактика. 6. Питомник. 9. Датчик. 11. Сотрудничество. 12. Реаниматология. 18. Бобр. 19. Воск. 20. Слог. 21. Немо. 23. Табулятор. 25. Гелиоскоп. 26. Трезубец. 27. Пленка. 28. Операция. 32. Аксай. 33. Ярвет.

АРСЕНАЛ

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «АРСЕНАЛ» — ЭТО ПЛОД ЭФФЕКТИВНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ОБОРОННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ, ПЕРЕШЕДШИХ НА КОНВЕРСИЮ, И ЛУЧШИХ В СТРАНЕ РАЗРАБОТЧИКОВ ЭЛЕКТРОННО-ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ.

НЕТ КОМПЬЮТЕРОВ ДЕШЕВЛЕ И ЛУЧШЕ, ЧЕМ «КОМПАНЬОН» И «МАГИК».

ЭО «АРСЕНАЛ» предлагает вам новые высококлассные компьютеры по весьма невысоким ценам. Вы убедитесь сами, что «Компаньон» и «Магик» универсальны: удобны для использования в учебных компьютерных классах управления производством и подготовки научно-технической документации.

— Возможность подключения разнообразных внешних устройств позволяет использовать наши компьютеры как персональные, так и объединенные в локальные информационные сети.

— Развитое программное обеспечение в компьютерах совместимо с программным обеспечением широко известных во всем мире компьютеров «SPECTRUM», выпускаемых английской фирмой «SINCLAIR».

— «Компаньон» и «Магик» доступны любому из нас.

— «Компаньон» и «Магик» — семейные компьютеры. Красочные, музыкальные, динамичные игры не только займут ваше свободное время, но и позволят начинающим разобраться в принципах и устройствах микроЭВМ.

Вниманию руководителей культурных учреждений! Приобретая наш компьютер, вы сможете предоставить его напрокат всем желающим. Компьютеры и информационные сети на их основе продаются по наличному и безналичному расчету и устанавливаются объединением «под ключ». По истечении гарантийного срока вам будут предоставлены льготы для приобретения нового компьютера.

Заявки на поставку компьютеров просим направлять по адресу: 125190, МОСКВА, а/я 179.
Факс: (095) 2002216, 2002217.
Телекс: 411700 ТОМ.
Телефон: 278-50-38.

В КОМПАНИИ ТАКИХ НАДЕЖНЫХ ДРУЗЕЙ, КАК «КОМПАНЬОН» И «МАГИК», НИЧЕГО НЕ СТОИТ ДОБИТЬСЯ УСПЕХА!